

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ЛИ АНЬЦИ

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н.В. ГОГОЛЯ В КИТАЕ

Специальность 10.01.01 русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор В.А. Воропаев

Москва – 2021

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Из истории изучения творческого наследия Н.В. Гоголя....	8
1.1 Изучение биографии и творчества Н.В. Гоголя в Китае.....	8
1.2 Изучение рецепции повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» в одноименном произведении Лу Синя китайскими исследователями.....	20
1.3 Изучение рецепции повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» в одноименной повести Лу Синя европейскими и американскими исследователями.....	32
Глава II. Рецепция художественных произведений Н.В. Гоголя в творчестве Лу Синя.....	41
2.1 Изучение биографии и творчества Лу Синя в России.....	41
2.2 Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя.....	49
2.3 Особенности мировоззрения Лу Синя в связи с его отношением к духовно-религиозному содержанию творчества Гоголя	62
Глава III. Освоение художественного наследия Н.В. Гоголя в Китае.....	83
3.1 Лу Синь как переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».....	83
3.2 Проблема перевода произведений русской литературы на китайский язык и методы художественного перевода Лу Синя.....	93
3.3 Продолжение традиций русской классической литературы в творчестве Лу Синя.....	107
3.4 Влияние русской литературы на китайских писателей.....	116
Заключение.....	128
Библиография.....	131
Приложение. Краткие биографические справки о китайских литературоведах и писателях, упоминаемых в диссертации	149

Введение

Диссертационная работа «Рецепция творческого наследия Н.В. Гоголя в Китае» посвящена исследованию влияния произведений русского писателя на китайскую литературу с первых десятилетий XX века до настоящего времени. В работе показано, что мощный потенциал критического реализма Н.В. Гоголя, его высокое духовное содержание и интерес к судьбе «маленького человека» были созвучны идеологии и эстетическим принципам литераторов нового Китая.

В ходе исследования рецепции творчества Гоголя в произведениях китайских авторов 20–40-х гг. XX в. использован широкий пласт материалов, в том числе произведения русских и китайских писателей, труды литературных критиков, синологов; многочисленные документальные источники.

Отдельный аспект исследования – влияние творческого наследия Гоголя на Лу Синя, которого принято считать классиком новой китайской литературы. В диссертации это влияние рассматривается сквозь призму произведений Лу Синя и его перевода поэмы Гоголя «Мертвые души». Произведен сопоставительный анализ одноименных повестей Гоголя и Лу Синя «Записки сумасшедшего»; исследован художественный метод перевода Лу Синем поэмы Гоголя; рассмотрены проблемы, с которыми столкнулся переводчик в ходе этой подвижнической работы.

Исследовано также влияние творчества Гоголя на других авторов нового Китая, в том числе представителя деревенской прозы 30–40-х гг. XX в. Чжао Шу-ли, драматурга «новой волны» Чэня Бай-чэня (рецепция гоголевского «Ревизора» в его сатирической пьесе «Картины карьеры чиновников»).

Объект данного диссертационного исследования – работы китайских, советских (российских) и зарубежных лусиневедов, посвященные изучению творчества Н.В. Гоголя и его влияния на китайскую литературу.

Предметом данного диссертационного исследования является творчество Н.В. Гоголя и произведения китайских писателей.

Цель исследования – изучение рецепции творчества Н.В. Гоголя в китайской литературе и в произведениях Лу Синя.

Основными **задачами**, исходя из цели исследования, мы считаем:

- 1) проанализировать наиболее релевантные для данной темы работы (статьи, монографии), выполненные в рамках разных школ лусиневедения;
- 2) сравнить выводы, полученные в данных работах;
- 3) проанализировать влияние творчества Н.В. Гоголя на произведения Лу Синя на мотивно-образном, содержательном, идейном уровнях;
- 4) рассмотреть наиболее значимые факты биографии Лу Синя в контексте темы настоящего исследования;
- 5) сопоставить и обобщить взгляды китайских, советских (российских), европейских и американских лусиневедов на рецепцию русской литературы и, в частности, творчества Н.В. Гоголя в произведениях Лу Синя.

Актуальность работы заключается в том, что Лу Синь является одним из самых исследуемых китайских писателей, как и проблема влияния на его творчество русской литературы в целом и произведений Гоголя в частности.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые сделан системный анализ трёх школ лусиневедения – китайской, русской (советской) и западной; рассмотрено влияние Гоголя и русской классики на китайскую литературу с позиций каждой из этих школ.

При решении поставленных задач и достижения цели исследования использовались следующие научные **методы**:

- 1) культурно-исторический, с помощью которого осуществлялось выявление связи идейно-содержательной стороны произведений Гоголя и Лу Синя с социально-исторической и культурной обстановкой;
- 2) биографический, позволивший определить причины значения творчества Н.В. Гоголя для Лу Синя как писателя, переводчика и филолога;

3) метод сопоставительного анализа, с помощью которого осуществлялось сопоставление произведений Гоголя и Лу Синя, анализ сходства и различий, определение характера связи между ними.

Положения, выносимые на защиту

1. В диссертации представлен системный анализ рецепции творческого наследия Гоголя в Китае. Показано влияние русской литературы и в первую очередь Гоголя на становление Лу Синя как писателя: на его переводческую деятельность (прежде всего перевод поэмы «Мертвые души»); на отражение в его творчестве духовно-нравственных и социальных проблем.

2. Лусиневедение как область научных исследований существует почти сто лет, и с самого его зарождения обозначилось изучение рецепции творчества Гоголя как отдельное направление. В диссертации оно представлено тремя школами, системно исследуемыми впервые.

3. Одноименные повести Гоголя и Лу Синя («Записки сумасшедшего») обнаруживают сходство одновременно на нескольких уровнях структуры текстов – мотивно-образном, жанровом, идейном.

4. Восприятию духовно-религиозного аспекта творчества Гоголя в Китае препятствовало господствовавшее в обществе традиционное мировоззрение – буддизм и конфуцианство. Это положение подтверждается в диссертации анализом философских представлений Лу Синя, отразившихся в его произведениях.

5. Впервые проведен сопоставительный анализ малоисследованной области поэзии – стихотворной молитвы Гоголя, обращённой к Пресвятой Богородице, и стихотворения Лу Синя «Моя потерянная любовь». Оба произведения связаны с традиционными, фольклорными художественными формами. Показано, что «Молитва» Гоголя носит сугубо личностный, исповедальный характер; стихотворение Лу Синя содержит скорее социальный посыл, автор иронизирует над жанром любовной лирики.

6. Исследовано влияние творчества Гоголя на писателей нового Китая, в том числе представителя деревенской прозы 30–40-х гг. XX в. Чжао Шули, драматурга «новой волны» Чэня Байчэня (рецепция гоголевского «Ревизора» в его сатирической пьесе «Картины карьеры чиновников»).

Теоретическая значимость работы заключается в рассмотрении влияния творчества Гоголя на произведения Лу Синя и в целом на китайскую литературу первой половины XX в., изучении особенностей мировоззрения Лу Синя в связи с его отношением к духовно-религиозному аспекту творчества Гоголя.

Практическая значимость диссертационной работы предполагает использование полученных в ходе исследования выводов и обобщений разных научных позиций в отношении связи творчества Лу Синя с произведениями Гоголя для дальнейшей разработки данной темы, важной с точки зрения культурной и научной интеграции России и Китая.

Представленный в диссертации материал может стать основой для проведения образовательных семинаров и лекций по данному направлению литературоведения.

Работа прошла **апробацию** на четырёх научных конференциях:

1) Международный научный молодёжный форум «Ломоносовские чтения–2017» (Москва, 2017);

2) Международный научный молодёжный форум «Ломоносовские чтения–2018» (Москва, 2018);

3) Всероссийская научная конференция с международным участием «Комедия Н.В. Гоголя “Ревизор”: история и современность». К 185-летию премьеры в Александринском театре» (Москва, 2021);

4) VI Всероссийская научно-практическая конференции с международным участием «Гоголь и Пушкин сегодня» (Санкт-Петербург, 2021 г.).

Диссертационное исследование прошло апробацию в качестве научно-квалификационной работы (кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 05.09.2019).

Результаты отражены в статьях, **опубликованных** в рецензируемых изданиях, рекомендованных диссертационным советом МГУ имени М.В. Ломоносова:

1) Ли Аньци. История изучения повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя в Китае в контексте влияния одноименного произведения Н.В. Гоголя // Litera. М., 2019. № 4. С. 26–34.

2) Ли Аньци. Лу Синь как переводчик поэмы «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Казанская наука: Серия: Русская литература. Казань, 2019. № 9. С. 11–15.

3) Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2020. № 3. С. 85–93.

4) Ли Аньци. Лу Синь и Н.В. Гоголь: неисследованная область поэзии // Litera. М., 2021. № 11. С. 19–28.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Глава I. Из истории изучения творческого наследия Н.В. Гоголя

1.1 Изучение биографии и творчества Н.В. Гоголя в Китае

Как следует из ряда источников¹, первые переводы русской литературы появились в Китае в начале 1910-х гг. Однако есть примеры более раннего знакомства китайских читателей с русской словесностью. Первый перевод произведений русской литературы появился в Китае в 1873 г., в эпоху династии Цин.

«Первым ее произведением, там опубликованным, стала “Русская басня” (1873) в переводе американского миссионера Парсонса (китайское имя Вэй Лян) – видимо, изложение одного из вариантов басни Л. Толстого «Два товарища», – отмечает Роман Шапиро². По мнению автора, подобные сюжеты есть у древнегреческого поэта и баснописца Эзопа, римского баснописца V в. Авиана, французского баснописца XVI в. Лафонтена, но по стилю этот текст ассоциируется именно с басней Л.Н. Толстого.

Периодическое издание «Китайская и западная хроника», в котором был напечатан перевод русской басни, являлось первым, знакомившим китайцев с западной культурой, естественными науками и технологиями, а также сообщавшим о текущих событиях и новостях³.

В XIX в. была создана «Школа русского языка», входившая в состав отдела школы иностранных языков (1862–1900) при государственной программе по изучению иностранных языков и некоторых дисциплин, в рамках которой велось обучение переводчиков русского языка. В 1899 г.

¹ Шапиро Р.Г. Варвары в Поднебесной // Иностранная литература. 2010. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2021/12/varvary-v-podnebesnoj.html> (дата обращения 21.10.2021).

² Там же.

³ Русская басня / Пер. с русского Мартина Уильяма Александра Парсонса // Китайская и западная хроника. Пекин, 1872. № 1. С. 16; Чэнь Цзянь-хуа. С «Русской басни» до творчества И.А. Крылова – о ранних переводах русской литературы в Китае // Сравнительная литература в Китае. Шанхай, 1996. №. 4. С. 97. (陈建华 从《俄人寓言》到克雷洛夫寓言 – 谈谈中国早起的俄国文学译介. 中国比较文学, 上海, 1996 年, 第 04 期第 97 页。)

переводчик и исследователь Чжан Чин-тун, учащийся «Школы русского языка», отправился в Россию на шесть лет. В его путевые заметки о России, опубликованные в 1912 г., была включена переписка ученого с Л.Н. Толстым, оказавшая большое влияние на межкультурные связи двух государств. До движения «Четвёртое мая» «Школа русского языка» была единственным институтом, занимающимся не только обучением китайцев русскому языку и переводу с русского языка на китайский, но и исследованием русской литературы, вызывавшей большой интерес у китайских ученых.

Известный философ, литератор и общественный деятель Лян Ци-чао в книге «О связи романов и управления массами» (1902) подчеркивал: «Если вы хотите новую страну, вы должны сначала начать с нового деревенского романа»⁴.

Теория Ляна Ци-чао и его работы, ставшие для своего времени новаторскими, оказали огромное влияние на китайскую литературу позднейших эпох. Благодаря его трудам была заложена прочная теоретическая база, на основе которой появилось большое количество переводов иностранных произведений. После движения «Четвертое мая» исследования по русской литературе продолжали занимать большое место в китайской филологической науке.

Личность и творчество Н.В. Гоголя всегда вызывали интерес у китайских литературоведов. До сих пор спорным остаётся вопрос, кто впервые занялся изучением творчества и биографии Гоголя в Китае. Большинство китайских и русских исследователей считает, что это был писатель и литературовед Лу Синь. Например, Ван Фу-жэнь⁵ и Ван Чжи-гэн⁶

⁴ Лян Ци-чао. Классические произведения Ляна Ци-чао / Под ред. Тэн Хао. Пекин: Изд-во Современный мир, 2016. С. 181–185. (梁启超 梁启超经典。滕浩主编，北京：当代世界出版社，2016年，第181–185页。)

⁵ Ван Фу-жэн. Ранние повести Лу Синя и русская литература. Тяньцзинь: Педагогическое издательство, 1983. С. 36–61. (王富仁 鲁迅前期小说与俄罗斯文学。天津教育出版社，1983年，第36–61页。)

отмечали, что именно Лу Синь в книге «О силе сатанинской поэзии» (1907)⁷ впервые дал высокую оценку творчества Гоголя, а также говорил о влиянии писателя на русскую литературу.

Е.А. Серебряков в статье «Гоголь в Китае» писал, что «история популяризации художественного наследия Гоголя в Китае и перевода его произведений на китайский язык неразрывно связана с деятельностью основоположника новейшей китайской литературы Лу Синя (1881–1936)»⁸. Однако Пин Бао-син считал, что Цюй Цю-бо является одним из первых ученых, обращавшихся к творчеству Н.В. Гоголя.

Сун Инь-нань в статье «Исследование творчества Н.В. Гоголя в Китае: литературоведческие школы и их методологические проблемы» доказала, что Лян Ци-чао – первый учёный, познакомивший китайских литераторов и литературоведов с творчеством Гоголя⁹. По мнению Сун Инь-нань, в результате того, что первый перевод «Мертвых душ» был сделан Лу Синем (с немецкого на китайский язык) в 1936 г., он считается первым литературоведом, изучавшим произведения Н.В. Гоголя. В дальнейшем произведения Гоголя неоднократно переводились. В частности, переводческая деятельность Цюй Цю-бо и Мань Тао способствовала широкому распространению творчества Гоголя в Китае.

Самым известным переводом поэмы «Мертвые души» является перевод Лу Синя, однако существуют и другие, более поздние, многие из которых были переизданы не менее трёх раз (например, переводы Мань Тао и Чжэна

⁶ Ван Чжи-гэн. Гоголь в Китае в течение 80 лет // Исследование зарубежной литературы. Ухань, 1990. № 2. С. 94–99. (王志耕 果戈里在中国的八十年历程。外国文学研究, 1990年, 第2期, 第94–99页。)

⁷ Лу Синь. О силе сатанинской поэзии // Лу Синь. Полное собрание сочинений и писем: В 18 т. Т. 1 / Отв. ред. Ван Хай-бо. Пекин: Литературное издательство народа, 2005. С. 65–121. (鲁迅 《鲁迅全集》第一卷之坟, 摩罗诗力说。北京, 2005年, 第65–121页。)

⁸ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература: сб. статей. / Отв. ред. Ю.В. Манн. М.: Наука, 1988. С. 225.

⁹ Сун Инь-нань. Исследование творчества Н.В. Гоголя в Китае: литературоведческие школы и их методологические проблемы // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. СПб., 2017. № 2. С. 65.

Хай-лина). В приведенной ниже таблице представлена информация о переводах поэмы «Мертвые души» в Китае: имена переводчиков, издательства и годы изданий.

Переводчик	Издательство	Год
Лу Синь	1)Шанхай: Издательство «Культура и жизнь»;	1935–1936,
	2)Пекин: Литературное издательство народа;	1938,1958, 1977
	3)Ухань: Литературно-художественное издательство «Чанцзан»;	2006
	4)Цзилинь:Литературно-художественное издательство «Таймс»;	2013
	5)Шэньян: литературно-художественное издательство «Чуньфэн»	2017
	6)Нанкин: литературно-художественное издательство «Фэнхуан»	2018
Мань Тао	Пекин: Литературное издательство народа	1983, 1995, 1996,2018, 2019, 2020
Сюй Цин-дао	Пекин: Книжное издательство «Бао Вэньтан»	1987
Мэн Сян-сэнь	Тайбэй: Издательство «Гуй Гуань»	1994
Мань Тао и Сюй Цин-дао	Пекин: Литературное издательство народа	1996
Тянь Дав-эй	Хэфэй: Литературно-художественное издательство «Аньхуй»	1999, 2003
Хуй Син	Харбин: Издательство «Харбин»	2000
Ван Ши-би	Нанкин: Издательство «Илинь»	2000, 2001
Чэнь Дянь-син и	Чанша: Литературно-художественное	2001

Лю Гуан-ци	издательство «Хунань»	
Чжэн Хай-лин	1)Ханчжоу: Литературно-художественное издательство «Чжэцзян» 2)Пекин: Издательство «Китайские книги» 3)Сиань: Издательство «Саньцин» 4)Цзинань: Издательство «Китайская дружба»	2003 2005 2009 2013, 2014
Фань Цзинь-синь	Гуанчжоу: «Наньфан»	2003
Лоу Цзы-лян	Шанхай: Шанхайское издательство перевода	2004, 2007, 2012
Тянь Го-бинь	Пекин: «Яньшань»	2008
Цяо Чжэнь-суй	Гуйлинь: Издательство «Ли Цзян»	2013

Причиной небольшого количества переводов произведений Н.В. Гоголя на китайский язык в XX в. стал характерный для Китая того времени недостаток в переводчиках с русского языка. Однако можно утверждать, что в начале 20-х гг. XX в. произошёл существенный сдвиг в освоении творчества Гоголя. Так, в 1920 г. у вышел «Сборник рассказов известных русских писателей», в который вошли переводы произведений А.С. Пушкина, А.И. Герцена, И.С. Тургенева и др.

Повесть «Коляска» была переведена в 1920 г. китайским переводчиком Гэн Ци-чжи (1898–1974) и является самым ранним переведенным произведением Гоголя в Китае¹⁰. Под влиянием реалистических тенденций в литературе журнал «Сяошо юэбао» напечатал переводы гоголевских «Записок сумасшедшего» и фрагмента повести «Шинель», выполненные Гэн

¹⁰ Ван Чжигэн. Гоголь в Китае в течение 80 лет // Исследование зарубежной литературы. Пекин, 1990. № 2. С. 94–99. (王志耕《果戈里在中国的八十年历程》，外国文学研究，1990年，第2期，第94–99页。)

Ци-чжи и Би Шу-мином в 1921 г. В 1920-х также была переведена на китайский язык комедия Гоголя «Ревизор», которую Хэ Ци-мин опубликовал в сборнике «Собрания русских пьес» (1921).

Незадолго до начала движения «Четвёртое мая» культурный мир Китая чувствовал необходимость подчинения литературы новым политическим и социальным задачам. В связи с этим стали востребованы комедийные жанры драматургии, способные высмеять устоявшиеся традиции старого общества на сцене. Фу Сы-нянь (1896–1950), выдающийся китайский педагог, лингвист и историк, один из предводителей движения «Четвёртое мая», писал: «<...> мы должны полагаться на силу драмы, чтобы старая драма могла быть свергнута, мы должны создать новую драму». Однако, отмечал он, «<...> в Китае пока не существует независимой новой литературы, поэтому создание современной пьесы нереально. Лучше всего переводить иностранные и исполнять их на сцене»¹¹.

1930–1940 гг. были этапом становления изучения творчества Гоголя в Китае, в течение которого все его произведения, включая ранние, были переведены на китайский язык. В это время вышел «Сборник произведений Гоголя» (второй том «Сборника известных русских произведений», 1934) Ли Бин-чжи, включавший такие произведения, как «Вий», «Нос», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Женитьба» и «Игроки». В том же году «Дом книги Синькэнь» напечатал «Сборник повестей Гоголя», в состав которого вошли переводы Сяо Цинь-хуа. Через два года были напечатаны переводы «Мертвых душ» (переводчик Лу Синь, издательство «Культура и жизнь», 1936), «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» (переводчик Мын Ши-хуань, издательство «Культура и жизнь», 1936). В 1941 г. был издан сборник «Ревизор и другие пьесы Гоголя» в переводе Гэн Цзи-чжи.

¹¹ Фу Сы-нянь. О реформе драмы со всех сторон // Новая молодёжь. Пекин, 1918. Т. 5. № 4. С. 15–41. (傅斯年 戏剧改良各面观, 北京, 1918 年, 第 5 卷第 4 号第 15–41 页。)

Несмотря на наличие переводов произведений Гоголя, обеспечившее условия для исследования его творчества, в китайской науке писателю уделялось сравнительно небольшое внимание. Причина заключается в том, что политическая среда повлияла на развитие научных исследований, т.е. большое количество ученых посвятило себя политике¹². Наряду с этим наблюдалось интересное явление: китайские учёные не проводили исследований, но перевели большое количество научных работ иностранных ученых о русской литературе. Среди этих исследований можно выделить: курс лекций «Идеалы и действительность в русской литературе» П.А. Кропоткина (переводчик Го Анъ-жэнь, 1931), «Русская литература» немецкого писателя Г. Бёлля (переводчик Лян Чжэнь, 1933), «Русский литературный ход мысли» японского учёного Ёнекава Масао (переводчик Жэнь Цзюнь, 1941) и др.

В частности, в курсе лекций по русской литературе князя П.А. Кропоткина, опубликованном в 1907 г., глава III целиком посвящалась Гоголю. В ней были представлены историческая повесть «Тарас Бульба», которую Кропоткин называет «перлом малорусской жизни»; «Шинель» и «Записки сумасшедшего» (их Кропоткин относит к «повестям и рассказам из великорусской жизни»), а также пьеса «Ревизор», именуемая Кропоткиным «бессмертной комедией». Завершалась глава анализом поэмы «Мертвые души», которую Кропоткин считал «главным произведением Гоголя»¹³.

Безусловно, такое тщательное исследование творчества русского классика могло представлять несомненный интерес для китайских литературоведов и читающей аудитории Китая 30-х гг. XX в.

¹² Ван Чжигэн. Гоголь в Китае в течение 80 лет // Исследование зарубежной литературы. 1990. №2. С. 94–99. 王志耕《果戈里在中国的八十年历程》，外国文学研究，1990年，第2期，第96页。

¹³ Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. [Электронный ресурс]. URL: https://informaxinc.ru/anarchy/kropotkin_idealy/#CO23 (дата обращения: 20.10.2021)

Большое влияние на изучение Гоголя в Китае оказали труды советских ученых. Под влиянием советского литературоведения Мэн Ши-хуан написал статью «К вопросу о Гоголе»¹⁴.

Третий этап изучения Гоголя в Китае приходится на 50–70-е гг. Это особый период, отличающийся небывалым интересом к личности и творчеству русского писателя. За тридцать лет были переведены все его произведения и переизданы все переводы. Качество новых переводов было образцовым, а разнообразие изданий и тираж достигли в это время пика.

Кульминация изучения Гоголя приходится на 50-е гг. В этот период в китайских газетах и журналах, по неполным статистическим данным, было опубликовано около ста статей, посвященных критической оценке творчества Гоголя, большая часть которых написана китайскими учеными. Одной из очевидных причин этого феномена является то, что в 1952 г. исполнилось сто лет со дня смерти Гоголя, а в 1959 г. 150 лет со дня его рождения.

Такой большой интерес к творчеству Гоголя объясняется также тем, что после гражданской войны в Китае была относительно стабильная обстановка для развития науки. В 1952 г. литературное издательство «Жэньминь вэньсюэ» переиздало перевод «Мертвых душ» Лу Синя. В том же году Ман Тао перевел два тома сборника «Избранные статьи Белинского»¹⁵, в котором содержится большое количество статей о Гоголе.

В 1956 г. издательство «Синь Вэньи» напечатало перевод «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевского (переводчик Син Выэй). В них Н.Г. Чернышевский называет Гоголя «отцом русской

¹⁴ Мын Шихуан. К вопросу о Гоголе // Литературная газета. 1934. Т. 1. № 5. (孟十还 果戈里论。文学报。1934年第1卷第5号。)

¹⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 3 / Пер. с русского Мань Тао. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1980. 745 с. (别林斯基 别林斯基选集 满涛译, 第3卷, 上海: 译文出版社, 1980年745页。)

прозы» и утверждает, что именно Гоголь дал ей существование и утвердил её перевес над поэзией¹⁶.

В то время В.Г. Белинский и Н.Г. Чернышевский были наиболее авторитетными литературными критиками для китайских исследователей, поэтому публикация этих трудов усилило у китайцев чувство уважения к Гоголю. Однако основная причина популярности Гоголя в Китае в 1950-х гг. заключалась в том, что китайцев привлекала специфика изображения социальных проблем в творчестве писателя, умение художественно высмеять пороки человека и целого общества¹⁷. В этой связи Чэн Юн писал: «Причина бессмертия произведений Гоголя, до сегодняшнего дня сохраняющих своё значение, прежде всего, лежит в том, что автор воплотил в них своё патриотическое чувство, заинтересованность в важнейших общественных проблемах. Великий писатель-реалист не мог не любить свою родину, не мог не отобразить существенные стороны жизни своего времени, не мог не обратить внимания на главные противоречия и борьбу общественной эпохи»¹⁸. К сожалению, из-за политического давления в 1960-е–1970-е гг. исследования творчества Гоголя в Китае проводились реже.

С 1980-х гг. наступает новый этап в изучении его творчества. С одной стороны, поскольку китайские ученые находились под влиянием советского литературоведения, большинство из них все еще обращало преимущественное внимание на критический реализм и сатиру Гоголя. В рамках этой литературоведческой парадигмы появилось много интересных статей, например, «Сравнительное исследование Лу Синя и Гоголя (Записки

¹⁶ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Том 3. М., ОГИЗ ГИХЛ, 1947. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0210.shtml (дата обращения: 20.9.2020)

¹⁷ Сао Цзин-хуа. Гоголевский столетний фестиваль // Жэньминь жибао. Пекин, 1952. 3 марта. (曹靖华 果戈里百年祭。人民日报, 1952 年三月三日。)

¹⁸ Чэн Юн. Чему учиться у Гоголя // Жэньминь вэньсюе. Пекин, 1952. №3/4. С. 64. (陈涌 向果戈里学习什么。人民文学, 1952 年第 3/4 期, 第 64 页。)

сумасшедшего)»¹⁹, «Образ Башмачкина и русское общество гоголевского времени»²⁰, «О сатирических приемах Гоголя в повести «Шинель»»²¹ и др. Позиции этих ученых основаны на оценке Лу Синем творчества Гоголя и отзыве в «Истории русской и советской литературы» Цао Цзи-нхуа²².

В последние два-три десятилетия с точки зрения метода и направления китайского гоголеведения существуют разные тенденции. В одной группе исследований творчества Гоголя ученые сосредотачиваются на изучении традиционных тем, таких как «смех сквозь слёзы», натурализм, критический реализм, сатирическое и юмористическое мастерство Гоголя. В число этих работ входят статьи Ли Мин-янь «Лу Синь и Гоголь» (2004)²³, Дуаня Ши-сю «Смех сквозь слёзы в творчестве Гоголя» (2010)²⁴ и др. Литературоведы этой группы часто ссылаются на критические статьи В.Г. Белинского, считая, что ирония Гоголя заключается в особом взгляде писателя на человека и на жизнь «сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы»²⁵.

Существуют и другие направления изучения творчества Гоголя, а именно работы, рассматривающие произведения русского писателя в аспекте религии, философии, психологии, исследующие источники творческих идей и

¹⁹ Ван Хань. Сравнительное исследование Лу Синя и Гоголя (Записки сумасшедшего): дис. магистр. филол. наук. Ляонин, 2017. 91 с. (王晗 鲁迅与果戈里的比较研究. 辽宁大学, 研究生论文, 2017 年. 91 页。)

²⁰ Чжан Цзинь-цуй. Образ Башмачкина и русское общество гоголевского времени // Исследования Сибири. 2014. № 1. С. 70–72.

²¹ Хуан Синь-фэн. О сатирических приемах Гоголя в повести «Шинель» // Изучение русского языка. Пекин, 2011. № 5. С. 52–54. (黄新峰 论果戈理《外套》的讽刺艺术手法. 俄语学习, 北京, 2011 年第 5 期, 第 52–54 页。)

²² Сы Я-пин. Изучение гоголевского повествовательного искусства: дис. магистр. филол. наук. Накин, 2014. 54 с. (司亚萍 果戈里的叙事艺术研究. 南京师范大学, 研究生论文, 2014 年, 59 页。)

²³ Ли Мин-янь. Лу Синь и Н.В. Гоголь: дис. магистр. филол. наук. Танцзинь, 2004. С. 54. (李明艳 鲁迅与果戈里. 天津师范大学, 研究生论文, 2004 年, 59 页。)

²⁴ Дуань Ши-сю. Улыбка «сквозь слезы» в творчестве Н.В. Гоголя // Писатель. Цилинь, 2020. № 8. С. 77–78. (段士秀 “含泪的笑” 在果戈里创作中的体现. 作家, 吉林, 2010, 77–78 页。)

²⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 3. Пер с русского Мань Тао. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1980. С. 492. (别林斯基 别林斯基选集 • 16 卷. 满涛译, 第 3 卷, 上海: 译文出版社, 1980 年, 第 492 页。)

психологической мотивации. В статье «В путь с крестом на спине: творчество позднего Гоголя и его идеологические поиски» ученый Ван Хай-ся впервые анализирует религиозные мотивы в произведениях Гоголя²⁶.

Наиболее значимыми в рамках религиозно-философской проблематики считаются работы Лю Хун-бо²⁷, Жэнь Гуан-суаня²⁸ и Чжоу Ци-чао²⁹. Они переосмыслили нравственные и религиозные проблемы, поднятые в кейге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», внесли определенный вклад в развитие религиозно-философского направления китайского гоголеведения.

Однако данное направление не получило развития, китайские литературоведы не поняли глубины анализируемых проблем и оставили без внимания большую часть корпуса произведений Гоголя: исследователи анализируют религиозные мотивы, сосредотачиваясь чаще на «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Мертвых душах» (втором томе).

Между тем российские исследователи и сегодня обращают внимание на присутствие религиозных мотивов даже в самых ранних произведениях Гоголя. Так, В.А. Воропаев в одной из своих работ приводит диалог героев из повести Гоголя «Майская ночь или утопленница» (1829): юная красавица Ганна и сын сельского головы казак Левко рассуждают о диковинном дубе, уходящем в небесную высь, по которому якобы Бог сходит на землю перед

²⁶ Ван Хай-ся. В путь с крестом на спине: творчество позднего Гоголя и его идеологические поиски: дис. д-ра. филол. наук. Шанхай, 2004. 153 с. (汪海霞 身背十字架的道路 – 果戈理的晚期作品及其思想探索。上海：上海外国语大学，2004 年，153 页。)

²⁷ Лю Хун-бо. Анализ «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: дис. д-ра. филол. наук. Пекин, 2002. 142 с. (刘洪波 果戈里的《与友人书简选》分析。北京：北京大学出版社，2002 年。142 页。)

²⁸ Жэнь Гуан-суань. Анализ религиозного мирозерцания в творчестве Гоголя // Критика зарубежной литературы. Пекин, 1993. № 4. С. 105–111. (任光宣 论果戈里创作中的宗教观念。外国文学评论，北京，1993 年，第 4 期第 105–111 页。)

²⁹ Чжоу Ци-чао. Между эстетической утопией и религиозной утопией – анализ орбиты художественной мысли Гоголя // Критика зарубежной литературы. Пекин, 2004. № 4. С. 81–88. (周启超 徘徊于审美乌托邦与宗教乌托邦之间 – 果戈理的文学思想轨迹刍议。外国文学评论，北京，2004 年，第 4 期第 81–88 页。)

светлым праздником. Левко возражает Гале: нет такого дуба, который дотянется до неба. Вместе с тем казак верит, что где-то далеко, в неведомой земле, есть всё-таки дерево, шумящее своей кроной в самом небе, и Бог действительно может сойти по нему на землю в канун светлого праздника.

На наш взгляд, эти рассуждения представляют образно выраженные Гоголем представления простых людей о живой связи с Богом, передают их светлую надежду на существование некой условной нити, соединяющей человека со Всевышним.

Н.В. Гоголь и его художественные произведения оказали огромное влияние на современную китайскую литературу. Однако китайская литература и культура также накладывают свой отпечаток на интерпретацию творческого наследия русского классика.

1.2. Изучение рецепции повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» в одноименном произведении Лу Синя китайскими исследователями

Как уже отмечалось, Лу Синь остается одним из наиболее исследуемых классиков китайской литературы. По неполным данным, с 1926 по 2010 г. в Китае опубликовано порядка 1650 работ, посвященных Лу Синю, в том числе более 350 исследований его жизни; более 180 исследований, посвященных мировоззрению; более 420 работ, посвященных творчеству писателя.

Рассмотрим некоторые наиболее значимые из них.

Одно из самых значительных исследований, посвященных восприятию повести «Записки сумасшедшего» в китайском литературоведении, – статья Шао Бо-чжоу «Три вопроса о “Записках сумасшедшего”»³⁰. Как следует из названия, работа отражает три аспекта исследования повести Лу Синя: восприятие образа главного героя (сумасшедшего) в Китае на протяжении XX в.; история изучения «Записок сумасшедшего»; анализ литературных влияний на это произведение.

Говоря об образе сумасшедшего в китайской литературе, Шао Бо-чжоу отмечает, что до основания КНР образ сумасшедшего в литературе – это герой, который «проснулся в новое время и играл роль сумасшедшего»³¹. Иными словами, такой герой – «лишний человек», сторонник старых идей, которому нет места в изменившемся обществе.

В 1950-е гг. происходит смещение акцентов: большинством исследователей образ сумасшедшего воспринимается как образ «бунтовщика», «антифеодального борца», т.е. героя положительного, воплощающего революционный дух. (Здесь и далее мы используем слово «феодальный» как характеристику общественного строя Китая до 1911 г., не

³⁰ Шао Бо-чжоу. Три вопроса о «Записках сумасшедшего» // Вестник шанхайского пед. ун-та. Серия философских и гуманитарных наук. Шанхай, 1983. № 2. С. 16–24. (邵伯周《狂人日记》研究三题。上海师范大学学报，社科版，1983年。第二期，第16–24页。)

³¹ Там же. С. 16.

вдаваясь в содержательное обсуждение концепций феодализма). Однако уже в 1960-е гг. этот взгляд начинают считать неверным. Одни воспринимают образ сумасшедшего как образ «бунтовщика в своем классе и героя своего времени»³², т.е. не носителя абстрактных революционных идей, а жертву конкретного времени. Другие выдвигают гипотезу, что герой повести не борец, а обычный, простой человек, вовсе не сумасшедший, а впечатление о сумасшествии героя возникает у читателя, поскольку таков замысел автора, Лу Синя. Это художественный прием, придающий глубину произведению.

Во второй части статьи, делая широкое обобщение того, как меняется отношение исследователей к стилю повести «Записки сумасшедшего», Шао Бо-чжоу выделяет следующие основные позиции. Так, некоторые исследователи (Шао Бо-чжоу не приводит их имен) считают «Записки сумасшедшего» великим произведением реализма. Для них образ сумасшедшего «образ, созданный в строгом соответствии с принципом реализма»³³. Исследователи Ву Сяо-мэй и Чжан Шо-чэн считают «Записки сумасшедшего» произведением романтизма, а исследователь Чэнь Юн считает основным стилем повести символизм. Впрочем, Шао Бо-чжоу ограничивается только констатацией перечисленных позиций.

По мнению самого Шао Бо-чжоу, основными методами для Лу Синя стали романтизм и реализм, однако идея повести романтическая. При этом обстоятельства жизни главного героя повести имеют значение символа, и, таким образом, в его образе соединяются символизм и романтизм. Иными словами, герой (сумасшедший) живет в реальных обстоятельствах, но его образ является образом идеального положительного героя.

Третья часть статьи посвящена анализу литературных рецепций в повести Лу Синя. Шао Бо-чжоу считает, что на произведение Лу Синя наибольшее влияние оказала европейская, американская и японская литература, однако больше всего творчество Н.В. Гоголя. Исследователь

³² Шао Бо-чжоу. Три вопроса о «Записках сумасшедшего». С. 16.

³³ Там же. С. 18.

отмечает, что среди русских писателей Лу Синь сам выделял влияние на его творчество создателей классической русской литературы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя. Особенно близко Лу Синю как художнику оказалось изображение темы общественной жизни, характерное для творчества Гоголя. В целом по поводу своей повести Лу Синь писал: «Когда я писал “Записки сумасшедшего”, я никак не готовился, кроме того, что я прочитал более ста иностранных произведений и имею немного медицинских знаний»³⁴. Это признание, безусловно, свидетельствует о значении влияния иностранных писателей на Лу Синя. Шао Бо-чжоу, однако, подчеркивает, что испытал сильное воздействие иностранной литературы, особенно усилившееся после движения «Четвёртое мая» (1919), Лу Синь тем не менее создает свой уникальный художественный стиль.

Переходя непосредственно к анализу рецепции в произведениях Н.В. Гоголя, Шао Бо-чжоу отмечает, что при очевидном сходстве «Записки сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя принципиально разные³⁵. Содержание и форма повести Лу Синя не являются повторением произведения классика русской литературы, а имеют свои особенные черты.

Во-первых, герой в повести Гоголя чиновник, разночинец, то есть можно сказать, представитель конкретного социального слоя; в повести Лу Синя герой борец со старыми, феодальными идеями, это образ несравнимо более широкого масштаба. Вторым принципиальным для Шао Бо-чжоу различием является то, что основной стиль повести Гоголя это реализм, а Лу Синя романтизм. И наконец, третьим и самым важным различием является глубина образа главного героя, которая, по мнению исследователя, большая в произведении Лу Синя.

³⁴ Шао Бо-чжоу. Три вопроса о «Записках сумасшедшего». С. 22.

³⁵ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. История изучения повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя в Китае в контексте влияния одноименного произведения Н.В. Гоголя // Litera. М., 2019. № 4. С. 26–34.

Следующий этап в осмыслении влияния Гоголя на творчество Лу Синя мы наблюдаем в работах Ван Фу-жэня. Свою книгу «Ранние повести Лу Синя и русская литература» исследователь начинает с упоминания той высокой оценки творчества Гоголя, которую Лу Синь дал в своей статье «О силе сатанинской поэзии» (1907). Лу Синь, в частности, отмечал значение и влияние Гоголя на русскую литературу. В своей статье Лу Синь разделяет романтизм и критический реализм, относя произведения Пушкина и Лермонтова к первому, а произведения Гоголя ко второму.

Кроме того, Лу Синь сформулировал две основные особенности критического реализма: реалистическое изображение темной социальной реальности в том, что касается содержательной стороны; выражение субъективных чувств через объективное описание в том, что касается художественного метода.

В этой статье Лу Синь впервые отметил историческую роль критического реализма, проявляющуюся через большую духовную силу искусства. И хотя, как отмечает Ван Фу-жэнь, Лу Синь в момент написания статьи отдавал предпочтение активному романтизму, критический реализм оказал значительное влияние на его произведения.

Сравнивая повести Гоголя и Лу Синя, Ван Фу-жэнь приходит к следующим выводам.

Во-первых, через изображение психических переживаний героя и Гоголь, и Лу Синь показывают сущность происходящих социальных явлений. В этом Лу Синь осваивал достижения Гоголя, однако смог пойти дальше и изобличить каннибализм в старом китайском обществе.

Во-вторых, основной прием обеих повестей юмор. Обе повести не имеют «плотного» сюжета, поэтому Гоголь и Лу Синь для связи происходящего и удержания внимания читателей используют прием юмора. Это выражается, например, в изображении своеобразной психической деятельности главных героев; ассоциаций, возникающих по принципу

абсурда; в быстрой смене, «скачках» идей; в иллюзиях героев. Все вместе это создает юмористические эффекты.

В-третьих, глубокий философский смысл, проступающий в произведениях. Оба писателя изображают развитие болезни, это как бы «лицевая» нить повествования, которая при более глубоком анализе перерастает в идейное содержание произведения, выявляет внутреннюю суть сюжета. Именно философский смысл повестей упорядочивает, организует оба произведения на уровне сюжета, языка и смысла.

В-четвертых, повествование в обеих повестях ведется от первого лица, в жанре дневника. При этом Ван Фу-жэнь подчеркивает, что хотя в современной китайской литературе жанр дневника очень популярен, в период создания Лу Синем его повести жанр был новым. Дело в том, что в классических китайских произведениях повествования от первого лица не велось, оно стало появляться лишь в последний период династии Цин (начало XX в.) под влиянием иностранных повестей. А отсчет жанра дневника в китайской литературе следует вести именно с «Записок сумасшедшего» Лу Синя. Таким образом, повесть Гоголя помогла Лу Синю открыть новый жанр для китайской литературы и выработать свой уникальный творческий стиль.

Важную роль в понимании того, в какие периоды интерес к соотнесению творчества Лу Синя с творчеством зарубежных авторов и Гоголя был наиболее высок, играет еще одна книга Ван Фу-жэня монография «История и современное состояние исследований творчества Лу Синя в Китае»]³⁶. В этой книге Ван Фу-жэнь выделяет четыре этапа исследований творчества писателя.

Первый этап «первоначальный» до 1928 г. (возникновение течения революционной литературы). Самые известные критики этого периода У Юй,

³⁶ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. История изучения повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя в Китае в контексте влияния одноименного произведения Н.В. Гоголя // Litera. 2019. № 4. С. 26–34.

Фу Сы-нянь, Чжоу Цзо-жэнь (брат Лу Синя), Мао Дунь (Шэнь Янь-бин), Чан Дин-хуан. Однако в центре их внимания оказываются ранние повести Лу Синя, включенные в сборник «Клич» (1913–1928). В целом представители революционной школы воспринимали Лу Синя как писателя старой литературной традиции.

Наиболее показательной для данного периода является статья Фу Сы-няня (псевдоним Журналист) «Сбивчивые слова» (опубликована в журнале «Синьчао» за апрель 1919). Ученый писал, что Лу Синь использовал приемы реализма для изображения общественной жизни и приемы символизма для изображения чувств и идей. Главной же идеей произведения в целом Фу Сы-нянь считал пропаганду индивидуализма, что для китайской литературы того времени было новым.

Исследователь У Юй в статье «Людоед и нравственные нормы»³⁷ (опубликована в журнале «Синьциннянь», 1919, № 6.) объяснял внутренний смысл «Записок сумасшедшего» сугубо китайскими нравственными нормами, не прибегая к сопоставлению с произведениями зарубежных авторов.

Второй этап «период формирования» с 1928 до 1949 гг. (время возникновения КНР). Главная особенность этого периода создание и развитие марксистской школы. Эта школа рассматривала творчество Лу Синя как выражение своих идей. Наиболее известные исследователи этого периода Цюй Цю-бо, Фэн Сюе-фэн, Мао Цзэдун, Ху Фэн. Проведение аналогий с творчеством зарубежных авторов не было актуальным для этой группы ученых.

Третий этап время, когда ведущую позицию занимала школа Мао Цзэдуна с 1949 г. (создание КНР) до окончания Культурной революции (1976). Доминирующая идея всех исследований данного периода выявление в произведениях Лу Синя учения Мао Цзэдуна.

³⁷ У Юй. Людоед и нравственные нормы // Синь Цин-нянь. Шанхай, 1919. Т. 6. № 6. (吴虞 吃人和礼教。新青年, 上海, 1919 年第 6 卷第 6 号。)

Четвёртый этап – с окончания Культурной революции до настоящего времени. В течение этого периода появились разные школы исследований творчества Лу Синя: 1) марксистская школа; 2) школа просветительства; 3) философская школа мировоззрения; 4) школа исследователей, получивших образование за рубежом; 5) авангардистская школа. Именно в последний период стало актуальным сопоставление творчества Лу Синя с произведениями европейских авторов, в частности Гоголя. Впрочем, Ван Фу-жэнь не сосредоточивался на последнем вопросе.

Достаточно много исследований, посвященных влиянию творчества Гоголя на Лу Синя, появляется в 1980-х гг. Их можно разделить на четыре условные группы. Первые три выделяют в повести один доминирующий стиль: реализм; романтизм или символизм. Для исследований четвертой группы определение ведущего стиля «Записок сумасшедшего» не является основной задачей: проблема стиля может не упоминаться вовсе, или же речь может идти о гибридном стиле.

Важно также отметить, что общей чертой всех упоминаемых ниже исследований является их декларативность, отсутствие подробного анализа текстов повестей Гоголя и Лу Синя. По сути, это лишь перечисление параметров сходства.

Обратимся к краткому обзору первой группы исследований, расположив их в хронологическом порядке.

Самой большой группой предсказуемо оказывается первая.

Исследователь Шэнь Юй-ли в статье «О примере заимствования и новаторства» отмечает, что Лу Синь заимствовал у Гоголя стиль повести (реализм), название, жанр дневника, образ героя-сумасшедшего, а также бунтарский дух произведения³⁸.

³⁸ Шэнь Юй-ли. Типичный пример заимствования и новаторства – сравнительный анализ одноименных повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Вестник Хэбэйского пед. ун-та. Шицзячжуан, 1982. № 2. С. 19–25. (沈渝丽 借鉴、创新的光辉范例 – 鲁迅与果戈理的同名小说《狂人日记》之比较。河北师范大学学报, 石家庄, 1982 年, 第 02 期第 19–25 页。)

О том же говорит Пэн Дин-ань в статье «“Записки сумасшедшего” Лу Синя и одноимённая повесть Гоголя»³⁹. Однако ученый добавляет, что у Гоголя Лу Синь заимствовал не только реалистический стиль, но и символизм повести.

В том же духе высказывается Лю Гун в статье «Памятник реализма в литературе»: Лу Синь заимствовал у Гоголя реалистический стиль и образ главного героя. Они позволили реалистично передать атмосферу в современном писателю обществе⁴⁰.

Аналогичные идеи находим в статье Чжоу Ци и Ло Ли-вэня «Сравнение «Записок сумасшедшего» Лу Синя с одноимённой повестью Гоголя». По мнению исследователей, Лу Синь заимствовал жанр дневника, способ изложения (от первого лица), придающий повествованию большую психологичность, позволяющий выразить образ сумасшедшего, сформулировать критическое отношение героя к действительности. Примечательно, что Чжоу Ци и Ло Ли-вэнь среди первых в качестве важного компонента повести выделяют прием персонификации (говорящая собака), также заимствованный из «Записок сумасшедшего» Гоголя⁴¹.

Исследователь Фу Фэй в статье «Сравнение записок сумасшедшего» перечисляют параметры, по которым можно наблюдать влияние Гоголя на повесть Лу Синя: на жанровом уровне (дневник), на уровне названий произведений, на уровне фантастических художественных образов (говорящие собаки). Фу Фэй разделяет мнение Ван Фу-жэня о том, что через изображение сумасшествия героя Лу Синь критически показал состояние

³⁹ Пэн Дин-ань. «Записки сумасшедшего» Лу Синя и одноимённая повесть Гоголя // Фронт в области общественных наук. Чанчунь, 1982. № 1. С. 293–301. (彭定安 鲁迅的《狂人日记》与果戈里的同名小说。社会科学战线, 长春, 1982 年, 第 01 期第 293–301 页。)

⁴⁰ Лю Гун. Памятник реализма в литературе // Ганьсусские общественные науки. Ланьчжоу, 1992. № 2. С. 54–56. (刘珙 现实主义的文学丰碑 – 鲁迅与果戈理文艺美学思想的历史特征。甘肃社会科学, 兰州, 1998 年, 第 02 期第 54–56 页。)

⁴¹ Чжоу Ци, Ло Ли-вэнь. Сравнение между одноимёнными повестями «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Собрание исследований (журнал второй трети месяца). Хэфэй, 2010. № 6. С. 59–60. (周琦, 罗丽文 鲁迅和果戈理的同名小说《狂人日记》之比较。科教文汇, 合肥, 2010 年, 6 月中旬刊第 59–60 页。)

современного общества, следуя в этом художественным принципам Гоголя. Влияние Гоголя проявилось и в использовании юмористических средств⁴².

Более поздние исследования ограничиваются в основном замечанием, что Лу Синь заимствовал у Гоголя реалистический стиль и манеру изображения. Об этом говорят Ся Тянь в статье «Сравнение и исследование “Записок сумасшедшего” Гоголя и Лу Синя»⁴³, Ван Хун-янь в статье «Краткий анализ одноимённых повестей “Записки сумасшедшего” Лу Синя и Гоголя»⁴⁴, Сун Цзя «Сравнительный анализ “Записок сумасшедшего” Гоголя и Лу Синя»⁴⁵.

Исследований, в которых ведущим стилем повести Лу Синя считается романтизм (вторая группа), среди работ недавнего времени совсем немного. Такова, например, статья Ду Вэй и Сюй Цзя-фана, «Моё мнение о “Записках сумасшедшего” Лу Синя», в которой отмечено, что влияние Гоголя выразилось в использовании Лу Синем образа сумасшедшего и в романтическом стиле повествования⁴⁶.

Исследований, в которых ведущим принципом считается символизм (третья группа), несколько больше. Об этом говорят, в частности, Гу Го-чжу в статье «Отличный пример принципа “О том, как брать” (сравнение между

⁴² Фу Фэй. Сравнение повестей «записок сумасшедшего» // Молодежное время. Шицзячжуан, 2011. № 16. С. 25. (付飞 《狂人日记》之比较。青春岁月, 石家庄, 2011 年, 第 16 期第 25 页。)

⁴³ Ся Тянь. Сравнительное исследование повестей «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Северная литература. Харбин, 2014. № 3. С. 88–89. (夏天 鲁迅与果戈理《狂人日记》的比较研究。北方文学, 哈尔滨, 2014 年, 第 03 期第 88–89 页。)

⁴⁴ Ван Хун-янь. Краткий анализ одноимённых повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Молодой литературовед. Цицикар, 2009. № 19. С. 41. (王洪艳 浅谈鲁迅与果戈理同名小说《狂人日记》。青年文学家, 齐齐哈尔, 2009 年, 第 19 期第 41 页。)

⁴⁵ Сун Цзя. Сравнительный анализ «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Цзяньнань литература (классические произведения). Мянъян, 2012. № 3. С. 65–67. (宋佳果戈理与鲁迅两种版本《狂人日记》之比较分析。剑南文学 (经典教苑), 绵阳, 2012 年, 第 03 期第 65–67 页。)

⁴⁶ Ду Вэй, Сюй Цзя-фан. Моё мнение о «Записках сумасшедшего» Лу Синя – сравнительный анализ с одноимённой повестью Гоголя // Ученые записки Бохайского ун-та. Серия социальных наук. Цзиньчжоу, 1986. № 3. С. 29–34, 50. (杜卫, 徐加方 鲁迅《狂人日记》之我见 – 试与果戈里同名小说之比较。渤海大学学报社会科学版, 锦州, 1986 年, 第 03 期第 31–34, 50 页。)

двумя записками сумасшедшего)»⁴⁷, Яо И-тин в статье «Психологическая правда позади изображения»⁴⁸, Сюй Цзинь в статье «Влияние иностранных писателей на Лу Синя на материале “Записок сумасшедшего”»⁴⁹, Ян Ли в статье «Сравнение между “Записками сумасшедшего” Гоголя и Лу Синя»⁵⁰.

К четвертой группе мы относим большинство исследований последнего времени.

Черты романтизма и реализма видит в произведении Лу Синя Цуй Цзань-вэнь (статья «Хорошо в качестве заимствования, смело в инновации»⁵¹).

О чертах реализма и символизма в повести Лу Синя говорят Ло Жун-цзюй⁵² и Чжан Сюе-хуа в статье «Начало пути пионеров»⁵³.

⁴⁷ Гу Го-чжу. Отличный пример принципа “О том, как брать” – сравнение между двумя «Записками сумасшедшего» // Форум Наньду. Гуанчжоу, 1990. № 2. С. 40–43. (顾国柱 “拿来主义” 的光辉范例 – 鲁迅与果戈理同名小说《狂人日记》之比较。南都学坛, 广州, 1990 年, 第 10 卷第 02 期第 40–43 页。)

⁴⁸ Яо И-тин. Психологическая реальность позади изображения – сравнительный анализ одноименных повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Северная литература. Харбин, 2011. № 3. С. 15. (姚怡婷 “意象背后的心理真实” – 鲁迅、果戈理同名小说《狂人日记》比较。北方文学, 哈尔滨, 2011 年, 第 03 期第 15 页。)

⁴⁹ Сюй Цзинь. Влияние иностранных писателей на Лу Синя на материале «Записок Сумасшедшего» // Вестник Цзямусянского ун-та. Серия социальных наук. Цзямусы, 2001. Т. 19. № 1. С. 61–63. (徐瑾 从《狂人日记》看外国作家对鲁迅的影响。佳木斯大学社会科学学报, 佳木斯, 2001 年, 第 19 卷第 01 期第 61–63 页。)

⁵⁰ Ян Ли. Сравнение между «Записками сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Академические обмены. Харбин, 2003. № 6. С. 149–150. (杨莉 鲁迅、果戈理《狂人日记》之比较。学术交流, 哈尔滨, 2003 年, 第 06 期第 149–150 页。)

⁵¹ Цуй Цзань-вэнь. Умение заимствования и смелость в инновации – чтение одноименных повестей Лусиня и Гоголя «Записки сумасшедшего» // Вестник Гуансиского ун-та. Серия философии и социальных наук. Наннин, 1988. № 2. С. 49–52. (崔赞文 善于借鉴勇于创新 – 读鲁迅和果戈理的同名小说《狂人日记》。广西大学学报 (哲学社会科学版), 南宁, 1988 年, 第 01 期第 49–52 页。)

⁵² Ло Жун-цзюй. Начало пути пионеров – сравнительный анализ одноименных повестей ««Записки сумасшедшего» // Литература этого времени. Цзинань, 2014. № 2. С. 152–153. (罗荣菊 先驱征途的起点 – 同名小说《狂人日记》比较。时代文学, 济南, 2014 年, 2 月下半月刊第 152–153 页。)

⁵³ Чжан Сюе-хуа. Сравнительное исследование «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Развитие экономики и общества. Наннин, 2005. № 2. С. 162–164. (张雪花。鲁迅与果戈理同名小说《狂人日记》比较研究。经济与社会发展, 南宁, 2005 年, 第 02 期第 162–164 页。)

Характеризуя стиль повести Лу Синя, исследователь Ли Юна в статье «Наивный романтический цвет и тяжёлая жизненная доктрина» отвергает утверждения романтизма как доминирующего стиля, обращая внимание на то, что Лу Синь использовал метафору, символ и приём потока сознания.⁵⁴

Сходные идеи высказывают Сунь Гуй-фан⁵⁵, отмечая прием психологической исповеди, а также ученые Чэн Сян-ян⁵⁶, Гао Цзе⁵⁷ и Ван И-мэй⁵⁸.

Исследователь Ли Юй-хуй (статья «Различия между «Записками сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя») среди значимых примеров влияния Гоголя на Лу Синя обращает внимание на образы луны и собаки⁵⁹.

Подводя итог анализа перечисленных работ, можно сделать следующие выводы.

Китайские исследователи начали изучать повесть «Записки сумасшедшего» Лу Синя с 1919 г., то есть сразу после публикации произведения. Факт влияния творчества Гоголя был отмечен тогда же, однако

⁵⁴ Ли Юн. Наивный романтический цвет и тяжёлая «жизненность» – сравнительный анализ «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Горные цветы. Гуйян, 2010. № 14. С. 126–128. (李勇 天真的浪漫色彩沉重的生命主义 – 比较果戈理、鲁迅同名作《狂人日记》。山花, 贵阳, 2010 年, 第 14 期第 126–128 页。)

⁵⁵ Сунь Гуй-фан. Одинаковая форма и различные сущности, выражение глубокой печали и гнева – сравнительный анализ «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Гэньсуские социальные науки. Ланьчжоу, 2009. № 4. С. 123–125. (孙桂芳 形同质异, 忧愤深广 – 两篇《狂人日记》比较。甘肃社会科学, 兰州, 2009 年, 第 4 期第 123–125 页。)

⁵⁶ Чэн Сян-ян. Заимствование и инновации – чтение одноименных повестей Лусиня и Гоголя «Записки сумасшедшего» // Литературные и педагогические материалы. Нанкин, 2008. № 6. С. 13–15. (陈向阳 拿来和创新 – 读鲁迅和果戈理的同名小说《狂人日记》。文教资料, 南京, 2008 年, 第 06 期第 13–15 页。)

⁵⁷ Гао Цзе. Сравнительный анализ обеих повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Вестник Уаньаньского ун-та. Серия социальных наук. Уаньань, 1988. № 4. С. 52–59. (高杰 果戈理、鲁迅两篇《狂人日记》之比较。延安大学学报 (社会科学版), 延安, 1988 年, 第 04 期, 第 52–59 页。)

⁵⁸ Ван И-мэй. Сравнение повестей «Записки сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Собрание исследований (журнал первой трети месяца). Хэфэй, 2006. № 3. С. 95–96. (王一玫 鲁迅与果戈理《狂人日记》之比较。科教文汇 (上旬刊), 合肥, 2006 年, 第 03 期第 95–96 页。)

⁵⁹ Ли Юй-хуй. Различия между «Записками сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Горные цветы. Гуйян, 2013. № 24. С. 133–134. (李宇辉 果戈理与鲁迅《狂人日记》的差异性比较。山花, 贵阳, 2013 年, 第 24 期第 133–134 页。)

лишь с 1930-х гг. данный феномен стал изучаться активно. По мнению китайских исследователей, влияние Гоголя проявилось, прежде всего, на уровне формы (жанр дневника) и на стилевом уровне (реализм). Однако, по общему мнению, Лу Синь не просто заимствовал какие-то элементы из «Записок сумасшедшего» Гоголя, а создал самостоятельное произведение в уникальном художественном стиле⁶⁰. Так, если основным стилем повести Гоголя считается реализм, то в отношении произведения Лу Синя мнения расходятся: одни исследователи ведущим стилем считают реализм, другие романтизм или символизм.

⁶⁰ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. История изучения повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя в Китае в контексте влияния одноименного произведения Н.В. Гоголя. С. 26–34.

1.3 Изучение рецепции повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» в одноименной повести Лу Синя европейскими и американскими исследователями

Европейские и американские исследователи познакомились с творчеством Лу Синя в конце 1920-х гг. Первым языком, на который было переведено его произведение, стал английский: в 1926 вышла «Правдивая история А-кью» в переводе Джорджа Кин Лун (George Kin Leung)⁶¹. В том же году появился первый перевод повести и на французский язык Предисловие к нему написал великий французский писатель Ромэн Роллан, причём повесть получила его лестный отзыв⁶². «Записки сумасшедшего» впервые были переведены Ван Цзи-чжэном, американским ученым китайского происхождения, и опубликованы в 1941 г. издательством Колумбийского университета.

Первым американским исследователем, обратившимся к творчеству Лу Синя, стал Р.М. Бартлет (R.M. Bartlett). В июне 1926 г. он посетил Лу Синя, а затем написал статью «Интеллектуальный лидер нового Китая Лу Синь» (1927)⁶³, в которой отметил тесную связь между русской литературой и повестями Лу Синя. В 1930-е гг. два американских журналиста, Эдгар Сноу и Агнес Смедли, расширили представление о Лу Сине в Европе и Америке, выпустив книгу «Живой Китай. Сборник современных китайских повестей»⁶⁴, а затем и другие научные работы о Лу Сине и его творчестве.

⁶¹ См. Wang Baorong. George Kin Leung's English Translation of Lu Xun's A Q Zhengzhuan // Archiv orientální. Netherlands, 2017. № 85. С. 256.

⁶² Лу Синь. Правдивая история А-Кея. Пер с рус. Васильев Б.А. Л.: Изд-во «Прибой», 1929. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lusinx/text_pravdivaya_istorua-a-keya.shtm (дата обращения: 03.10.2020)

⁶³ См.: Влияние Лу Синя в зарубежных странах. Пер с иностранных языков. Ши Фу и другие. Шицзячжуан: Хэбэй педагогическое издательство, 2000. С. 1–3. (海外回响 – 国际友人忆鲁迅, 石孚等译。石家庄: 河北教育出版社, 2000 年第 1–3 页。)

⁶⁴ Snow E.P., Smedly A. Living China: Modern Chinese Short Stories. Harrap, London, 1936. 96 с.

Таким образом, в конце 1930-х гг. уже существовал целый ряд статей о творчестве Лу Синя. Однако в центре внимания находилась «Правдивая история А-кью», а не «Записки сумасшедшего».

Известный европейский синолог середины XX в., чех Ярослав Прусек (Jaroslav Prusek)⁶⁵, посвятил целый ряд работ творчеству Лу Синя, даже состоял с писателем в переписке. Однако внимание ученого было обращено, прежде всего, на связь между китайской традиционной литературой и китайской литературой нового времени.

Таким образом, на протяжении довольно длительного времени творчество Лу Синя рассматривалось исключительно в узусе китайской литературной традиции. Лишь с 1980-х гг. американские и европейские исследователи обратили внимание на проблему влияния на творчество Лу Синя других литературных традиций.

Большой вклад внесли американские ученые китайского происхождения. Так, Линь Юй-шэн в статье «Характер и значение индивидуализма Лу Синя и обсуждение вопросов национального характера» рассматривал противоречие между гуманизмом и индивидуализмом⁶⁶. В статье Тан Сяопина «“Записки сумасшедшего” Лу Синя и китайский модернизм» отмечалось, что повесть «Записки сумасшедшего» внесла вклад в современную китайскую литературу и открыла новую эпоху⁶⁷.

Английские исследователи Берни Мак Дугалл и Ким Луи (B.S. Mc Dougall, K. Louie) в книге «Китайская литература в XX в.» (The Literature of China in the Twentieth Century, 1997)⁶⁸ провели тщательный анализ

⁶⁵ Гу Цзюнь. Прусек и Лу Синь. (顾钧 普实克与鲁迅) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.luxunhome.com/image/xgbd/xgbd0040.htm> (дата обращения: 15.09.2021)

⁶⁶ См. Современное исследование о Лу Сине в мире говорящего по-английски. Под ред. Лэ Дай-юнь. Наньчан: Цзянсийское народное издательство, 1993. С. 212–235. (当代英语世界的鲁迅研究. 乐黛云主编. 南昌: 江西人民出版社, 1993 年第 212-235 页.)

⁶⁷ Tang Xiaobing. Lu Xun's "Diary of a Madman" and a Chinese Modernism, PMLA. 1992. Vol. 107. No. 5. pp. 1222–1232.

⁶⁸ McDougall, Bonnie S. Chinese literature 20th century – History and criticism. New York: Columbia University Press, 1997. 504 с.

творчества Лу Синя и пришли к выводу, что хотя он заимствовал идею и название одноименной гоголевской повести, его произведение имеет свои художественные и идейные особенности. Исследователь Дэвид Поллард (David Pollard) в статье «Основная система “Клича”»⁶⁹ лишь декларировал, что гоголевские «Записки сумасшедшего» повлияли на повесть Лу Синя.

В целом необходимо отметить, что к теме влияния Гоголя на Лу Синя обращается немного зарубежных исследователей, но их оценки и комментарии представляют большую ценность, поскольку показывают взгляд «со стороны», непредвзятый подход.

Довольно подробно тема влияния Гоголя на творчество Лу Синя рассмотрена в книге англоязычного автора сингапурского происхождения Юн-Ба Вон (Yoon-wah wong) «Эссе о китайской литературе: сравнительный подход» (Essay on Chinese Literature: a Comparative approach, 1988)⁷⁰. Юн-Ба Вон отмечает, что европейская литература оказала значительное влияние на новую китайскую литературу, ведущую свой отсчет с момента создания «Записок сумасшедшего» Лу Синя. Цель своего исследования Юн-Ба Вон видит в том, чтобы проанализировать, что именно было усвоено Лу Синем в европейской литературе, и в чем это проявилось. Исследователь посвящает вопросу влияния «Записок сумасшедшего» Гоголя на одноименную повесть Лу Синя отдельную главу. Отправной точкой рассуждений Юн-Ба Вона становится тезис о том, что несмотря на одинаковое название, общность жанра (дневник) и схожесть главных героев (оба сумасшедшие), центральные идеи и структура повествования различны.

Повесть Гоголя фиксирует постепенное вторжение в сознание человека безумия, а точнее мании величия. Сумасшедший в повести Гоголя забитый «маленький человек», переписчик бумаг в правительственном учреждении.

⁶⁹ См. Современное исследование о Лу Сине в мире говорящего по-английски. Под ред. Лэ Дайюни. С. 334–360.

⁷⁰ Wong Yoon Wah. Essays on Chinese Literature: A Comparative Approach, Published by Singapore University Press, 1988. P. 52–58.

Однако несмотря на свою незначительность и бедность, он одержим мечтаниями о карьере, красивой жизни. Он даже осмеливается влюбиться в дочь начальника. Когда же Поприщин узнает, что его любимая уже помолвлена, то находит убежище в воображаемом величии: он думает, что он король Испании. В конце повести он оказывается в сумасшедшем доме, где его истязают надзиратели: бьют несчастного Поприщина палкой и поливают ему голову холодной водой.

В отношении дневниковой формы повестей Юн-Ва Вон отмечает, что все девятнадцать записей в повести Гоголя датированы, в то время как все тринадцать записей в повести Лу Синя (плюс вводная записка) приведены без дат.

Юн-Ва Вон указывает на сходство целого ряда деталей в обоих произведениях. Так, в первой записи повести Гоголя безумец, встречая на улице двух собак, говорит, что «собаки народ умный, они знают все политические отношения». Нечто похожее происходит и в первой записи повести Лу Синя, когда герой-безумец дает характеристику встреченной собаке: обращает внимание на её злобный взгляд, предполагая, что она в заговоре с людоедами и намерена его съесть.

Оба безумца и у Гоголя, и у Лу Синя имеют прислугу, и эти второстепенные герои становятся главными свидетелями прогрессирующего безумия.

Наконец, повесть Гоголя заканчивается мольбой героя к матери спасти «бедного сына», которая перекликается с финалом повести Лу Синя, где герой призывает людей спасти детей.

Юн-Ва Вон также отмечает сходство нескольких фрагментов произведений, считая их слишком очевидными при простом сопоставлении текстов, поэтому оставляет без комментариев, приводя лишь цитаты из двух повестей:

1. *Гоголь*: «...я увидел, что Меджи обнюхивалась с собачонкою, шедшею за дамами <...> Признаюсь, я очень удивился, услышав ее говорящую по-человечески»⁷¹.

Лу Синь: «Не то собака со двора Чжао... Почему она смотрит на меня во все глаза?»⁷².

2. *Гоголь*: «Она чрезвычайный политик: все замечает, все шаги человека»⁷³.

Лу Синь: «Третьего дня собака со двора Чжао взглянула на меня несколько раз, ясно, что и она с ними в заговоре»⁷⁴.

3. *Гоголь*: «Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли. Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю»⁷⁵.

Лу Синь: «... я объединил это в одну книгу, чтобы представить ее врачам для научения»⁷⁶.

4. *Гоголь*: «...я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянные собачонки»⁷⁷.

Лу Синь: «Только сегодня я понял, что их взгляды были точно такими же, как и у тех людей на улице»⁷⁸.

⁷¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3 / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской патриархии, 2009. С. 158–159.

⁷² Лу Синь. Повести и Рассказы / Пер. с китайского. Библиотека всемирной литературы. Серия третья: Литература XX века. Т. 162. Повести, рассказы и стихотворения в прозе / Пер. с кит., сост., вступ. ст. Л.З. Эйдлина. М.: Изд-во Художественная литература, 1971. С. 62.

⁷³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3. С. 163.

⁷⁴ Лу Синь. Повести и Рассказы. С. 68.

⁷⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3. С. 159.

⁷⁶ Лу Синь. Повести и Рассказы. С. 61.

⁷⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3. С. 163.

⁷⁸ Лу Синь. Повести и Рассказы. С. 64.

5. *Гоголь*: «И потому я пошел прохаживаться и обдумывать это происшествие. Теперь-то наконец я узнаю все дела, помышления, все эти пружины и доберусь наконец до всего. Эти письма мне все откроют»⁷⁹.

Лу Синь: «Любое дело начинаешь понимать, лишь когда его всесторонне изучишь. В старину часто ели людей: это я помнил из истории, правда, смутно. Чтобы справиться, раскрыл книгу по истории, в книге не было дат, зато каждая страница изобиловала словами “гуманность”, “справедливость”, “мораль” и “добродетель”»⁸⁰.

6. *Гоголь*: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку!»⁸¹.

Лу Синь: «Может, есть еще дети, не евщие людей? Спасите детей!»⁸².

Влияние русской литературы на китайскую литературу нового времени отмечается также в статье нидерландского синоведа Доуве Вессель Фоккема «Лу Синь: влияние русской литературы»⁸³. Исследователь отталкивается от утверждения, что влияние русских писателей на современную китайскую литературу является известным фактом: Толстой, Достоевский, Гоголь, Чехов, Андреев и другие русские авторы переведены и широко известны в Китае. На китайских писателей оказала воздействие не только проблематика русской литературы, но и ее жанровое разнообразие. Как пишет Фоккема, русская литература оказала серьезное влияние на формальную структуру современной китайской художественной литературы, поэтому чтобы понять современные китайские литературные реалии, необходимо подробно проанализировать российское влияние.

⁷⁹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3. С. 164.

⁸⁰ Лу Синь. Повести и Рассказы. С. 64–65.

⁸¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3. С. 176.

⁸² Лу Синь. Повести и Рассказы. С. 73.

⁸³ Fokkema, Douwe. Lu Xun: The Impact of Russian Literature. In *Modern Chinese Literature in the May Fourth Era*. Merle Goldman, ed. Massachusetts and London: Harvard University Press. 1977. P. 90–91.

Исследователь отмечает, что движение за новую культуру ознаменовало собой появление в Китае нового культурного кода, который в различных аспектах отличается от старого конфуцианского. Причем введение этого нового культурного кода происходило через заимствования из иностранной литературы; из русской литературы – пожалуй, в наибольшей степени.

Фоккема подчеркивает, что именно через русскую литературу пришел целый ряд новых для китайской литературы явлений: романтизм, реализм и символизм. Исследователь отмечает, что стилевые признаки романтизма и символизма в произведениях русской литературы выражены очень ярко, поэтому Лу Синь в первую очередь их заимствовал; проявления реализма недостаточно представлены в его переводах. По сути дела, это, как говорит Фоккема, может дать ключ к интерпретации произведений Лу Синя. Исследователь отмечает, что при оценке произведений русской литературы, при их отборе для перевода, а также в том, что касалось влияния, Лу Синь исходил из своих общественных и политических убеждений, поэтому не был особенно заинтересован в ценностном содержании реалистического направления русской литературы.

Одним из наиболее авторитетных современных зарубежных лусиневедов является австралийский исследователь Джон Юджин фон Коваллис (Jon Tugene von Kowallis), перу которого принадлежит целая серия работ, посвященных разным аспектам творчества Лу Синя. Подробно остановимся на статье, имеющей непосредственное отношение к теме нашего исследования: «Лу Синь и Гоголь» (2000)⁸⁴.

Начиная статью с традиционного описания изучения творчества Гоголя Лу Синем, Коваллис переходит к неожиданному сопоставлению сходства и

⁸⁴ См. Джон Евгений фон Коваллис (Jon Eugene von Kowallis). Пер с англ. Цзян Исинь. Перевод и творческая индивидуальность – Переоценка Лу Синя как переводчика // Ежемесячный журнал исследования Лу Синя. Пекин, 2011. № 8. С. 26–33. (寇志明著, 姜异新译 翻译与独创性 – 重估作为翻译家的鲁迅。鲁迅研究月刊, 北京, 2011 年, 第 8 期第 26–33 页。)

различия в судьбах двух писателей. Лу Синь и Гоголь происходят из периферийных областей страны, однако Гоголь достиг известности в молодом возрасте (в 22 года он уже написал «Вечера на хуторе близ Диканьки», что принесло ему популярность), а Лу Синь – лишь в зрелом. Оба писателя находились под значительным влиянием духовно-религиозных идей, однако Лу Синь высказывал больше критических суждений в отношении их. Наконец, оба автора, по мысли Коваллиса, выступают против «чистой литературы», очевидно, полагая, что она должна выполнять дидактическую и социальную функции.

Переходя к анализу двух одноименных повестей («Записки сумасшедшего»), Коваллис отмечает, что огромное влияние на их создание оказали личные неудачи, и обе они были созданы в сходной атмосфере империалистического давления. Исследователь перечисляет целый ряд сходств и различий между этими повестями. Например, оба автора используют сходные образы собаки. Однако если у Гоголя много нереальных разговоров между героем и собакой, то герой Лу Синя даже подумать о ней боится.

Кроме того, по мнению Коваллиса, главные герои обеих повестей происходят из достаточно привилегированных слоев общества, однако при том, что существующая ситуация их не устраивает, они ничего не делают, чтобы изменить ее. Наконец, «результаты» сумасшествия двух безумцев разные: герой Гоголя находит даже некоторое утешение в окружающем мире; герой Лу Синя замкнут в собственном мире, он не в состоянии воспринимать окружающее.

Таким образом, по мнению Коваллиса, творчество Гоголя способствовало созданию центрального образа повести Лу Синя и исходной точки для развития сюжета.

Подводя итог проделанному анализу работ, можно сделать следующие выводы.

Проблема влияния творчества Гоголя на Лу Синя занимает западных исследователей заметно меньше, чем китайских и советских (российских) лусиневедов. Они признают это влияние как безусловный факт, однако в тех редких случаях, когда эта тема затронута подробнее, вектор исследований направлен скорее на нахождение различий, нежели сходств.

Второй вывод связан с тем, что исследования зарубежных лусиневедов отличаются заметно меньшей преемственностью, чем работы китайских и советских (российских) исследователей творчества Лу Синя. Таким образом, западные исследования не представляют целостной школы в традиционном смысле (территориальность и личная преемственность), однако могут быть в нее условно объединены на основании принципа «от противного».

Глава II. Рецепция художественных произведений Н.В. Гоголя в творчестве Лу Синя

2.1 Изучение биографии и творчества Лу Синя в России

Изучение творчества Лу Синя в России началось в 1929 г., когда вышел в свет сборник «Правдивая история А-Кея», первый перевод повестей писателя на русский язык. Переводчик и востоковед Б.А. Васильев в предисловии к книге так высказался о характере творчества китайского писателя: «Лу Синь –наблюдатель, и его основное качество – холодное спокойствие, соединенное с интуицией подлинного психолога»⁸⁵.

Васильев упоминает в этом предисловии о двух известных сборниках Лу Синя: «Литературную славу ему доставили два художественных сборника: один, появившийся в 1922 г., под названием “На-хань” (“Клич”) и другой, “Фан-хуан” (“Блуждания”), напечатанный в 1925 г.»⁸⁶.

В дальнейшем в СССР угол зрения на творчество классика новой китайской литературы во многом задавался как установками советского литературоведения, так и текущей политической ситуацией.

Среди русских классиков, повлиявших на творчество Лу Синя, советские ученые первым отметили А.П. Чехова, с творческим методом которого обнаруживаются следующие связи: глубокая характеристика героя с помощью художественной детали, прием иронии. В 1930-е гг. за Лу Синем даже закрепилось довольно устойчивое определение «китайский Чехов».

Сопоставляли творчество Лу Синя и с М. Горьким первым классиком новой советской литературы. Это программное по своей сути сравнение сделал А.А. Фадеев (на тот момент глава Союза советских писателей, т.е. первое лицо в государственной системе писателей) в статье «О Лу Сине» в

⁸⁵ Лу Синь. Правдивая история А-Кея. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lusinx/text_pravdivaya_istorua-a-keya.shtml (дата обращения: 20.9.2020)

⁸⁶ Там же.

«Литературной газете (1949). Статья посвящалась тринадцатой годовщине со дня смерти китайского писателя. А.А. Фадеев, в частности, писал: «По духу онрядом с Чеховым и Горьким. <...> Он, подобно нашим классикам, был писателем –критическим реалистом, то есть писателем, разоблачавшим и бичевавшим силы старого общества, силы, угнетавшие народ и подавлявшие личность “маленького человека”. Лу Синь мастер короткого рассказа. Он умеет коротко, ясно и просто передать мысль в образах, в эпизоде большое событие, в отдельном человеке тип»⁸⁷.

Из этого высказывания очевидно, что для советского литературоведения в творчестве Лу Синя представлял интерес прежде всего критический реализм, обличение старого строя и отражение судеб героев, олицетворявших простого человека.

Политическое сближение, происходившее между СССР и Китаем с конца 1940-х до середины 1950-х, нашло свое выражение и во всплеске культурного взаимодействия двух стран. В 1954–1956 гг. выходит собрание сочинений Лу Синя в четырех томах (М.: Гослитиздат). По данным, приведенным в этом собрании сочинений, за 1936–1956 гг. вышло более 85 статей, посвященных изучению Лу Синя, а следом, по инерции, сохранившейся лишь на уровне гуманитарных связей, появляется целая серия монографий (Позднеева 1957⁸⁸, 1959⁸⁹; Сорокин⁹⁰; Петров⁹¹; Семанов⁹²), посвященных «родоначальнику и первому классику реалистической литературы Китая нового времени»⁹³. Эта характеристика востоковеда Н.Т. Федоренко, ставшая общеизвестной, отражает и в очередной раз акцентирует

⁸⁷ Фадеев А. О Лу Сине // Литературная газета. М., 1949. 29 окт.

⁸⁸ Позднеева Л.Д. Лу Синь: Очерк жизни и творчества. М.: Молодая гвардия, 1957. 287 с.

⁸⁹ Позднеева Л.Д. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881–1936). М.: Изд-во Московского ун-та, 1959. 572 с.

⁹⁰ Сорокин В.Ф. Формирование мировоззрения Лу Синя: (Ранняя публицистика и сборник "Ключ") / Академия наук СССР. Ин-т китаеведения. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 196 с.

⁹¹ Петров В.В. Лу Синь: Очерк жизни и творчества. М.: Гослитиздат, 1960. 383 с.

⁹² Семанов В.И. Лу Синь и его предшественники / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1967. 148 с.

⁹³ Федоренко Н.Т. Великий китайский писатель Лу Синь. М.: Знание, 1953. С. 19.

суть отношения советских литературоведов к творчеству Лу Синя, основным творческим методом которого считается критический реализм.

Едва ли не первая в советском литературоведении влияние Гоголя на творчество Лу Синя отметила Л.Д. Позднеева в монографии «Лу Синь. Жизнь и творчество» (1959). Она поместила Гоголя в один ряд с другими русскими писателями-классиками, причислив его и М.Е. Салтыкова-Щедрина к уже названным её предшественникам Чехову и Горькому. Позднеева подчеркивала, что Лу Синь не копировал художественный метод русских писателей, а учился у них способам создания художественного образа, творчески обогащался в аспекте расширения жанровых и стилевых приемов (например, изучал жанр сатирической сказки у Салтыкова-Щедрина).

О связи творчества Гоголя и Лу Синя говорил В.В. Петров в монографии «Лу Синь. Очерк жизни и творчества» (1960), указывая на произведения, в которых влияние Гоголя наиболее заметно, а именно – сборник «Клич» и повесть «Записки сумасшедшего». Исследователь отмечал, что «Записки сумасшедшего» Лу Синя написаны под влиянием одноименной гоголевской повести, которое проявилось на уровне формы (жанр дневника) и образа главного героя (душевнобольной, через искаженное восприятие которого показан окружающий мир).

Вопрос влияния произведений Гоголя на творчество Лу Синя затронут и в книге В.И. Семанова «Лу Синь и его предшественники» (1967), однако лишь бегло, поскольку основной целью монографии было соотнести произведения Лу Синя с широким контекстом национальной и мировой литературы. Выделяя произведения русской литературы, которые повлияли на Лу Синя, «Мертвые души» и «Записки сумасшедшего» Гоголя, Семанов не анализирует близость творчества двух писателей подробно. Вслед за Петровым он отмечает влияние «Записок сумасшедшего» Гоголя на одноименную повесть Лу Синя в отношении формы, а также подчеркивает, что во многом именно повесть Гоголя помогла Лу Синю преодолеть инерцию

старой китайской литературы и переместить акцент на внутренний мир героя. Те же идеи Семанов высказал ранее в статье «К новой классике» (1962).

Книга Семанова занимала важное место в лусиневедении 1970–80 гг. В 1980 г. она вышла в США в переводе с комментариями Чарльза Дж. Албера и стала одной из классических теоретических работ не только для советских и российских синологов, но и для специалистов по китайской литературе из других стран. Со второй половины XIX в. российская школа синологии стала одной из самых авторитетных в мире, и её преемницей, безусловно, явилась советская школа. Поэтому работы советских китаистов были достаточно хорошо известны в Европе и США, оказывая заметное влияние на развитие синологии в целом.

Попытка осмыслить основные этапы развития советского лусиневедения 1930–1970-х гг. предпринята в статье О. Медведевой “Lu Xun in the Rhetoric of the Sino-Soviet Split: A View from Contemporary Russia” (2013)⁹⁴. Автор сосредоточен на систематизации основных исследований творчества Лу Синя, посвященных общим вопросам, не затрагивая более частные темы, например, влияние творчества Гоголя на Лу Синя. Другая подобного рода работа статья М.В. Михайловой и Шэ Сяолин «Лу Синь в России» (2015)⁹⁵.

После всплеска интереса к творчеству Лу Синя в 1950–1960-е гг. в последующие десятилетия наблюдается некоторый спад. В 1970-е гг. отдельных книг, посвященных Лу Синю, не издавалось, однако заслуживает упоминания предисловие Л.З. Эйдлина к сборнику повестей и рассказов китайского писателя (1971).

Эйдлин достаточно подробно анализирует одноименные повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя, отмечая вслед за своими предшественниками влияние русского писателя на уровне жанра и образа главного героя. Однако основное внимание китаевед уделяет утверждению

⁹⁴ Medvedeva O. Lu Xun in the Rhetoric of the Sino–Soviet Split: A View from Contemporary Russia // *Frontiers of Literary Studies in China*. 2013. Vol. 7. Issue (3). P. 483–493.

⁹⁵ Михайлова М.В., Шэ Сяо-лин. Лу Синь в России // *Вестник Саратовского гос. ун-та*. Саратов, 2015. Т. 15. № 4. С. 85–90.

сходства повести с произведениями Л.Н. Андреева (1881–1919), с которыми Лу Синь был знаком и которые высоко ценил. Эйслин прямо указывает на параллель между отчаянным призывом героя «Записок сумасшедшего» Лу Синя спасти детей и криком героя рассказа Л.Н. Андреева «Ложь»: «Спасите меня! Спасите». Он также напоминает о переводе этого рассказа Лу Синем в 1909 г. (с немецкого) и даёт понять, что это не было «только эпизодом» в последующем творчестве китайского писателя. Тема влияния творчества Гоголя на Лу Синя как вполне самостоятельная складывается к 1980-м гг. Первая значимая в этом плане, работа статья Е.А. Серебрякова «Гоголь в Китае» (1988). Отличительной ее чертой является то, что она начинается с анализа широкого контекста влияния творчества Гоголя на Лу Синя. Исследователь упоминает, что, по признанию самого Лу Синя, в период создания «Записок сумасшедшего» его любимыми авторами были Гоголь и Сенкевич⁹⁶. При этом из произведений Гоголя Лу Синь особенно выделял повесть «Записки сумасшедшего», комедию «Ревизор» и поэму «Мертвые души». Лу Синь писал: «В первой половине XIX в. в России появился Гоголь и потряс соотечественников печалью невидимых слез»⁹⁷. Более того, Лу Синь признавал, что одной из причин создания его повести стало знакомство с европейской литературой, в частности, с «Записками сумасшедшего» Гоголя. Это дало Серебрякову основание утверждать, что русская литература служила ориентиром творческих исканий Лу Синя. Тем не менее, он приводит высказывание Лу Синя об отличии его повести от произведения Гоголя: «<...> Идея моих позднее появившихся “Записок сумасшедшего” в обличении патриархального строя и зла конфуцианского учения о поведении человека в обществе. Гнев в этом рассказе по сравнению с гоголевским более сильный»⁹⁸.

⁹⁶ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература. Сб. статей / Отв. ред. Ю.В. Манн. М.: Наука, 1988. С. 225.

⁹⁷ Там же. С. 226.

⁹⁸ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае. С. 226.

Однако выводы Серебрякова не отличаются от взглядов предшественников (Петрова, Семанова, Эйдлиана): в качестве основных черт влияния Серебряков называет форму (жанр дневника) и образ главного героя.

Серебряков также подробно описывает исторический контекст произведений Лу Синя, объясняя, почему именно образ сумасшедшего был наиболее подходящим для выражения новых, подчас радикальных идей. В традиционной китайской культуре считалось, что безумец говорит истину. Поэтому обращение Лу Синя к этому образу выглядит вполне естественно.

Наиболее подробно влияние «Записок сумасшедшего» Гоголя на одноименную повесть Лу Синя рассмотрено в статье Е.В. Суровцевой «О влиянии Н.В. Гоголя на Лу Синя» (2011). Исследовательница говорит о влиянии русской литературы на китайских писателей конца XIX начала XX в., а также анализирует близость произведений Лу Синя с творчеством Гоголя. Развивая выводы предшественников о влиянии Гоголя на уровне образа героя и жанра, Суровцева делает следующие существенные дополнения: во-первых, обосновывает типологическое сходство образов героев-безумцев у Гоголя и Лу Синя. Если Серебряков, анализируя «Записки сумасшедшего» Лу Синя, опирался только на китайскую традицию, то Суровцева соотносит образ героя Гоголя с русской традицией изображения юродивого, блаженного, и делает вывод, что «в данном случае можно говорить о типологическом сходстве русской и китайской культур». Суровцева не ограничивается декларацией влияния повести Гоголя на жанровом уровне, а проводит сопоставительный анализ, который позволяет прийти ко второму важному наблюдению: в повести Гоголя дневниковые даты проставлены, у Лу Синя датировка записей отсутствует; в предисловии и вовсе отмечено, что произведение это лишь часть «Записок».

Сопоставляя образы главных героев, Суровцева отмечает, что если гоголевский герой не замкнут в своем состоянии и даже «находит известное успокоение и утешение в иллюзиях» (в образе достаточно сильны комические

черты), то герой Лу Синя «трагичен, он во власти страшного открытия, и ничего больше в окружающем мире им не воспринимается».

В статье Суровцевой обращается внимание и на разную акцентировку образов собак, введенных в качестве второстепенных героев в «Записках сумасшедшего» обоих писателей. У Гоголя собаки выполняют прежде всего функцию пародии на аристократию, а для героя Лу Синя собака Чжао представлена «страшным олицетворением злобы», т.е. выступает как символический образ.

Подводя итог проделанному анализу работ советских и российских исследователей, можно сделать следующие выводы.

Русские исследователи начали изучать творчество Лу Синя еще при его жизни и сразу высоко оценили произведения писателя, который в дальнейшем был признан классиком новой китайской литературы. Так, еще в 1925 г. синолог Б.А. Васильев, автор первого перевода произведений Лу Синя на русский язык, утверждал в письме близкому другу Лу Синя Цао Цзи-нхуа: «Лу Синьне только китайский писатель, но и всемирный писатель»⁹⁹.

Одной из характерных черт советского лусиневедения является его преемственность, т.е. то, что позволяет говорить именно о школе исследований. Так, Б.А. Васильев передал тему изучения Лу Синя своему студенту Н.Т. Федоренко, ставшему впоследствии автором первой отдельной монографии по творчеству Лу Синя «Великий китайский писатель Лу Синь» (1953).

Другой характерной чертой является всесторонняя проработка темы и установление связей с людьми, составлявшими непосредственный круг общения писателя. Так, Л.Д. Позднеева, работая над книгой «Лу Синь. Жизнь и творчество» (1959), подготовила переводы многих произведений писателя и установила тесную связь с друзьями Лу Синя Цао Цзин-хуа, Ли Цзие, Ли

⁹⁹ Гэ Бао-цюань. Положение Лу Синя в истории мировой литературы. Сиань: Шаньси народное издательство, 1981. С. 44. (戈宝权 鲁迅在世界文学史上的地位. 西安: 陕西人民出版社, 1981 年. 共 59 页, 第 44 页.)

Хэ-лин и его женой Сюй Гуан-пин, а также с китайскими исследователями творчества Лу Синя.

В целом исследования советских и российских лусиневедов пользовались заслуженным авторитетом у коллег из других стран. В заключительном выводе обзорной статьи М.В. Михайловой и Шэ Сяолин «Лу Синь в России» сделана попытка обобщить заслуги советского лусиневедения: «Именно русским ученым удалось вписать творчество великого китайского писателя не только в китайскую, но и в мировую культуру. В России рассматривался не только идейный смысл его произведений, но и их художественное своеобразие»¹⁰⁰.

Выводы советских и российских ученых о влиянии творчества Гоголя на Лу Синя на примере повести «Записки сумасшедшего» в основном совпадают с выводами китайских исследователей. Близость двух произведений обнаруживается на следующих уровнях: метод реализма, жанр дневника и образ главного героя.

¹⁰⁰ Михайлова М.В., Шэ Сяолин. Лу Синь в России. С. 90.

2.2 Образ сумасшедшего в творчестве Лу Синя и Н.В. Гоголя

«Записки сумасшедшего», первое оригинальное произведение Лу Синя, было написано в апреле 1918 г. и впервые опубликовано в журнале «Синь Циннянь»¹⁰¹ в мае того же года. Эта повесть является первым литературным произведением, которое написано на «байхуа», т.е. современном китайском литературном языке (в переводе с китайского «байхуа» означает «повседневный язык»; 白话文 буквально: запись общепонятного, разговорного языка).

До 1911 г. в Китае существовало явление *двуязычия*, т.е. одновременно использовались письменный литературный язык «вэньянь» и разговорный язык «байхуа». В результате литературные произведения, а также газеты и журналы могли читать только люди, получившие образование в частной школе. Именно Лу Синь начал писать литературные произведения на языке байхуа. Поэтому он считается одним из основоположников современного китайского литературного языка.

Герой «Записок сумасшедшего» – это борец со старыми принципами, основами, на которые опиралось китайское общество. Это нравственно и духовно сильная личность, стремящаяся изменить мир. Автор считал, что после Синьхайской революции¹⁰² буржуазия из-за своей политической слабости не была способна внести положительные изменения в социальную, экономическую сферы жизни народа. Революция 1911 г. не изменила старый уклад жизни в Китае. Лу Синь, будучи гуманистом и патриотом, тяжело

¹⁰¹ «Синь Циннянь» (Новая молодёжь) – прогрессивный общественно-политический и литературный журнал, издававшийся в Пекине в 1915–1922 гг.; участники журнала выступали против феодальной культуры и мертвого книжного языка вэньянь, за новую литературу и новый литературный язык байхуа, пропагандировали марксизм, идеи равенства и демократии. Начиная с 1918 г. Лу Синь активно сотрудничал в «Новой молодёжи».

¹⁰² Революция 1911 года, приведшая к падению последней императорской династии.

переживал, что старые традиции и нормы сохранялись и оказывали губительное воздействие на судьбы людей]¹⁰³.

В письме к своему другу Сюю Шоу-шану от 20 августа 1918 г. Лу Синь так писал о причинах, побудивших его к созданию «Записок сумасшедшего»: «Некогда говорили, что Китай всеми своими корнями связан с учением о морали и добродетели. Последнее время подобные взгляды получили широкое хождение. Если исходить из этого, то чтение истории даёт возможность легко решать многие вопросы. Потом я как-то случайно просматривал «Всеобщее зеркало»¹⁰⁴ и понял, что китайцы все ещё остаются нацией людоедов. Вот тогда я написал эту повесть».

Повесть Лу Синя «Записки сумасшедшего» предваряется предисловием, в котором автор описал историю жанра записок (дневника) в классической литературе на древнем китайском языке. В основной части произведения Лу Синь приводит тринадцать дневниковых записей «сумасшедшего» на языке байхуа.

Записки, или дневниковые записи – это новый жанр для китайской современной литературы, вызвавший большой интерес у китайских литературоведов. Влияние «Записок сумасшедшего» Лу Синя на современную китайскую литературу оказалось значительным. Так, после этого в китайской литературе было написано много произведений в форме дневника или записок, например, «Ржавчина» Мао Дуня¹⁰⁵, «Отец», «Мань Ли» Лу Инь¹⁰⁶.

Изучаемое произведение остаётся в центре внимания исследователей творчества Лу Синя и по сей день (особое внимание в этом ключе следует

¹⁰³ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия Русская филология. М., 2020. № 3. С. 86.

¹⁰⁴ «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» – одно из классических китайских исторических сочинений, созданное в XI в. несколькими выдающимися авторами.

¹⁰⁵ Мао Дунь (настоящее имя – Шэнь Яньбин, 1896–1981), известный китайский писатель и общественный деятель.

¹⁰⁶ Лу Инь (настоящее имя – Хуан Шуи, Хуан Ин, 1898–1934), известный китайский писатель.

обратить на следующие научно-исследовательские работы: «Образ безумия в китайской классической литературе» Чжу Пина, «О влиянии внешних факторов и новаторства на “Записки сумасшедшего” Лу Синя» Хуа Хао-бо, «Понятие о надежде и отчаянии в «Записках сумасшедшего” Лу Синя» Чжэн Сяо-пин и другие). Лу Синь считал, что его герой – борец с феодальным строем. Писатель так определил основную идею своего произведения: «<...> Идея моих позднее появившихся «Записок сумасшедшего» состоит в обличении патриархального строя и зла конфуцианского учения о поведении человека в обществе»¹⁰⁷.

Лу Синь получил хорошее образование. Он не только знал классическую китайскую литературу с детства, (например, «Четыре книги и пять канонов»)¹⁰⁸, но и читал европейские и американские произведения: почти все переводы с английского и французского, которые выполнил известный китайский переводчик Линь Шу («Биография Шерлока Холмса», «Она: История приключения», «Дама с камелиями»)¹⁰⁹. Писатель хорошо владел немецким языком, высоко ценил поэзию Гейне и книгу «Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого» Фридриха Ницше.

Во время обучения в горно-железнодорожном техническом училище в Нанкине Лу Синь прочитал книгу Т. Гексли «Эволюция и этика», которую перевёл на китайский язык Янь Фу, один из представителей китайской общественной мысли нового времени. Эта книга оказала огромное влияние на Лу Синя. В это же время молодой писатель познакомился с произведениями Л.Н. Толстого, Диккенса, Шекспира, Скотта. Кроме того, он начал изучать русский язык у частной учительницы в Японии. Несмотря на

¹⁰⁷ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае. С. 226.

¹⁰⁸ В состав корпуса текстов «Четыре книги и пять канонов» входят Четырёхкнижие: «Лунь Юй», «Мэнцзы», «Да сюе» и «Чжун юн»; Пятикнижие: «И-цзин», «Шу-цзин», «Шицзин», «Лицзи» и «Чуньцю». Эти книги являются каноническими произведениями китайской классической литературы.

¹⁰⁹ Чжоу Сяшоу. Герои рассказов Лу Синя. Пекин: Литературное издательство народа, 1959. С. 185–186. (周遐寿, 《鲁迅小说里的人物》, 北京: 人民文学出版社, 1959 年, 第 185–186 页。)

то, что обучение продолжалось всего месяц, Лу Синь увлекся русской литературой и занялся переводом произведений на китайский язык. Поскольку русским языком китайский писатель владел еще плохо, он переводил не оригинальные произведения, т.е. не с русского языка, а с японского и немецкого.

Например, с немецкого он перевёл «Мертвые Души» и «Нос» Н.В. Гоголя, рассказы «В тумане», «Ложь», «Молчание», «Книга» Л.Н. Андреева. Эти переводы были опубликованы в двухтомном «Сборнике зарубежных рассказов» («域外小说集»), в который вошло 37 произведений и над которыми Лу Синь работал совместно с младшим братом Чжоу Цзоженем во время учебы в Токио. Также писатель перевёл с японского языка на китайский роман А.А. Фадеева «Разгром»¹¹⁰.

Эти книги оказали большое влияние на творчество Лу Синя. В его произведениях сочетаются китайское традиционное мировоззрение и европейское. Обращение автора к теме сумасшествия не случайно, а историко-культурно обусловлено. В китайской истории были люди, боровшиеся с несправедливостью общества, феодальным строем и бюрократизмом, и их считали безумцами. Е.А. Серебряков, русский филолог, исследователь китайской литературы, писал: «Воссоздавая столкновение личности с обществом, Лу Синь учитывал и традицию китайской литературы, в которой образ безумца занимал важное место». В древнем памятнике «Ши цзин», содержащем песни XII–VI вв. до н. э., имеется следующее обращение к бесчестному правителю:

Если ж бессмысленно всех ты неволишь,
Правым считаешь, себя одного лишь,
Прихоти следуешь только – и вот,

¹¹⁰Фадеев А.А. «Разгром» / Пер с русского Лу Синя. Пекин: Жизнь-чтение-знание книгоиздательство «Санлянь», 2018. 245 с. (法捷耶夫 毁灭. 鲁迅译, 北京: 生活·读书·新知 三联书店, 2018 年, 245 页。)

В ярость безумья приводишь народ¹¹¹!] ¹¹².

Кроме того, ученый приводит другой пример: «“Сумасшедшим”, “безумцем” называли великого поэта Цюй Юаня, который не смог смириться с господствующими при дворе нравами и покончил с собой, сохранив верность идеалам»¹¹³. Память о знаменитом «безумце» до сих пор живёт в китайском обществе: с его ритуальным самоубийством связан традиционный праздник (Дуань-У, День драконьих лодок).

Китайские исследователи творчества Лу Синя считают, что самые яркие примеры «безумцев», это современные китайские интеллектуалы, такие как “Безумец Чжан” (Чжан Бин-линь, 1869–1936)¹¹⁴. Они стремятся к созданию новой литературы, культуры и правды, борются с несправедливостью общества, феодализмом и бюрократизмом. На самом деле автор обратился к теме сумасшествия (безумия) не только для разоблачения уродливых явлений общества, но и для раскрытия сущности господствующего класса и источника зла в стране.

До написания «Записок сумасшедшего» Лу Синь как философ и историк изучал и обобщал историю Китая, поэтому он имеет более глубокое понимание китайского феодального общества, чем его предшественники и современники. В своей повести Лу Синь изобразил пороки феодального общества, в частности жестокость и злобу людей в древнем Китае: «И Я¹¹⁵

¹¹¹ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае. С. 228.

¹¹² Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя. С. 85–93.

¹¹³ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае. С. 228.

¹¹⁴ Чжан Бинлинь (1869–1936), известен также под именем Чжан Тайянь, китайский философ, филолог и просветитель, деятель революционного движения. После Синьхайской революции, свергнувшей последнюю императорскую династию Цин, перешёл на консервативные позиции. Идеолог китайского национализма, составитель первой систематической этимологии китайских иероглифов, занимался исторической фонологией китайского языка, создатель фонетической стенографии, которая легла в основу чжуняня. Один из первых пропагандистов социологии в Китае.

¹¹⁵ И Я жил в эпоху Чуньцю в княжестве Ци, правитель которого Хуань-гун однажды сказал, что никогда в жизни не пробовал мясо младенца. И Я сварил собственного сына и поднес Хуань-гуну, демонстрируя тем самым свою безграничную преданность государю.

сварил своего сына и отдал на съедение Цзе и Чжоу¹¹⁶, потому что так повелось с давних времен. Кто знает, сколько было съедено людей с того момента, как Паньгу отделил небо от земли, и до тех пор, когда съели сына И Я; а от случая с сыном И Я до Сюй Си-линя¹¹⁷; а от Сюй Си-линя вплоть до того, как в деревне Волчьей съели человека? В прошлом году, когда в городе казнили преступника, какой-то чахоточный макал пампушку в кровь казненного¹¹⁸ и облизывал ее»¹¹⁹.

Автор с горечью говорит о Китае, обобщив события четырёх тысяч лет истории: «Я понял, что живу в мире, где на протяжении четырёх тысяч лет едят людей»¹²⁰. Власть и аристократия не только уничтожали людей благородных стремлений, но и разрушали их самосознание, контролировали поведение и политические настроения. Герой Лу Синя стал жертвой традиций старого Китая. Раскрывая жестокость феодального общества, писатель развенчал его лицемерие, указал, что притеснения и убийства встречаются даже в одной семье: «В шайке, которая собирается меня съесть, оказался и мой брат!

Мой брат людоед!

А я брат людоеда!

Меня самого съедят, и все же я останусь братом людоеда...»¹²¹. Более того, Лу Синь с горечью писал: «Может быть, и я по неведению съел несколько кусочков мяса сестренки, а теперь очередь дошла до меня самого...»¹²². Это показывает, что герой не отрицает своей вины, но не желает

¹¹⁶ Цзе и Чжоу – цари-тираны династий Ся и Шан. Их имена употреблялись как нарицательные для обозначения жестокости; здесь Хуань-гун уподоблен этим древним тиранам.

¹¹⁷ Сюй Си-линь (1872–1907) – революционер, неудачно покушавшийся в 1907 г. на маньчжурского губернатора провинции Аньхуй Энь Мина; был схвачен и казнен: у Сюй Си-линя палачи вырвали сердце и отдали на съедение охране Энь Мина.

¹¹⁸ В старом Китае существовало поверье, согласно которому больной, съевший пампушку, смоченную кровью казненного преступника, излечивался от чахотки

¹¹⁹ Лу Синь. Повести и Рассказы. С. 50.

¹²⁰ Там же. С. 58.

¹²¹ Там же. С. 53.

¹²² Там же. С. 58.

такой участи себе в будущем. Именно поэтому он хочет изменить мир, стремится к реформированию общества и преобразованию жизни людей¹²³.

Создавая образ сумасшедшего, Лу Синь выразил свою мечту о будущем идеальном обществе, поэтому он призывает современников к раскаянию: «Немедленно раскайтесь, раскайтесь чистосердечно! Знайте, что в будущем не потерпят людоедов...»¹²⁴.

Н.В. Гоголь написал «Записки сумасшедшего» в 1835 г., за 83 года до создания одноименной повести в Китае. Произведение русского писателя сразу вызвало интерес и полемику между интеллигентами и учёными Китая.

В период создания Лу Синем «Записок сумасшедшего» жанр дневника не был распространен в китайской литературе. Повесть Лу Синя – первое произведение, написанное в форме дневниковых записей, и оно оказало влияние на всю последующую литературу (в современной китайской литературе данный жанр очень популярен)]¹²⁵. В таких произведениях литературы как роман, повесть, рассказ повествование, как правило, ведётся от лица автора, поскольку такая повествовательная стратегия способствует непрерывности развития сюжета и изложению истории с разных ракурсов. Поэтому в классических китайских произведениях повествование от первого лица не велось. Оно стало появляться лишь в последний период династии Цин (начало XX в.) под влиянием иностранных повестей, и отсчет жанра дневника в китайской литературе следует вести с «Записок сумасшедшего»]¹²⁶.

¹²³ Гу Го-чжу. Отличный пример принципа “О том, как брать” – сравнение между двумя «Записками сумасшедшего» // Форум Наньду. Гуанчжоу, 1990. № 2. С. 43. (顾国柱 “拿来主义”的光辉范例 – 鲁迅与果戈理同名小说《狂人日记》之比较。南都学坛, 广州, 1990年, 第10卷第02期第43页。)

¹²⁴ Лу Синь. Повести и Рассказы. С. 58.

¹²⁵ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя. С. 85–93.

¹²⁶ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. История изучения повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя в Китае в контексте влияния одноименного произведения Н.В. Гоголя. С. 26–34.

В повествовании Лу Синь использует приём «прыжка», т.е. резких переходов от описания одной сцены к другой. Повествование от первого лица содействует также изложению авторского мнения. Можно сказать, что дневниковая запись, это метод, который подходит для раскрытия внутреннего мира и психологии человека. В начале XX в. русская литература для китайцев была малознакомой несмотря на то, что многие европейские произведения уже были переведены. Лу Синь говорил, что русская литература оказала большое влияние на его творчество – в частности, произведения Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева¹²⁷. Таким образом, можно предполагать, что чтение Лу Синем гоголевских «Записок сумасшедшего» способствовало выработке уникального творческого стиля писателя, то есть обращению к жанру записок. Как следствие, в качестве языка произведения был выбран «байхуа», наиболее подходящий для повествования от лица героя. Создавая свою первую повесть, китайский писатель не только заимствовал название («Записки сумасшедшего»), но и форму повести Гоголя (дневниковые записи). В качестве важного компонента китайской повести выделяют прием персонификации (говорящая собака), также заимствованный из «Записок сумасшедшего» Гоголя.

Анализируя произведения Гоголя «Записки сумасшедшего» и одноименное произведение Лу Синя, мы находим много сюжетных и образных сходств (отчасти упомянутых в первой главе со ссылкой на исследования Юн-Ва Вона).

Функциональным и типовым сходством обладают и такие персонажи двух произведений, как слуги Мавра и Чэнь Лаову: они были свидетелями того, как герой становился сумасшедшим, это происходило у них на глазах.

В обоих произведениях большое значение имеет образ луны. В повести Гоголя герой так описывает луну: «И оттого самая луна – такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы». А в

¹²⁷ Лу Синь. О силе сатанинской поэзии. С. 65–121. (鲁迅 摩罗诗力说。第 65–121 页。)

произведении Лу Синя находим следующее описание луны: «Сегодня вечером замечательно светит луна...» или: «Сегодня совсем не светила луна; я понял, что это не к добру»¹²⁸, т.е. луна является символом надежды и веры героя (в китайской литературе и культуре *луна* означает свет в темноте, поэтому она имеет значение надежды и веры).

Через образ сумасшедшего, его мысли Лу Синь хотел выразить своё отношение к феодальной культуре, традициям старого Китая, глубокое разочарование в укладе жизни китайского общества.

Одним из источников «Записок сумасшедшего» является классический китайский текст, в котором описаны примеры каннибализма. Однако у Лу Синя каннибализм становится метафорой старого жизненного уклада, этических и нравственных норм, которые угнетали общество. В этом проявляется открытость Лу Синя влиянию европейской литературы. Одним из писателей, чье влияние Лу Синь отмечал сам, является Гоголь.

В «Примечаниях ко второму сборнику повестей» Лу Синь пишет, что на замысел его произведения повлияла повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» (1835). Её герой, как и герой китайского писателя, приходит к пониманию того, что в мире господствуют законы жестокости и насилия, и сходит с ума от этого открытия.

Лу Синь в своей повести представил образ сумасшедшего, который страдал манией преследования. В третьей главе автор выразил собственные мысли: «Я раскрыл книгу по истории, но в книге отсутствовали хронологические даты, а каждая страница была испещрена словами «гуманность», «справедливость», «мораль», «добродетель». Так как я все равно не мог заснуть, то глубоко за полночь внимательно читал книгу и вдруг между строками рассмотрел, что вся книга исписана одним словом — людоедство».

¹²⁸ Лу Синь. О силе сатанинской поэзии. С. 50.

Людоедство в повести является метафорой жестокой феодальной этики: эта мораль не только губит людей духовно, но и убивает физически.

В произведениях Лу Синя доминирует идея беспощадности традиций феодального общества. Нелепые обычаи убивают человека нравственно и физически. В повести Лу Синя «Моление о счастье» показана загубленная жизнь молодой, цветущей, полной сил женщины, которая становится жертвой жестоких обычаев старого Китая. Овдовевшую Сян-линь расчетливая свекровь насильно выдаёт замуж в далёкое горное селенье, чтобы получить большой выкуп. В те времена в китайском обществе вторичное замужество для вдовы считалось позором. Сопrotивляясь насилию, отчаявшаяся Сян-линь бьётся головой до крови перед брачным алтарем.

Второй брак внешне выглядит благополучным, но заканчивается трагично: муж рано умер, маленького сына разорвал волк. Сян-линь считают осквернённой, не допускают к праздничному жертвоприношению; её презирают и разговаривают с ней «всегда с холодной усмешкой», не позволяют больше работать служанкой. Затравленная, лишённая средств к существованию женщина становится нищенкой. От горя Сян-линь теряет память, в сорок лет выглядит совершенной старухой, седой как лунь. Она умирает от голода, накануне с ужасом размышляя о загробной жизни, опасаясь оказаться в аду. Под грохот фейерверков односельчане готовятся к празднику, приносят жертвы богам и молят их о счастье. Описание суетности лицемерных и невежественных людей, погубивших несчастную Сян-линь, усиливает трагизм финала повести¹²⁹.

В предисловии к сборнику повестей Лу Синя известный китаист и переводчик Л.З. Эйдли́н отмечал, что «каждая смерть у Лу Синя убийство,

¹²⁹ Лу Синь. Повести и рассказы. Переводчик: Н.Т. Федоренко. М.: Художественная литература, 1971. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/povesti-rasskazy-read-243093-80.html> (дата обращения: 03.9.2020)

совершенное обществом бессердечным, лишенным жалости и нравственности»¹³⁰.

Трагически складываются судьбы и героев одноименных повестей Гоголя и Лу Синя («Записки сумасшедшего»). Оба они теряют рассудок, и в основе сумасшествия обоих тяжелые нравственные переживания, обусловленные социальными факторами. Однако ввиду культурной и временной разницы между двумя произведениями позиции и идеи двух авторов также отличаются. Образы сумасшедшего в двух повестях имеют немало и различий, и совпадений. Анализируя и обобщая сходства и различия этих произведений, представим полученные результаты.

Сходство: 1. Оба произведения относятся к реализму как литературному направлению.

Различия: 1. Образ сумасшедшего у Гоголя иной, чем у Лу Синя, т.е. представлен в развитии и наделён более сложными психологическими деталями. В произведении русского писателя показаны изменения героя. Гоголь подробно описал динамику развития болезни Поприщина, изображая правдивые ситуации и показывая безумные мысли героя, таким образом создавая единство настоящего и вымышленного, адекватного и сумасшедшего.

В повести Лу Синя герой предстаёт уже полностью сошедшим с ума, читателю не было показано развитие его болезни. Автор схватывает симптом болезни безумия, а иногда и пробуждения безумца, и в предисловии отмечает: «Я объединил это в одну книгу». Это усиливает целостность дневниковых записей героя, делает мысль о бунте более чёткой, и логическое умозаключение (понимание смысла людоедства) всё яснее, так что читатели понимают, что герой изначально болен манией преследования.

2. Лу Синь как художник испытывал влияние символизма XX в. и выразил сумасшествие своего героя в символическом виде. Увидев лунный

¹³⁰Эйдлин Л.З. О сюжетной прозе Лу Синя. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222321&p=1> (дата обращения: 03.9.2020)

свет, собаку, женщину, ударившую сына, белые и жесткие глаза рыбы, безумец испугался; всё увиденное вызвало у него ужас и сомнение. Вот что чувствует герой: «В комнате – непроглядная тьма. Балки и стропила закачались прямо над моей головой; покачались немного и стали увеличиваться... Навалились на меня...»¹³¹. Это описание – символическое изображение темного, давящего состояния старого общества. Сумасшедший вспомнил, что «двадцать лет тому назад растоптал старую приходно-расходную книгу Гу Цзю»¹³², поэтому он подозревает, что люди собираются навредить ему (переживание героя, представленное данным пассажем, символизирует предчувствие, что реакционная сила уничтожит демократию).

3. Персонаж в повести Лу Синя является символом борца против феодализма и старого общества Китая.

Сходство: 2. Оба безумца жили в мире своей фантазии.

Различия: 1. Причина, по которой герой Гоголя стал сумасшедшим, заключается в том, что он не может приспособиться к жизни, в которой есть большой социальный и нравственный разрыв между представителями разных сословий. Бедность, унижение, несправедливость угнетают героя. Он находится в постоянном духовном напряжении и наконец теряет рассудок.

Безумец Лу Синя не просто сумасшедший, т.е. его обстоятельства не исчерпываются психиатрическим диагнозом. Столкнувшись с ужасом тысячелетнего феодального гнёта и преследованием феодальной системы и этики, он обладает независимым сознанием, имеет четкое понимание прошлой и будущей жизни. Герой не хочет вступать в сговор с окружающими людьми, он сопротивляется реальному миру и становится «сумасшедшим» – человеком, мыслящим иначе, чем другие; обычные люди не могут его понять.

2. В конце «Записок сумасшедшего» Гоголя Поприщин взывает к спасению: «Матушка, спаси твоего бедного сына!.. Матушка! пожалей о

¹³¹ Лу Синь. О силе сатанинской поэзии. С. 57–58.

¹³² Там же. С. 50.

своем больном дитятке!»¹³³. Призыв героя Лу Синя пронизан надеждой на будущее: «Может, есть еще дети, не евщие людей? Спасите детей!»]¹³⁴.

Таким образом, повесть Гоголя помогла Лу Синю создать новое творческое направление, выработать свой уникальный стиль. При этом Лу Синь заимствовал название и жанр повести Гоголя (дневниковые записи, повествование от первого лица).

Сравнивая образы сумасшедших и анализируя тексты двух произведений, мы приходим к выводу, что у Гоголя и Лу Синя много мотивно-образного, сюжетного, идейного сходства, однако много и различий, обусловленных культурными, социально-политическими, историческими, идейными особенностями, а также уникальностью писательского дара каждого из двух авторов.

¹³³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3. С. 176.

¹³⁴ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия Русская филология. М., 2020. № 3. С. 85–93.

2.3 Особенности мировоззрения Лу Синя в связи с его отношением к духовно-религиозному аспекту творчества Гоголя

Духовно-религиозный аспект творчества Н.В. Гоголя сегодня является объектом пристального изучения российских исследователей. Так, И.А. Виноградов в монографии приводит концептуальное высказывание Гоголя: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора»¹³⁵.

А.Х. Гольденберг, напротив, утверждает, что «при всем аскетизме позднего Гоголя, обретающем черты «мирской святости», он оставался прежде всего художником, а не монахом и святым»¹³⁶.

В статье Е.В. Сартакова отмечается, что и мудрость, и просвещение Гоголь считал функцией божественного промысла. Он приводит слова писателя о мудрости: «Она не наделяется никому из нас при рождении, никому из нас не есть природная, но есть дело высшей благодати небесной. Тот, кто уже имеет и ум, и разум, может не иначе получить мудрость, как молясь о ней и день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога...»¹³⁷.

Как видим, российские авторы рассматривают разные аспекты мировоззрения Н.В. Гоголя – и как личности, и как художника.

Между тем в китайской науке очень мало исследований, посвященных изучению творчества Н.В. Гоголя в духовно-религиозном аспекте его произведений. В период конца династии Цин и начала Китайской

¹³⁵ Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания: К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 2000. С. 389.

¹³⁶ Гольденберг А.Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте. Учебное пособие. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. С. 49.

¹³⁷ Сартаков Е.В. «Просвещенный верою»: проблема сути истинного просвещения в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и русской консервативной журналистике первой половины 1840 гг. // Медиаскоп. М., 2013. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1420> (дата обращения: 24.10.2021).

республики¹³⁸ русская литература становилась популярной в Китае. К сожалению, китайская интеллигенция того времени мало знала о православии и игнорировала важную роль религиозных факторов в русской литературе. Гоголь являлся основоположником нового направления в русской литературе – «натуральной школы», и вполне закономерно, что первые исследователи его творчества сосредоточили внимание на анализе таких произведений, которые считали реалистическими.

Только с 80-х гг. XX в. направление в изучении творчества Гоголя несколько поменялось. Появились первые работы, рассматривающие религиозно-философский аспект гоголевских произведений. И всё же по-прежнему современные китайские литературоведы не могут оторваться от традиционного «марксистского» подхода: их интересует прежде всего реализм и сатирическое начало в творчестве русского писателя.

Чжу Вэйчжи писал в 1942 г.: «<...> Хотя база китайской христианской литературы достаточно мала, у нас точно есть некоторые известные писатели-христиане, например, Бин Синь, Лу Чжи-вэй, Лю Тин-фан, Чэн Мэн-цзя и другие, все они внесли большой поэтический вклад в литературу Китая»¹³⁹. Существуют и другие художественные произведения, затрагивающие христианские темы: например, «Песня о дне рождения Иисуса» Ху Ши, «Жена бизнесмена» Сюй Ди-шана, «С тех пор» и «Спи, младший ребёнок» Чжу Цзи-цина, «Месть» Лу Синя, «Вечерняя молитва» и «К вечеру» Бин Синь, «Смерть Иисуса» и «Месть Шинь Сунь» Мао Дуня, «Юй Лэй» Лу Инь, «Листопад» и «Святой» Го Мо-жо, «Философия у Лао Чана» Лао Шэ, «Чувство святой девы» Му Ши-ин и т. д. Эти произведения отражают влияние христианства на европейскую и американскую литературу, а также на современную китайскую.

¹³⁸ Республиканская эра (в летосчислении с 1912 до 1949).

¹³⁹ Чжу Вэйчжи. Христианство и литература. Шанхай: Шанхайский книжный магазин, 1992. С. 241. (朱维之 基督教与文学。上海：上海书店，1992 年，第 241 页。)

Хотя такие произведения были малоизвестны и находились на периферии литературы, они обогатили историю современной китайской литературы и в определенной степени способствовали интеграции китайской и мировой культуры.

Однако это литературное явление – в основном результат влияния католицизма и протестантизма; оно имеет мало общего с православием. С начала 1910-х до конца 1950-х гг. в Китае наблюдалась «русская литературная лихорадка». В этот период было переведено большое количество русских произведений, в том числе «Сборник современных русских романов», пять томов («Восточная библиотека», Коммерческое издательство, 1923); «Сборник русской драмы», десять томов («Русская литературная серия», Коммерческое издательство, 1921); тридцать сборников Пушкина; более двадцати новелл и романов Толстого; более десяти сборников Чехова; более сорока собраний произведений Горького; более десяти произведений Достоевского; около двадцати произведений Тургенева и более ста книг, связанных с Гоголем. Однако никогда не издавалось специального сборника, в котором была бы отражена связь между русской литературой и православием, не изучалась религиозно-философская сторона произведений русской классической литературы. Лишь в 1990-х гг. появились единичные переводы, посвященные данной теме.

В XX в. было написано много статей о русской литературе. В их числе – «Взгляд на русскую литературу» (1919) и ««Великий Петр» в русском литературном мире – Пушкинский столетний фестиваль» (1937) Тянь Хана; «Сяошо Юэбао», том 12 «Специальный номер журнала по русской литературе» (1921), включая «Художественный взгляд Толстого» Чжан Вэнь-тяна; перевод «Русские впечатления Брандеса»¹⁴⁰ Шен Земина и т. д.; «Обрывочный разговор в русской современной литературе» Шэнь Янь-бина; «Русская и китайская литература» Чжоу Цзо-жэня; «Русская литература в

¹⁴⁰ Георг Брандес (Georg Brandes), 1842–1927, датский литературовед, публицист, теоретик натурализма. Номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

эпоху реализма» и «История русской литературы» (1924) Чжэн Чжэнь-дуо; «Приветствую литературные связи Китая и России» (1932) Лу Синя; «Горький и китайская литература» (1946) Мао Дуня и т. д.

Путевые заметки «Моё впечатление в красной столице (Чиду)» Цюй Цю-бо и «Московские впечатления» Ху Юй-чжи в основном не касаются вопроса религиозности в русской литературе. Те писатели, которые находились под сильным влиянием русской литературы (например, Лу Синь, Мао Дунь, Дин Лин, Чэн Фан-ву, Ли Чули, Ху Юй-чжи и другие), не отразили в своих произведениях черты православной традиции.

Примечательно, что русская литература начала процветать в Китае в конце династии Цин и в начале Китайской Республики (1912–1949), и некоторые черты русского православия также привлекали к себе внимание. Перевод и популяризация российской и советской литературы продолжались в течение долгого периода во время движения за новую культуру «Четвертого мая» и после него. Однако в этом процессе аспект православной веры не находил отражения, хотя некоторые исследователи понимали его важность в русской литературе.

В 1941 г., когда Мао Дунь прокомментировал перевод «Братьев Карамазовых» Гэн Цзи-чжи, темой этого произведения была обозначена “проблема существования Бога”: «Китаец, если у него недостаточно знаний о российской политической, экономической и социальной обстановке той эпохи, не имеет понимания русской мысли той эпохи и чувствует, что эта книга скучна и трудна. Проблема «Бога», это реальная проблема в России в то время, вопрос идеологии в России до революции. Таким образом, этот шедевр Достоевского связан с наиболее актуальной и серьезной социально-политической проблемой в России того времени»¹⁴¹. Однако Мао Дунь не стал вникать в причины такого мнения. По сравнению с «Жизнью

¹⁴¹ Чжу Вэйчжи. Христианство и литература. С. 270. (朱维之 基督教与文学。第 270 页。)

Достоевского» Ху Южи (1921) прогресса почти нет¹⁴². Лин Цзин-хуа отмечает: «Это показывает, что современная китайская литература, тесно связанная с русско-советской литературой, далека от выражения православных эстетических черт русской культуры»¹⁴³.

Большую роль в развитии китайской литературы сыграло конфуцианство – основа философии древнего китайского общества, базис традиционной китайской культуры. Конфуцианство сказалось на политических, экономических, культурных, социальных и других аспектах жизни Китая, определявших характер и образ мышления китайской нации. Конфуцианское учение возникло в доциньской эпохе (*период до 221 г. до н.э.*). После преобразования, проведенного Дун Чжун-шу¹⁴⁴, оно стало господствующей доктриной китайской феодальной династии.

Хотя конфуцианство в начале XX в. подвергалось критике со стороны общества, оно все же оказало большое влияние на известных писателей и ученых (в том числе на Лу Синя). Возможно, именно поэтому деятели искусства и науки Китая неосознанно игнорировали духовно-религиозный аспект в русской и советской литературе.

Конфуцианская культура контролировала китайское образование и китайскую социальную культуру в течение тысячелетий и заняла гегемонистскую позицию. Конфуцианство (и традиционная культура Китая в целом) имеет огромное значение для большинства современных

¹⁴² Ху Южи сказал: «Россия, мы все знаем, что это самая удивительная великая нация. Но кто такой писатель, который может представлять великий характер славян в русском национальном духе?» Это, несомненно, Достоевский, потому что он использовал христианскую веру, чтобы продолжить русскую национальную культуру. Но обсуждение заканчивается только здесь, и нет дальнейшего анализа.

¹⁴³ Лин Цзин-хуа. Как процесс современной китайской литературы сталкивается с проблемой православной церкви в русской литературе // Литературная критика. Пекин, 2015. № 6. С. 42–53. (林精华 中国现代文学进程如何面对俄罗斯文学中的东正教问题。文学评论, 北京, 2015 年第 6 期, 第 42-53 页。)

¹⁴⁴ Дун Чжуншу – конфуцианский философ, который в качестве приближенного советника императора У-ди добился изгнания из правительства приверженцев конкурирующих идеологий и провозглашения конфуцианства господствующей доктриной Ханьской державы. Ему приписывается основание императорской школы для чиновников, в которой была разработана теория и практика кэцзюя.

интеллектуалов: будь то культурно-просветительское образование или неосознанное распространение социальной психологии и поведенческих норм, традиция первой вступает в них. Пока что китайские интеллектуалы могут чувствовать и думать о жизни с точки зрения конфуцианской культуры.

Лу Синь родился в конфуцианской семье в конце династии Цин и получил образование ортодоксального конфуцианства с раннего возраста. В своем сборнике мемуаров и эссе «Утренние цветы, собранные вечером»¹⁴⁵ он неоднократно упоминал о классических китайских канонах «Четыре книги» и «Пять классических произведений», а также о некоторых романах эпохи династии Мин и Цин. Лу Синь много раз говорил, что с книгами Конфуция и Мэн-цзы он был хорошо знаком. Конфуцианская культура, “доктрина кунфуцзе и мэнцзе” долгое время были частью его сознания.

Хотя Лу Синь принимал активное участие в деятельности, направленной против конфуцианства после движения «Новой культуры» и «Четвёртое мая», он не выступал против идеи атеизма Конфуция и основной концепции конфуцианского учения «доброжелательности» и «лояльности». Лу Синь оценивал Конфуция положительно: в «Розе без цветов» он назвал Конфуция и Шакьямуни, Иисуса Христа, «великими персонажами». О Конфуции он сказал: «Родился в эпоху, когда сила шаманства была настолько сильна, но он отказался говорить о духах»¹⁴⁶.

Идеи филантропии, доброжелательности, стремления к духовному совершенствованию и социальной ответственности, близкие учению Конфуция, отражены в выборе произведений, переведенных Лу Синем, и в его принципах перевода. Например, конфуцианские традиционные труды «Жэнь чжэ ай жэнь», «Семья и Государство, Шэ (*божество земли*) и Цзи (*божество злаков*)» отражены в таких произведениях, как «О силе

¹⁴⁵ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. Пер. с китайского. / Под общ. ред. В.С. Колоколова [и др.] / Сост. Л. Д. Позднеева. М.: Гослитиздат, 1955. С. 7–70.

¹⁴⁶ Лу Синь. Переобсуждение о падении башни Грома // Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 1. Пекин: Издательство народной литературы, 2005. С. 202. (鲁迅 再论雷峰塔的倒塌// 鲁迅全集·卷一。北京: 人民文学出版社, 2005 年。第 202 页。)

сатанинской поэзии» и переводе «Разгрома»¹⁴⁷. Лу Синь отказался от медицинской карьеры, начал своё литературное творчество, очевидно, в стремлении реализовать социальные идеалы трансформации идеологии и культуры. Некоторые ученые считают, что такой подход Лу Синя к выбору жизненного пути и собственной социальной миссии соответствует «способу целостного мышления»¹⁴⁸ конфуцианской традиции.

Лу Синя беспокоили социальные проблемы, пороки общества, и этот критический взгляд нашёл отражение в его произведениях, таких как «Критика социальной реальности», в соответствии с конфуцианской «коренной задачей государства и человека» – «Должным образом служить народу».

Таким образом, анализируя биографию и мировоззрение Лу Синя, можно понять, что именно под влиянием конфуцианства он оставлял без внимания религиозно-философское содержание творчества Н.В. Гоголя. В китайском литературном мире и в китайском обществе Лу Синь признан не только как писатель, литературный критик, но и как мыслитель. Мао Цзэдун однажды так прокомментировал «ценность» писателя: «Лу Синь в Китае считается совершенным мудрецом; Конфуций мудрецом феодального общества, а Лу Синь мудрецом Нового Китая».

Можно сделать вывод, что идеологический статус Лу Синя в Китае очень высок. Читатели воспринимают идеи писателя из его произведений в том числе, из переводов русской классики, литературных обзоров и. т. д.

Лу Синь оставил в стороне православный аспект в своем переводе «Мертвых душ» Гоголя. Более того, он даже заметил, что православие было основной причиной, помешавшей Гоголю завершить работу над этим произведением. Его взгляды долгое время определяли направление

¹⁴⁷ 内圣外王之道 Святой внутри и Господь снаружи; постигнув [учение], станешь совершенно мудрым, а применив [его] на практике, станешь совершенным правителем.

¹⁴⁸ Лин Юйшэн. Кризис китайского сознания · Сложность сознания Лу Синя. Гуйчжоу: Издательство народной литературы, 1988. С. 53. (林毓生 中国意识的危机 · 鲁迅意识的复杂性. 贵州: 人民出版社, 1988 年, 第 53 页。)

исследований китайских гоголеведов, и только с 80-х гг. прошлого века в Китае появилась первая работа, в которой рассматривается религиозный аспект гоголевского творчества.

В начале XX в. конфуцианство и буддизм являлись основными идеями в Китае, отсюда и известная формула, характеризующая интеллектуалов в новой китайской литературе: «наполовину конфуцианцы, наполовину буддисты (半是儒家半释家)»¹⁴⁹. Почти все китайские учёные находились под влиянием этих двух систем мировоззрения. Влияние буддизма и конфуцианства проявляются у разных людей в разной степени. Особенно были подвержены влиянию этих идей в 1920-х гг. такие ученые, как Лу Синь, Цюй Цю-бо, Чжу Цзы-цин и т. д. На них глубоко повлиял буддизм с точки зрения системы ценностей, образа мышления и культурного менталитета.

В конце XIX – начале XX в. буддизм все еще был очень распространен в Китае. Под влиянием родителей, родственников и друзей многие писатели с раннего возраста имели доступ к монахам и простым буддийским знаниям. Родной город Лу Синя, Шаосин в провинции Чжэцзян, был местом с сильной буддийской атмосферой. В детстве семья Лу Синя отвела его в храм Чанцин, чтобы поклоняться монаху как учителю¹⁵⁰. Хотя Лу Синь не стал настоящим монахом, он получил имя буддийского монаха Чан Гэн (что означает «долго жить» в китайском языке; примечательно, что Лу Синь много раз использовал своё буддийское имя как псевдоним при публикации статей).

В родном городе Лу Синя был обычай каждый год устраивать праздник приветствия «Шэн» (небожителя). В праздничном вечере участвовало много «монстров и призраков» разных форм, которые выступали в причудливых

¹⁴⁹ См. Ха Ин-фэй. 4 мая Писатели и буддийская культура. Шанхай: Совместная издательская компания СДХ, 2002. С. 120. (哈迎飞 五四作家与佛教文化. 上海: 三联文化书店, 2002 年, 第 120 页。)

¹⁵⁰ Лу Синь. Мой первый наставник. Сборник фельетонов Цецзетин. Полный сборник Лу Синя: В 18 т. Т. 6. Пекин: Издательство народной литературы, 2005. С. 596. (鲁迅 我的第一个师父, 《且介亭杂文集》, 《鲁迅全集》第 6 卷. 北京: 人民文学出版社, 2005 年第 596 页。)

костюмах. Они произвели глубокое впечатление на Лу Синя в детстве. «Опера Шэ» – это народная драма, которая существует на юге Китая. Это воспоминания Лу Синя о его детском опыте, поэтому он написал статью, которая называется «Опера Шэ». В то время самой популярной общественной оперой в Шаосине была «Му Лиан»¹⁵¹, адаптированная из буддийской сказки «Му Лиан спасает свою мать». Видно, что Лу Синь с детства был погружен в магическое очарование буддизма.

Настоящее имя Лу Синя – Чжоу Шу-жэн. Чжоу – большая семья в городе Шаосин. Структура семейной культуры семьи Чжоу состояла из конфуцианства, буддизма, даосизма и народных представлений. Например, дедушка Лу Синя сдал имперский экзамен (все вопросы экзамена были взяты из конфуцианских произведений) и стал чиновником в правительстве Цин. С одной стороны, почти все старшие мужчины в семье Чжоу получили образование в традиционной китайской конфуцианской культуре. С другой стороны, от прабабушки и бабушки Лу Синя до его матери, включая няню и горничную, женщины семьи Чжоу несли в себе смесь народной культуры: конфуцианство, буддизм, даосизм и колдовство. Женщины из семьи не очень хорошо знали доктрины буддизма. Например, бабушка, которая была близка Лу Синю, исповедовала буддизм и часто выполняла простые буддийские ритуалы в доме, но она не читала буддийские каноны и не поклонялась в храмах. Её убеждения уже утратили религиозный характер, стали скорее частью народных традиций.

Чжоу Цзо-жэнь, младший брат Лу Синя, с которым он вместе жил, учился и работал около сорока лет, тоже находился под глубоким влиянием буддизма. Его семья и родственники считали, что он добродетельный монах, который переродился в данном веке, и поэтому имеет естественную склонность к буддизму¹⁵². Еще в 1905 г., когда он учился в Нанкине, Чжоу

¹⁵¹ Ученик Шакьямуни.

Цзо-жэнь прочитал «Теорию происхождения Махаяны», «Сурангама сутру», «Сборник разных теорий буддизма» и другие буддистские книги. Во время учебы в Японии он вслед за Чжан Тай-яном изучал санскрит и пробовал переводить Библию в изящном стиле буддийских писаний.

Лу Синь в своем дневнике писал, что он помог своему брату купить многочисленные виды буддийских сутр после их возвращения в Пекин в 1921 г.. Когда Чжоу Цзо-жэнь преподавал в Пекинском университете, он считал, что буддизм может способствовать развитию китайской культуры, поэтому он добавил в программу обучения новый предмет по теме буддийской литературы. Буддизм оказал большое влияние на его образ мышления, жизненную философию, образ жизни и психологию.

Следуя буддизму, Чжоу Цзо-жэнь верил в причину и следствие. Он считал, что хотя Синьхайская революция завершилась отречением императора Пу И и разрушением феодальной монархии, будущее Китая всё ещё вызывает беспокойство. Причины сложные: четыре тысячи лет феодального наследия сковывали мышление китайского народа. Чжоу Цзо-жэнь отмечал, что хотя китайцы живут по-разному между Севером и Югом, богатыми и бедными, они едины в своем мышлении: либо станут правителем, либо рабом. Например, император Чжу Юань-чжан (основатель династии Мин) происходил из бедной крестьянской семьи, до прихода к власти страдал от голода и после гибели родных в поисках пропитания стал послушником в буддийском монастыре. Чжоу Цзо-жэнь говорил, что серьезная болезнь китайцев заключается в послушании и подавлении, и чего им больше всего не хватает, так это их отвращения ко всякому авторитарному правлению¹⁵³. Лу Синь также считал, что от национального духа в Китае остались только дух бюрократический и бандитский.

При господстве феодального деспотизма нельзя было оскорблять авторитет, нельзя подвергать сомнению традиции, а когда появлялись

¹⁵³ См. Ха Инфэй. 4 мая Писатели и буддийская культура. С. 174. (哈迎飞 五四作家与佛教文化。第 174 页。)

нетрадиционные идеи, они подавлялись. Таким образом, тираны не только процветали в литературных и мыслительных тюрьмах: большинство ученых считало свои доктрины единственно правильными и объявляло врагами тех, кто подвергает сомнению их доктрины. Чжоу Цзо-жэнь считал, что эта зверская нетерпимость приведет к гибели Китая. По его мнению, революция и реформы не могут коренным образом изменить Китай; только идеологическая революция, то есть рационализм, может его спасти. После Синьхайской революции бюрократия все еще преобладала в Китае, что укрепило идеи Чжоу Цзо-жэня.

Чтобы ломать слепую веру в деспотизм в мышлении китайцев, Чжоу Цзо-жэнь защищал современный рациональный дух. По его словам, «в мире нет абсолютной истины», а традиционные китайские интеллектуалы склонны слепо следовать за авторитетом, суеверны; «они верят, что в мире существует абсолютная истина, которая является нормой для всего в мире, и они – люди, которые придерживаются этой нормы. Значит, у них есть авторитет арбитра»¹⁵⁴.

Идея Чжоу Цзо-жэня об отрицании абсолюта и авторитетов перекликается с буддийскими идеями. Буддизм отвергает существование верховного «бога» в мировоззрении. Этот образ мышления отрицает, что появление, развитие и плоды всех вещей определяются небесами. Даже Будда управляется законом причинности: хотя Будда обладает сверхчеловеческой мудростью и способностями, он не может доминировать над добром, злом, и удачей в мире.

Итак, Чжоу Цзо-жэнь считает, что буддийская мысль основательна и достойна изучения. Он неоднократно заявлял, что он «человек без веры»¹⁵⁵, «У меня нет религиозных, христианских убеждений»¹⁵⁶ и «Я верю в

¹⁵⁴ Там же. С. 174.

¹⁵⁵ См.: Ха Инфэй. 4 мая Писатели и буддийская культура. С. 185. (哈迎飞 五四作家与佛教文化。第 185 页。)

¹⁵⁶ Там же. С. 190.

уничтожение»¹⁵⁷. Признание различий, защита меньшинств и терпимость к ереси – отличительные черты мышления Чжоу Цзо-жэня.

Друг Лу Синя Цюй Цю-бо тоже интересовался буддизмом. Он признан как великий писатель, переводчик и теоретик в современном Китае. Когда-то он учился в Советском Союзе и был первым человеком в Китае, который переводил русские произведения непосредственно с русского языка. Он перевел пьесы Гоголя и работал с Гэн Куаном над переводом десяти рассказов Толстого и некоторых произведений Горького.

Хотя большинство переводческих работ Цюй Цю-бо было связано с политикой, качество его перевода очень высокое. Лу Синь высоко ценил его переводы: считал, что они соответствуют стандартам точности и элегантности и являются высшим достижением и образцом в переводческой литературе¹⁵⁸. Лу Синь столкнулся с трудностями при переводе «Мертвых душ» и однажды посетовал: если бы Цюй Цю-бо был жив, он бы переводил лучше, чем он сам.

Лу Синь был на восемнадцать лет старше Цюй Цю-бо, Лу Синь являлся центральной фигурой в Движении новой культуры и имел более высокий статус в литературном мире, чем Цюй Цю-бо. Однако в «Предисловии к сборнику Саньсянь» Лу Синь отметил: «Я всегда верил в теорию эволюции, думая, что будущее победит прошлое, а молодежь должна победить старое». Лу Синь возлагал надежды на инновации, на молодежь и часто поощрял молодых ученых.

В 1931 г. Лу Синь и Цюй Цю-бо впервые пообщались и постепенно установили глубокую дружбу. В опасных ситуациях Цюй Цю-бо много раз укрывался в доме Лу Синя. Цюй Цю-бо был убит 18 июня 1935 г. в провинции Фуцзянь. Лу Синь был очень опечален; в память о своём друге он

¹⁵⁷ Там же. С. 191.

¹⁵⁸ Лу Синь. Сборник переводы Цюй Цю-бо (Хайшаншулинь). Полный сборник Лу Синя. В 18 т. Т. 7. Пекин: Издательство народной литературы, 2005. С. 778. (鲁迅 介绍〈海上述林〉上卷,《鲁迅全集》第7卷。北京:人民文学出版社,2005年,778页。)

опубликовал сборник его переводов. После смерти Цюй Цю-бо Лу Синь писал: «закадычный друг наполняет вашу жизнь смыслом»¹⁵⁹.

Цюй Цю-бо специально читал классические буддийские произведения. Это произошло под влиянием его старшего двоюродного брата Чжоу Цзюньляна. В феврале 1916 г. Цюй Цю-бо последовал за ним, чтобы системно вникать в трактаты «Виджнаптиматратасиддхи-шастра (Vijnaptimatratasiddhi-sastra)» и «Махапраджняпарамита Упадеша (Mahaprajnaparamita Upadesha)»¹⁶⁰. Ценностное суждение буддизма о «страдании жизни» согласовалось с его несчастной жизнью, а тезис «Будда оплакивает безжалостную вселенную и жалеет судьбу человечества»¹⁶¹ также соответствовало его чувству беспокойства за спасение нации. В частности, принцип буддизма махаяны «Только сознание (Consciousness Only)» удовлетворял его жажду рационального мышления. Поэтому, хотя он не так долго читал буддийские писания, эти книги показали глубокое влияние на его развитие мысли, выбор жизненного пути, образ мышления и эстетическую привлекательность, а также концепции жизни и смерти и т. д.

Фундаментальный дух буддизма лежит в отрицании. Цюй Цю-бо сформировал свой собственный дух отрицания с концепцией «Страдания» и «Пустоты» в качестве своей основы, размышляя о темном обществе и страдающей жизни.

Хотя и Лу Синь, и Цюй Цю-бо исследовали буддизм, их взгляды на буддизм были не одинаковы. Лу Синь предпочитал школу Хинаяны, особенно «Теорию происхождения»¹⁶². Цюй Цю-бо сохранял скептическое и критическое отношение ко всему сущему. Избавление от «привязанности ко

¹⁵⁹ 人生得一知己足矣，斯世当以同怀视之

¹⁶⁰ Ха Инфэй. 4 мая Писатели и буддийская культура. С. 174. (哈迎飞 五四作家与佛教文化。第 174 页。)

¹⁶¹ 悲天悯人

¹⁶² The origin theory: основа буддизма, считают что все вещи в мире связывают, не могут существовать самостоятельно.

Мне» помогло ему утвердиться в марксизме¹⁶³. Это также одно из различий между ним и Лу Синем. Буддизм считает, что для избавления от «эго» и осознания правды жизни нельзя быть суеверным в словах и книгах. Буддизм придает большое значение мирским знаниям и умениям. Поэтому после того, как Цюй Цю-бо принял эту доктрину, он много раз подчеркивал важность практики. Приняв идеи марксизма, он посвятил себя революционной деятельности в Китае. И пожертвовал ради этого своей жизнью.

Кроме Цюй Цю-бо, буддизмом увлекались другие два друга Лу Синя – Сюй Фан-чэн и Го Чан-хун. Писатель восторженно отзывался о глубоком знании и понимании буддизма Сюй Фан-чэна.

Лу Синь считал, что «Пустота» в буддизме может конструировать онтологическую структуру мышления, соответствующую традиционной философии, особенно принципу «*Тянь жэнь хэ и*» (небо и человек едины как одно). «*Тянь*» – по-китайски небо, и в некоторых случаях это слово можно переводить на русский язык как «природа». Но профессор Цин Юэлин говорил: «в китайской философии «*Тянь*» имеет значение «природы» и «божественности», которые правит природой¹⁶⁴. «*Тянь жэнь хэ и*» – центральное положение конфуцианской теории Дун Чжун-шу, который предложил ее, чтобы укрепить феодальную монархию.

Согласно «Дневнику Лу Синя» и другим источникам, он начал изучать буддизм под влиянием своего учителя Чжан Тай-яна во время учёбы в Японии. Для Лу Синя это был самый плодотворный период изучения буддийской культуры. Его друг Сюй Шоу-шан говорил: «после 1914 г. мастер

¹⁶³ Ха Инфэй. 4 мая Писатели и буддийская культура. С. 182–183. (哈迎飞 五四作家与佛教文化。第 182–183 页。)

¹⁶⁴ Фэн Юлань. Краткая история китайской философии. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2015. С. 354. (冯友兰 中国哲学简史。北京：外语教育与研究出版社，2015 年，第 354 页。)

много учился и держался подальше от других»¹⁶⁵. С началом движения «Четвертое мая» Лу Синь в основном прекратил это изучение, хотя все еще сохранял интерес к буддизму. При обучении у Чжана Тай-яна Лу Синь был вдохновлен его идеей «буддизма для спасения страны» (хотя и не полностью с ней соглашался). Сюй Шоу-шан ясно указал на этот момент и сказал: «Чтение Лу Синя буддийских писаний, конечно, вызвано влиянием господина Чжана»¹⁶⁶.

После поражения Синьхайской революции в 1912 г. Лу Синь осознал сложность социальных изменений в Китае. Революция 1911 г. не пошатнула фундаментально идеологические и культурные основы феодального самодержавия, и это сильно разочаровало Лу Синя. В то же время он также сталкивался с неудачами и трудностями в своей жизни, такими как тяжелое семейное бремя и несчастливый брак¹⁶⁷.

Современная китайская литература, созданная после движения «Четвёртое мая» и Движения за новую культуру, объединила китайскую и зарубежную литературу и культуру. При этом многие писатели черпали вдохновение и творческий опыт в традиционной литературе, включая буддийские писания. Поэтому в современных литературных произведениях появляются аллюзии, терминология и образы буддизма и дзэн.

Дух скептицизма важная причина, по которой Лу Синь стал реалистическим писателем. Однако его духовный мир полон парадоксов: он верил в прогресс истории, но также считал, что история циклична; он громко кричит о необходимости просвещения китайского народа и проклинает уничтожение этой нации; он любит и ненавидит людей. Этот парадокс и

¹⁶⁵ Сюй Шоушан. Впечатления от мертвого друга Лу Синя. Пекин: Издательство народной литературы, 1981. С. 44. 许寿裳, 《亡友鲁迅印象记》, 北京: 人民文学出版社, 1981 年, 第 44 页。

¹⁶⁶ Там же. С. 44.

¹⁶⁷ У Лу Синя был брак по договоренности, который мать устроила для него. Но он не любил свою жену и не жил с ней. Хотя он не развелся с женой, он женился на второй жене. Первая жена и его мать жили в Пекине, а он жил в Шанхае со второй женой и их сыном, поэтому жизнь писателя была тяжелой.

противоречие отражены в «Диких травах» – например, в следующих высказываниях: «когда я молчу, я чувствую полноту жизни; собираюсь заговорить – и меня сразу же охватывает ощущение пустоты»¹⁶⁸; «На грани громких песен и буйного жара – холодно; в небе – бездонная пропасть; в глазах – пустота; спасение там, где нет надежды... Как и надежда, отчаянье лжет»¹⁶⁹; «Я всего лишь тень. Расставшись с тобою, я погружусь во тьму. Да, тьма может меня поглотить, а свет – рассеять»¹⁷⁰. Таким образом, парадокс самая заметная языковая черта в «Диках травах», а также проявление внутренней деконструкции в этом произведении.

Лу Синь объединил свое богатое воображение с реалистичной манерой, чтобы изобразить лицемерных и высокомерных людей, которые хотят «есть людей», как призраки. И большинство главных героев произведений Лу Синя живут, как призраки. Он также описывает борьбу между богом, олицетворяющим справедливость, и дьяволом, олицетворяющим зло, как классовую борьбу в обществе того времени. Подобная работа в форме мифов раскрывает трудности китайской борьбы за свет и свободу.

По исследованию литературоведа Ли Шу-хана, теория «железная камера» Лу Синя развивалась на основе буддизма. Лу Синь писал в предисловии к сборнику «Клич»:

«Представь себе, что в железной камере нет ни окон, ни дверей. В камере, которую невозможно сломать, люди спят крепким сном. Их много. Они скоро погибнут, но расстанутся с жизнью в забытии. Так стоит ли поднимать шум, чтобы немногие, самые чуткие, проснулись и испытали все муки неизбежного конца.

¹⁶⁸ Лу Синь. Краткое предисловие // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1 Пер. с китайского В. Петрова. С. 229.

¹⁶⁹ Лу Синь. Надежда // Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1 / Пер. с китайского В. Петрова. С. 240–241.

¹⁷⁰ Лу Синь. Прощение тени // Там же. С. 234–235.

– Но ведь некоторые уже проснулись – значит, появилась надежда сломать камеру»¹⁷¹.

«Железная камера» происходит от образа ада в буддизме, символизирующего темное и закрытое китайское общество того времени. Лу Синь надеялся опираться на силу литературы, чтобы разорвать оковы старого общества в мышлении китайского народа.

С развитием патриотических движений, таких как Движение за новую культуру и движение «Четвёртое мая» в начале XX в. китайский народ, особенно интеллектуалы, возненавидел силы, связанные с империализмом. В то же время западный научный позитивизм, прагматизм, нигилизм, анархизм, особенно социализм, коммунизм и другие новые идейные течения, и новые образы жизни были представлены в Китае и глубоко повлияли на китайский интеллектуальный класс. Это заставило его задуматься и критиковать все чуждые религии и традиции. Крупнейшее антихристианское движение вспыхнуло в первой половине XX в.

Будучи опорой Движения новой культуры и движения «Четвертого мая», Лу Синь считал, что религия подавляла развитие науки. В своей статье «Об уничтожении злого голоса» он упомянул, что религиозные суеверия должны быть разрушены, чтобы наука могла развиваться, а страна процветала. Однако Лу Синь не отрицал христианство полностью. В своей статье «Месть» в 1924 г. он изобразил Иисуса Христа как духовного воина, который трудился на благо людей и сопротивлялся преследованиям. После антихристианского движения отношение Лу Синя к христианству превратилось в сатиру и критику. И ему нравилось искажать христианство и высмеивать его в своих статьях.

Когда Лу Синь изучал западную литературу, он также был знаком с Библией, узнал много нового о христианстве и имел тесные связи с

¹⁷¹ Лу Синь. Предисловие к сборнику «Клич» / Пер с китайского В.Н. Рогова // Лу Синь. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 48.

некоторыми христианами. Однако он не был согласен с христианским взглядом на Бога и не был достаточно знаком с западными философскими исследованиями, поэтому с трудом понимал основы западной литературы и культуры. В результате Лу Синь предвзято отнёсся к западной литературе, то есть он отвергал элементы православия в «Мертвых душах».

Причина, по которой Лу Синь отвергал христианство, была связана с внешнеполитической и социальной ситуацией того времени: Китай подвергся агрессии и угнетению со стороны европейских стран, а китайский народ был угнетен многочисленными притеснениями со стороны коррумпированных правительств. Лу Синь был сильно привержен идее спасения мира, надеялся освободить сознание китайского народа, сопротивляться угнетению, построить новую свободную страну. Христианская идея заключается в том, что Иисус является спасителем страдающего мира, и люди, пока следуют учениям Иисуса, могут вырваться из моря страданий и попасть в рай загробной жизни. Лу Синь был явно не согласен с концепцией Иисуса о спасении мира и считал, что только люди могут спасти людей; «китайскому народу надо раскрепостить свою идеологию и показать свою индивидуальность. Только когда умы людей будут освобождены, можно свергнуть старое правление, и люди смогут стать хозяевами своей страны, как песок собирается в башню»¹⁷². В этом Лу Синь, обучавшийся в Японии у буддиста Чжана Тай-яня, был не похож на таких интеллектуалов, как Ху Ши, которые учились в Европе и США и поэтому хорошо принимали христианские идеи.

Во время движения «Четвертое мая» в Китай был внедрен марксизм. Лу Синь постепенно принял марксистскую и атеистическую идеологию. В своих трудах он опровергал теорию ада в буддизме и христианстве. Лу Синь высоко оценил «Разгром» А.А. Фадеева, считая его монументальным произведением

¹⁷² “国人之自觉至，个性张，沙聚之邦，由是转为人国。” Лу Синь. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т 1. / Отв. Ред. Ван Хай-бо. Пекин: Литературное издательство народа, 2005. С. 57. (鲁迅 鲁迅全集，第一卷，北京：人民文学出版社，2005 年，57 页。)

пролетариата, в котором герои революции не «боги», а настоящие живые люди. Принятие Лу Синем атеизма неизбежно привело его к неприятию других религий, к неправильному пониманию литературных произведений, в которых присутствует идея веры в Бога.

Таким образом, есть несколько причин, по которым Лу Синь продемонстрировал неприятие религиозного аспекта произведений Гоголя.

Во-первых, на него повлияла традиционная китайская культура, то есть идеи конфуцианства. Во-вторых, он очень интересовался буддизмом и глубоко изучал буддийские теории. Лу Синь не проявлял особого интереса к восточному православию (христианству). В-третьих, после движения «Четвертое мая» Лу Синь быстро принял атеизм, представленный марксизмом, что в определенной степени привело к его неприятию религиозной мысли в литературных произведениях Гоголя. Его позиция была на общенациональном, но антиевропейском уровне, очень похожая на позицию Цюй Цю-бо, о которой будет сказано позже. Для него местный язык лучше всего обогащается за счет импорта диалектических, а не иностранных особенностей.

В дебатах начала 1920-х гг. также принимал участие Фу Донхуа (1893–1971), известный китайский переводчик «Унесенных ветром» и некоторое время коллега Мао Дуня и Чжэна Чжэн-до в одном из ведущих издательств того времени «Коммерческая пресса». Используя псевдоним, в выпуске Jingbao от 30 июня 1921 г. (Beijing News) он осудил европеизацию как своего рода «подражание» – а подражание чужим вещам столь же плачевно, как и подражание древним. Он утверждал, что заимствование следует осуждать. Однако Мао Дунь позже раскрыл ошибочность аргумента Фу, отметив, что европеизация – это лингвистический феномен, а не литературный, и поэтому разговор об оригинальности и изобретательности просто путает одно с другим.

Даже из такого краткого резюме, которое можно привести здесь, должно быть очевидно, что дебаты о европеизации в начале 20-х гг. демонстрируют четырехстороннюю запутанную связь, существовавшую между народным языком (байхуа), классическим языком (вэньянь), иностранными языками и разговорным языком разных провинций (диалектами). На фоне таких горячих споров можно понять позицию Лу Синя. Он не мог не чувствовать равновесия между взглядами как минимум двух противоборствующих сторон относительно достоинств и недостатков европеизации. Одним из следствий этого могло стать и недостаточное внимание со стороны Лу Синя к православным основам мировоззрения Гоголя.

Надо признать, что не только зарубежные исследователи начала XX в., но и современники Н.В. Гоголя, российские литературные критики, не восприняли усиления религиозно-духовной составляющей в его творчестве в конце 40-х гг. XIX в.

Летом 1845 г. Гоголя настигает душевный кризис. Он пишет завещание, сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ». Приняв решение служить Богу на поприще литературы, Гоголь издаёт «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Большая часть писем, составляющих книгу, относится к 1845–1846 гг. – времени, когда религиозное настроение Гоголя достигло своего высшего развития.

«Выбранные места из переписки с друзьями», в которых автор излагал свои духовно-религиозные взгляды, были негативно встречены критикой. В Гоголе хотели видеть лишь вождя «натуральной школы» в литературе. Негодование, вызванное книгой, выразилась в известном письме В.Г. Белинского из Зальцбрунна.

Это вызвало глубокие переживания писателя. Он решил, что не может продолжать работу, не исполнив давнего намерения поклониться Святому Гробу. В конце 1847 г. он переехал в Неаполь и в начале 1848 г. отплыл в Палестину, откуда окончательно вернулся в Россию.

На этом фоне становятся понятны некоторые мотивы стихотворения Гоголя «Молитва» – одного из немногих созданных им поэтических произведений. В статье, посвященной малоисследованной области поэзии, нами анализируется это стихотворное обращение Гоголя к Пресвятой Богородице (1848)¹⁷³. Написанное за четыре года до смерти писателя, это стихотворение может рассматриваться как его поэтическая исповедь на исходе жизненного пути. В современном литературоведении это произведение классика русской литературы анализируется в работах В.А. Воропаева.

Стихотворная молитва Гоголя представляет собой традиционный для русской литературы и фольклора жанр обращения к Богу, проникновенной, покаянной исповеди. В статье, в частности, отмечается, что в образно-лексическом построении стихотворения «Молитва», в высокой проникновенности исповедального слова, обращённого к Богу, Гоголь опирается на традиции народной культуры. Его стихотворная молитва несёт глубоко личностный духовно-идейный посыл, отражая православное мировоззрение. Параллельно исследуется стихотворение Лу Синя «Моя потерянная любовь», по форме также связанное с народными корнями (в том числе с древними песнями «Шицзин»), но несущее не личностный, а скорее социальный заряд]¹⁷⁴.

¹⁷³ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Лу Синь и Н.В. Гоголь: неисследованная область поэзии // Litera. 2021. № 11. С. 19–28.

¹⁷⁴ Там же. С. 24.

Глава III. Освоение художественного наследия Н.В. Гоголя в Китае

3.1. Лу Синь как переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»

Переводческая деятельность Лу Синя началась в 1903 г. Первым его переводным произведением является «*Originede Fantine*»¹⁷⁵. Лу Синь хорошо владел японским и немецким языками, поэтому почти все зарубежные произведения он переводил с этих двух языков. С 1903 по 1936 г. Лу Синем было переведено более 200 работ, напечатано 22 книги, включающих три миллиона слов. Переводчик обращался к произведениям более ста писателей из четырнадцати стран. В числе переведенных – «Путешествие к центру Земли», «С Земли на Луну» Жюль Верна, «Маленький Йоханнес» Фредерика Виллем Ван Эдена, двухтомный «Сборник зарубежных рассказов».

В период 1927–1936 гг. особое внимание Лу Синь обращает на русскую литературу. За свою жизнь он перевел 45 произведений 32 русских писателей, и более 40 писателей, написавших рецензии. В числе выполненных им переводов – повесть «Нос» (1934) Н.В. Гоголя, «Часы» (1935) Л. Пантелеева, рассказы «В тумане», «Ложь», «Молчание», «Книга» (1909) Л.Н. Андреева и др.

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, влияние Гоголя на творчество Лу Синя наиболее ярко выразилось в связи между двумя одноименными повестями «Записки сумасшедшего». Вместе с тем, оценивая влияние Гоголя на творчество Лу Синя, необходимо констатировать, что ему принадлежит наиболее известный китайский перевод поэмы «Мертвые души» с наиболее полным на сегодня литературоведческим комментарием.

При этом нельзя не упомянуть, что перевод был сделан с немецкого языка (Otto Buek, Оттон Бук). Кроме того, Лу Синь сверил текст своего

¹⁷⁵ Victor Hugo. Choses vues – 1ère série. Ollendorf, 1913 (Œuvres complètes). Tome 25. P. 59–62.

перевода с двумя японскими переводами и сокращенным английским вариантом.

Необходимо попутно пояснить, почему Лу Синь переводил не с русского, а с немецкого языка. Русский язык интересовал писателя, но всё же уровень его знания не позволял переводить текст «Мертвых душ» напрямую (как отмечают биографы, русский язык Лу Синь изучал всего один месяц у частной учительницы во время жизни в Токио, в начале 1900-х гг.). Попутно упомянем, что подобная переводческая практика была характерной для того времени, в Китае начала XX в. не существовало достаточного количества хорошо подготовленных переводчиков с русского языка, и произведения русской литературы приходили в китайскую культуру переведенными с европейских языков.

Перевод «Мертвых душ» на китайский язык стал для Лу Синя важным этапом в его жизни и творчестве. Об этом свидетельствуют не только дневниковые записи самого писателя, но и другие исследуемые источники. Так, в статье «Лу Синь и русская литература», посвящённой 70-летию со дня установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, опубликованной в китайской газете «Гуанмин жибао» в 2019 г., проректор Хэйлунцзянского университета Юй Вэнь-сю отмечал: «18 октября 1936 г., за день до своей смерти, Лу Синь упорно продолжал правку своего второго перевода «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и пророчил роману широкую популярность в Китае»¹⁷⁶.

Лу Синь, пожалуй, одним из первых литературоведов Китая обратился к творчеству великого русского писателя. В годы учёбы в Японии Лу Синь читал и переводил произведения европейских писателей. В их числе оказался и Гоголь.

В предисловии к сборнику повестей Лу Синя переводчик Л.З. Эйшлин отмечал: «К 1907 году относится статья Лу Синя «Сила сатанинской поэзии».

¹⁷⁶ Юй Вэньсю. Гуанмин жибао (Китай): Лу Синь и русская литература. [Электронный ресурс]. URL:<https://inosmi.ru/social/20191103/246151892.html> (дата обращения: 20.10.2021)

По существу, впервые узнал из неё китайский читатель о Байроне, Шелли, Пушкине, Лермонтове, Мицкевиче, Петефи, поэтах «непреклонных», «не льющих толпе», ведущих к новой жизни. Так воспринимал их Лу Синь»¹⁷⁷.

По оценке Эйдлина, в этих авторах Лу Синь видел «идеал поэзии, властительницы дум». В отношении же Гоголя были сказаны особо значимые слова: как считал Лу Синь, русский писатель «печалью невидимых слёз потряс соотечественников».

Лу Синь в статье «О силе сатанинской поэзии» признавал, что хотя в России литература обрела самостоятельность только в начале XIX в., тем не менее она «вышла на мировой уровень и поражает Западную Европу красотой и величием». Лу Синь упоминает Гоголя среди «главных светил» русской литературы, наряду с Пушкиным и Лермонтовым. В частности, про Гоголя Лу Синь говорит, что «он знаменит описанием мрачных сторон общественного бытия»¹⁷⁸.

На наш взгляд, именно эта особенность творчества Гоголя, признанного основоположника реалистического направления в русской литературе, привлекала Лу Синя – способность правдиво, реалистично представить социальные пороки. Лу Синь верил в силу литературы, в её способность просвещать и развивать общество, и именно это могло стать одним из главных движущих мотивов в стремлении перевести «Мертвые души». И в своей переводческой деятельности, как и в литературной, Лу Синь руководствовался этим принципом.

Такой вывод можно сделать, в частности, и на основе следующего высказывания китайского писателя: «Если в массе своей народ невежественен, любой человек, самый рослый и самый сильный, может либо оказаться в числе бездумных зевак, либо быть выставлен на позор. Первой

¹⁷⁷ Лу Синь. Избранные произведения. С. 5–30.

¹⁷⁸ Шапиро Р.Г. Варвары в Поднебесной // Иностранная литература. 2010. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2010/12/varvary-v-podnebesnoj.html> (дата обращения: 01.10.2021)

необходимостью я стал считать тогда духовное возрождение и лучшим средством для него – литературу»¹⁷⁹.

Лу Синь часто цитировал Гоголя, но более важным было то, что он занимался переводом его произведений. У него были большие планы, связанные с переводами русского писателя. В переписке Лу Синя прослеживается его целенаправленное стремление обратиться к творчеству Гоголя. Так, в письме к своему брату Чжоу Цзо-жэню от 25 августа 1921 г. Лу Синь сообщал о своём намерении перевести всё творчество Гоголя.

Устойчивый интерес Лу Синя к русской литературе как к реалистичной и обличающей социальные пороки особенно наглядно прослеживается в статье с заголовком, по сути своей декларационным, программным: «Приветствую литературные связи Китая и России», написанной в декабре 1932 г. уже в преддверии начала работы над переводом «Мертвых душ». Лу Синь как будто сам задавал себе задание на ближайшие годы и концептуально обосновывал необходимость этого подвижнического труда.

В этой статье Лу Синь признаёт огромное значение русской литературы для обновления китайского общества: «Похождения сыщиков, авантюристов, сказки про английских мисс, африканских негров могли щекотать нервы лишь жирным, сытым и пьяным людям, а часть нашей молодёжи уже почувствовала гнёт, ей не нужны были щекочущие нервы произведения, она мучилась и металась в поисках насущных указаний. И тогда она нашла русскую литературу.

И тогда она поняла, что русская литература наш учитель и друг. Русская литература открыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу...»¹⁸⁰.

Пробуждение души угнетённого народа, это то, о чём мечтал Лу Синь. И в творчестве русских писателей он увидел, почувствовал и в полной мере воспринял эту выстраданную идею литературы России: «...из её литератур

¹⁷⁹ Лу Синь. Предисловие к сборнику «Клич» // Повести. Рассказы. С. 46.

¹⁸⁰ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 98.

мы поняли самое важное, что в мире существуют два класса угнетатели и угнетенные!»¹⁸¹.

В таком состоянии высокой духовной готовности Лу Синь вплотную подошёл к переводу поэмы Гоголя «Мертвые души». На наш взгляд, выполнение этой задачи к тому моменту стало для него не только культурологической, но прежде всего нравственной и идеологической потребностью.

В июле 1934 г. Лу Синь перевел гоголевскую повесть «Нос» и опубликовал в журнале «Перевод». В своем «Приложении к переводу «Нос»» он упомянул о «Мертвых душах»: «более цивилизованные страны имеют переводы, и прискорбно, что у Китая никогда не было перевода». Поэтому он добровольно взял на себя эту важную задачу, начав переводить поэму «Мертвые души», вложив в этот труд все силы собственной души и всю свою энергию. Впоследствии он не раз признавался, что работа над переводом «Мертвых душ» нанесла серьёзный ущерб его здоровью. Это был кропотливый, подвижнический труд. «К сожалению, Лу Синь не успел довести работу до конца ему удалось перевести только первый том и три первые главы второго тома», – отмечает Е.В. Суровцева¹⁸².

Анализируя мотивы, побудившие Лу Синя взяться за перевод «Мертвых душ», стоит упомянуть небольшое событие, которое произошло зимой 1926 г. и в какой-то мере спровоцировало начало работы над переводом «Мертвых душ». Гао Чан-хун, которого Лу Синь считал своим учеником и поддерживал, в десятом выпуске журнала «Ураган» в статье «Путь к издательскому делу • Судьба времени», позволил себе иронический выпад в адрес учителя: «Я

¹⁸¹ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 98.

¹⁸²Суровцева Е.В. О влиянии Н.В. Гоголя на Лу Синя. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 14.09.2021).

надеюсь, что господин Лу Синь защитит достоинство «Одиночки». Пиши свои «Мертвые души»»¹⁸³.

Чтобы понять подоплёку этого язвительного высказывания, необходимо вспомнить, что в 1925 г. Лу Синь написал рассказ «Одиночка», в котором был отражен его душевный кризис. Вызывающий призыв «писать» – очевидно, это колкость, намекающая, что Лу Синю якобы не хватает творческой способности написать собственный роман.

Можно предположить, что дерзость Гао Чан-хуна стала одним из побудительных мотивов, ускоривших начало работы над переводом «Мертвых душ». Вызов был принят, хотя и не мгновенно, а спустя несколько лет.

Согласно «Дневнику Лу Синя», 24 июня 1934 г. он приобрел «Мертвые души», переведенные Эндо Фунг Ма и опубликованные Токийским культурным обществом в том же году и начал подготовку к переводу этой работы.

Лу Синь приступил к переводу «Мертвых душ» 15 февраля 1935 г. В его дневнике содержится следующая запись с этой датой: «Перевёл один раздел «Мертвых душ»¹⁸⁴. В письме к Чжэн Чжэньдо от 9 марта переводчик написал: «Теперь перевожу «Мертвые души»». Из этого мы узнаем, что к тому времени работа уже велась. Первая и вторая главы были переведены 12 марта, а третья и четвертая стали переводиться 8 мая.

Однако перевод поэмы был крайне тяжелым для Лу Синя. Он написал письмо к Ху Фэну в ночь на 17 мая 1935 г.: «В эти дни из-за перевода «Мертвых душ» у меня кружилась голова. Раньше я недооценивал Гоголя, думал, что это легко перевести, но это было трудно, его ирония отточенная».

¹⁸³ Чэн Ивэй, Ли Чуньлинь. Лу Синь и «Мертвые души» Н.В. Гоголя // Вестник Шаньдунского педагогического ун-та. Цзинань. 2004. №. 6. С. 28. (程义伟, 李春林 鲁迅与果戈里的《死魂灵》。山东师范大学学报, 济南, 2004年第6期, 第28页。)

¹⁸⁴ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Лу Синь как переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Казанская наука. Казань, 2019. № 9. С. 11–15.

Кроме того, японские переводы, с которыми сверялся Лу Синь, часто отличаются от немецких переводов. Это заставило его невольно вздохнуть: «Перевод не легок». В письме к Хуан Юаню 22 числа того же месяца Лу Синь отметил: «Четвертая глава «Мертвых душ» была переведена, если вы переводите такую вещь, я думаю, вы действительно хотите «умереть»». Все знали, что Лу Синь очень устал из-за этой работы.

Первая и вторая главы «Мертвых душ» были опубликованы в издании Life Book Store «World Library» («Всемирная библиотека») 20 мая 1935 г. Писатель попросил Хуан Юаня пойти к корректору, найти рукописи каждого номера и исправить опечатки, желая уменьшить количество ошибок в опубликованном тексте. В письме к Хуан Юаню от 25 мая писатель сообщал: «В сборнике «Всемирная библиотека» увидел перевод «Мертвых душ», но в нем есть много опечаток».

Большая работа, которую проделал Лу Синь в ходе перевода поэмы «Мертвые души», очевидна. Однако очевидно и то, что сам Лу Синь не был доволен результатом. В том же году, 28 июня, Ху Фэнсиню он написал, что перевод «Мертвых душ» был довольно болезненным: «Каждый раз, когда я переводил две главы, это казалось серьезной болезнью». «Всемирная библиотека» публиковала в каждом номере по две главы «Мертвых душ».

Лу Синь перевел девятую и десятую главы 30 августа 1935 г. и отправился в издательство «Книжный магазин», чтобы доставить перевод.

В то время писатель уже думал о более крупном проекте: переводе и публикации антологии произведений Гоголя. Дело в том, что 27 ноября 1934 г. Лу Синь приобрел немецкий перевод Полного собрания сочинений Гоголя, в результате чего возникла идея перевести его на китайский язык.

В письме, адресованном переводчику Мэн Шихуаню 8 сентября 1935 г., Лу Синь предложил разделить китайский перевод избранных сочинений Гоголя на шесть видов публикаций: 1. «Вечера на хуторе близ Диканьки»; 2. «Миргород»; 3. «Нос и другие»; 4. «Ревизор и другие»; 5. «Мертвые души»

(т. 1); 6. «Мертвые души» (т. 2) и «Исследование о Гоголе». Когда его самый важный перевод «Мертвых душ» был близок к завершению, возник этот более крупный проект. К сожалению, этот план не был завершен при жизни Лу Синя; выполнены оказались только второй и пятый пункты.

В то же время работа над публикацией «Мертвых душ» велась активно. 19 сентября 1935 г. Лу Синь направил рукопись Хуан Юаню, редактору журнала «Перевод»]¹⁸⁵. Лу Синь сообщал: «Я снова чувствую себя лучше, работаю над переводом “Мертвых душ”, к концу месяца закончу перевод первого тома»¹⁸⁶.

В ночь на 6 октября было завершено первое приложение к «Мертвым душам», около 18 тыс., включая все комментарии Оттона Бука к немецкой версии перевода, на которой был основан перевод Лу Синя.

В ночь на 17 октября было переведено вступление в 12 тыс. слов, написанное Н.А. Котляревским для «Мертвых душ». В дневниках 25, 29 и 30 октября есть записи об отправке или получении на вычитку рукописи этого перевода. Наконец 31 октября корректура была согласована. В ноябре книга была издана Шанхайским издательством «Культурная жизнь» в составе серии переводов. В общей сложности книга была переиздана 16 раз, в том числе издательством «Северо-Восточно-Китайско-Суданская ассоциация дружбы» один раз, издательством «Народная литература» пять раз. В планах Лу Синя было перевести второй том поэмы «Мертвые души». В своем письме к Мэн Ши-хуаню от 3 декабря 1935 г. он сообщал, что начнет переводить вторую часть в следующем году. На следующий день в письме к Ван Ецию сказал, что он собрался переводить «Нос и другие» и оставшуюся часть «Мертвых душ» из «Избранных трудов Гоголя», но из-за некоего «мелкого поручения», не смог продолжить работу.

¹⁸⁵ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Лу Синь как переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 11–15.

¹⁸⁶ Лу Синь. Письма. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 329.

В ходе работы над переводом «Мертвых душ» Лу Синь также уделял большое внимание поиску иллюстраций. В апреле 1936 г. альбом иллюстраций был издан шанхайским издательством «Культура и жизнь». Жена Лу Синя Сюй Гуан-пин писала: «Этой книге в мягкой обложке мы очень радовались. В нынешней обстановке, особенно в книжном деле, опубликовать такой альбом крайне трудно: ослабла покупательная способность, сохраняется низкий уровень образованности. Однако Лу Синь в трудностях не считался»¹⁸⁷.

Главная причина, по которой Лу Синь с таким старанием подходил к переводу, комментарию и изданию произведений Гоголя, это, прежде всего, большая идеологическая и художественная ценность творчества русского писателя для Лу Синя. Его поражали и гоголевская ирония, и «смех сквозь слезы», и понимание реальной жизни России. Кроме того, «Мертвые души» имели большое значение для политической жизни Китая того времени и могли служить ориентиром для китайцев в понимании их общества. Вместе с тем надо признать, что некоторые критики скептически оценивали сатирический потенциал «Мертвых душ». Так, известный переводчик Цзи Цзи-чжи считал, что Гоголь не критикует большого чиновника, «льстит правительству».

В издании «Мертвых душ» 1938 г. есть эпизод, написанный женой Лу Синя Сюй Гуан-пин 26 мая того же года, напоминающий о состоянии Лу Синя перед его смертью: «... Весь рабочий стол покрыт книгами, и Шэн Чжан находится посередине и занимается переводом. Иногда из-за богатства оригинальной лексики в китайских иероглифах нет подходящего предложения, которое можно найти».

К октябрю 1936 г. Лу Синь думал, что здоровье позволяет работать, и решительно вычистил рукопись. Перевод глав второго тома был опубликован 16 мая 1936 г.

¹⁸⁷ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае. С. 252.

Лу Синь работал над переводом «Мертвых душ» практически до последнего момента своей жизни, поэтому китайские исследователи Чэн И-вэй и Ли Чунь-лин восхищались его трудом: «Лишь когда шелкопряд умрёт, нити [дум] прекратятся»¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Чэн И-вэй, Ли Чунь-лин. Лу Синь и «Мертвые души» Н.В. Гоголя. С. 31. (程义伟, 李春林 鲁迅与果戈里的《死魂灵》。第 31 页。)

3.2 Проблема перевода произведений русской литературы на китайский язык и методы художественного перевода Лу Синя

В Китае существуют три критерия хорошего перевода: достоверность, доходчивость, изящество. Данную формулу утвердил переводчик и общественный деятель Янь Фу (1854–1921), директор государственной школы «Фу Дань» (сейчас университет «Фудань»). Однако переводчики, следуя принципам доходчивости и изящества, не всегда сохраняли главный принцип – достоверность. В то время среди переводов наиболее востребованными считались работы Линь Шу, в которых содержание художественных произведений было сильно изменено в соответствии со вкусами китайских читателей, и такой подход (доместикация) в переводе являлся основным направлением. Лу Синь в первые годы пребывания и учебы в Японии находился под сильным влиянием переводов Линь Шу, поэтому в переводах таких произведений, как «Путешествие к центру Земли» и «С Земли на Луну» художественное содержание и идея были сильно искажены. К концу обучения в Японии Лу Синь отвергал принцип доместикации и был нацелен на форенизацию.

Лу Синь так вспоминал об этом принципиально важном изменении в письме к своему ученику: «Когда я и Чжоу Цзо-жэнь были ещё в Токио, в то время в Китае самыми популярными переводами зарубежных произведений являлись работы Линь Шу на вэньянь. Хотя его переводы действительно были хороши, многие были неправильны. Мы были недовольны и хотели исправить это, поэтому начали нашу переводческую деятельность».

Характерной чертой переводных произведений Лу Синя является «буквальный перевод», используемый для сохранения культурной и языковой уникальности зарубежных произведений. Лу Синь понимал, что иностранная культура не знакома китайским читателям, но в то же время она нова и способна обогатить китайскую культуру и язык. Лу Синь как переводчик

придерживался того же литературного принципа, что и Лу Синь – писатель: функция литературы – просвещать людей и изменять общество.

При работе у Лу Синя возникало много трудностей, например, понимание смысла названия «Мертвых душ» и перевод его на китайский язык; перевод незнакомых слов в меню XIX в.; название карточных игр и многое другое. Затруднения вызвала и писательская манера Гоголя.

Словосочетание «Мертвые души» в русском языке имеет два значения. Первое, буквальное, связано с сюжетом, т.е. это мёртвые крестьяне; второе с духовным смыслом. Гоголь назвал свое произведение «Мертвые души», поскольку представленные им персонажи (вороватые чиновники, ограниченные помещики) выглядят как люди, лишённые живой души, морали и нравственности, погрязшие в погоне за деньгами и чинами, проживающие свой земной век в безбожии, в тщеславной суете.

О переводе названия поэмы в Китае велся серьёзный спор. В истории перевода «Мертвых душ» существовали разные варианты названий, например: «Мёртвые души», «Души», «Мёртвые крестьяне», «Мертвецы» и другие. Немецкий переводчик Оттон Бук перевёл название «Мертвых душ» со значением смерти душ людей. Лу Синь сначала определил название «Мертвых душ» на китайском языке как «Мёртвые крестьяне», потому что он узнал два варианта японского перевода «Смерти души людей» и «Мёртвые крестьяне» раньше, чем узнал перевод Оттона Бука. Однако такой вариант Лу Синь применил только в примечании к переводу повести «Нос».

В итоге Лу Синь выбрал название «Мертвые души» на китайском языке со значением «смерти душ». Причина в том, что, во-первых, значение «смерти душ» людей и значение мёртвых крестьян не могут быть включены в китайское словосочетание «мертвые крестьяне». Во-вторых, Лу Синь правильно понял семантическую глубину «мертвых душ». Значение, включаемое в это словосочетание, не противоречило китайской культуре и

мировоззрению]¹⁸⁹. «Мертвые души» на китайском языке выражают смысл того, что человек жив телом, однако мертв душой.

Китайские критики и читатели дали высокую оценку переводу Лу Синя. Например, китайский литератор Ба Цзин (настоящая имя Ли Яотан) сказал, что поэма «Мертвые души», переведенная Лу Синем, является лучшим переводом XX в. в Китае. Другие посчитали, что этот перевод оказал огромное влияние на китайскую литературу. Благодаря Лу Синю в Китае появилось много талантливых переводов сочинений Гоголя – например, известный русско-китайский переводчик Мэн Шихуан перевёл «Майскую ночь, или Утопленницу», «Миргород», а также статьи, посвященные жизни и творчеству Гоголя.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Решение Лу Синя перевести произведения Гоголя на китайский язык имеет необыкновенно важное значение для китайской литературы и китайского народа. Благодаря Лу Синю китайцы узнали этого русского писателя и его творчество. Его перевод «Мертвых душ» считается одним из самых известных в Китае. Лу Синь посвятил много лет своей жизни переводу поэмы «Мертвые души», и с особой тщательностью подходил не только к методу и стилю перевода, но и оформлению и иллюстрированию книг¹⁹⁰.

Вместе с тем, с переводом «Мертвых душ» было связано немало сложностей, что вызвало критику в адрес Лу Синя.

Его буквальный метод перевода приводит к предложениям, которые совершенно непонятны. Структурно китайский язык резко отличается от западных языков. Поэтому при дословном переводе с английского или с немецкого языка китайский переводчик неизменно создает предложения, в которых обычный порядок слов серьезно нарушается. По мнению критиков,

¹⁸⁹ Подробнее см. в моей статье: Ли Аньци. Лу Синь как переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 11.

¹⁹⁰ Там же. С. 13.

читатели от такого перевода чувствовали себя сбитыми с толку и оскорбленными.

Тем не менее, Лу Синь не был согласен с обвинениями. Его ответ на критику известного литературоведа Ляна Ши-цюя в эссе «Жесткий перевод и Классовый характер литературы» (1930) был опубликован в журнале «Зачатки». Лянь Ши-цюй считал, что метод перевода Лу Синя неправильный. Лу Синь утверждал, что самое важное – это содержание.

Ответ Ляну Ши-цюю показывает, что на карту было поставлено больше, чем просто противоречивые мнения о правильном методе перевода. Вопрос о том, как перевести, был предметом дискуссии 1930-х гг. между интеллектуалами с левыми, марксистскими наклонностями (как сам Лу Синь) и оппонентами из «правого крыла» (как Лян Ши-цюй).

Лу Синь в упомянутых эссе объяснил своё предпочтение буквальному переводу. Это объяснение выходит за рамки выбора метода межъязыкового перевода – оно связано с политическими целями, к которым стремился Лу Синь при переводе произведений с других языков. Он заявил, что его переводы достоверно передают тон их оригиналов. Лу Синь подчеркнул, что его переводы предназначены для особого класса читателей это литературные критики, стоявшие на позициях пролетариата, которые имели особые классовые интересы. По мнению Лу Синя, чрезвычайная верность оригиналу была способом гарантировать, что «истинная» марксистская литературная мысль была представлена тем, кто желал знать факты. Похоже, что критики не были удовлетворены объяснением, представленным Лу Синем, его идеей о том, что строгий «буквализм» в переводе может быть средством достижения точной передачи левых (революционных) идей в Китае. Дэвид Поллард обратил внимание на интересный момент. Он предположил, что Лу Синь, возможно, намеренно пошел вразрез с ожиданиями читателей. Однако, по мнению Полларда, «что-то не так в голове переводчика, который сказал бы, что его переводы не были предназначены для читателя».

В любом случае, связь между точностью и буквальностью чрезвычайно незначительна – можно быть неточным, даже если человек очень близок к исходной лексике и конструкциям предложений. Тот факт, что Лу Синь прибегает к различным аргументам (политическим, эстетическим, лингвистическим), чтобы оправдать свой метод, показывает его настоящую одержимость «буквализмом». То, что взгляды Лу Синя, выраженные в статьях 1930 г., было неприемлемы для соперничающей интеллектуальной группы, очевидно, поскольку год спустя к дискуссии присоединился Е Гон-чао (1904–1981), выступивший, по его словам, «на стороне Лян Ши-цюя». В своей публикации «О переводе и языковой реформе» в журнале *Crescent Moon*, он предположил, что бесполезно говорить о переводе в таких упрощенных терминах, как Лу Синь.

При этом Лу Синь нашел поддержку в лице Мао Дуня, для которого буквальный перевод не приравнивается к «мертвому переводу». По мнению Мао, буквальный перевод может предъявлять чрезмерные требования к читателю, но, по крайней мере, это будет понятно, в то время как мертвый перевод не будет отображать правды.

Для Лу Синя крайний «буквализм» или дословный перевод предпочтительнее, чем смысловой, но не только потому, что верность оригиналу с точки зрения исходного текста имеет несомненную важность, которую он будет защищать любой ценой.

Предпочтение Лу Синя принципу европеизации (в противовес синизации) при переводе на китайский язык было наиболее кратко выражено в его переписке с Цюй Цю-бо (1899–1935), его младшим коллегой и писателем, в 1931–1932 гг..

Они впервые встретились в Шанхае в 1932 г. по договоренности с общим другом, Фен Сюэ-фэном (1903–1976), заядлым переводчиком марксистской теории. В своем письме к Лу Синю от 5 декабря 1931 г., поздравляя его с публикацией его перевода «Разгрома» А. Фадеева, Цюй Цю-бо подчеркнул,

что он согласен с мнением Лу о необходимости создать новый китайский язык: «Перевод – помимо представления содержания оригинала китайским читателям – выполняет еще одну важную функцию – помогает нам создавать новый современный китайский язык. Китайский язык (так же как и его система письма) настолько несовершенен, что в нем отсутствуют названия для многих предметов быта. На самом деле, он не развился полностью за пределы стадии «языка жестов», повседневная беседа почти не обходится без помощи жестов. Конечно, почти полностью отсутствуют все те прилагательные, глаголы и предлоги, которые выражают тонкие различия и сложные отношения».

Это утверждение совпадает с мнением Лу Синя, выраженным в его письме от 28 декабря 1931 г., о том, что «(китайский язык) слишком неточен».

Для правильного взгляда на аргумент, популярный в то время, что иностранные (европеизированные) структуры могут быть импортированы для пополнения китайского языка, необходимо кратко рассмотреть дискуссию о сильных и слабых сторонах языкового движения на протяжении нескольких десятилетий. Пропаганда использования байхуа для замены классического языка вэньян, начавшаяся в конце периода династии Цин, нашла последователей в течение нескольких лет после начала Нового литературного движения 1917 гг.. Вскоре возник вопрос не о том, следует ли вообще использовать этот новый язык в письме, а о том, как его можно отточить, чтобы выразить свои мысли и настроения нового поколения писателей, то есть тех, кто использовал его как инструмент. Другими словами, неадекватность, а не жизнеспособность этого китайского языка будущего, стала предметом серьезной озабоченности после того, как первоначальный оптимизм утих.

Даже до Лу Синя многие стояли на стороне европеизации, полагая, что это полезно для развития родного языка, хотя немало было и тех, кто выступал против. Фу Синин (1896–1950), ранний энтузиаст байхуа, был

сторонником европеизации. Он практически открыл дебаты по европеизации в 1919 г. своей статьей «Как писать на родном языке». В этой публикации он сделал смелое заявление о том, что европеизация китайского языка «почти неизбежна».

Когда дебаты в газетах и журналах достигли лихорадочного предела, к ним присоединилось большинство интеллектуалов, занявших различные позиции. Мао Дунь и Чжэн Чжэн-дуо (1898–1958), представители Нового литературного движения, написали по одному эссе для Xiaoshuo uuebao («Ежемесячный рассказ»; Мао, 1921; Чжэн, 1921). Мао Дунь был за ограниченную европеизацию; человек не должен придумывать выражения, с которыми обычные люди были бы незнакомы. Чжэн Чжэн-дуо занял аналогичную позицию; по его мнению, реформа классического языка была необходима, потому что он безжизненен, содержит слишком много выражений-клише и, очевидно, непригоден для современного использования. Однако, по его мнению, должен быть некоторый предел европеизации.

В широком спектре позиций этой дискуссии были представители и других, более скептических взглядов. Ху Ши настойчиво продвигал употребление в литературе народного языка, но лучшим письменным языком он считал тот, на котором могут разговаривать массы или который им понятен. Это видно из его письма Гу Цзегану, опубликованного в № 14 из Xiaoshuo uuebao. Его позиция была на общенациональном, но антиевропейском уровне, очень похожая на позицию Цюй Кибая, о которой будет сказано позже. Для него местный язык лучше всего обогащается за счет импорта диалектических, а не иностранных особенностей.

В дебатах начала 1920-х гг. также принимал участие Фу Донхуа (1893–1971), известный китайский переводчик «Унесенных ветром» и некоторое время коллега Мао Дуни и Чжэна Чжэндо в одном из ведущих издательств того времени («Коммерческая пресса»). Используя псевдоним, в выпуске Jingbao от 30 июня 1921 г. (Beijing News) он осудил европеизацию

как своего рода «подражание», а подражание чужим вещам столь же плачевно, как и подражание древним. Он утверждал, что заимствование следует осуждать. Однако Мао Дунь позже раскрыл ошибочность аргумента Фу, отметив, что европеизация – это лингвистический феномен, а не литературный.

Даже из такого краткого резюме, которое можно привести здесь, должно быть очевидно, что дебаты о европеизации в начале 20-х гг. демонстрируют четырехстороннюю запутанную связь, существовавшую между народным (байхуа), классическим языком (вэньянь), иностранными языками и разговорным языком (диалектами). При этом Лу Синь, благодаря сочетанию теории перевода с практикой, привел дискуссию к конкретным терминам. Он не только говорил, но и экспериментировал с идеей поглощения иностранных «питательных веществ», чтобы расширить возможности языковых ресурсов, доступных для китайского языка, чтобы побудить его стать средством современного выражения. Результатом стали переводы, которые кто-то вроде Ляна Шицюя нашел непонятными, в странно европеизированном языке.

Интересно, что Лу Синь и Цюй Цю-бо использовали схожие стратегии для выражения своих взглядов по вопросу «правильного» языка для перевода. Чжао Цзин-шень (1902–1985), другой выдающийся переводчик и теоретик перевода того времени, подвергся нападкам со стороны обоих. Именно из-за разногласий с Чжао оба высказали свое мнение. Лу Синь высмеивал чрезмерное внимание, которое он придает «беглости», второму из кардинальных принципов, изложенных Янь Фу.

Как уже отмечалось, Лу Синь был одержим заботой о буквальном воспроизведении переводимого текста, причём до такой степени, при которой вводятся неестественные выражения в перевод. Неловкость усугубляется неловкостью, когда европеизация выступает в качестве приемлемой черты переводов в письме Лу Синя Цюй Цю-бо. Лу Синь приводит аргументы в пользу странно звучащих выражений в своих переводах, проводя различие

между тремя типами читателей – хорошо образованными, малограмотными и неграмотными – и объясняя, что его метод перевода ориентирован на первую группу.

Есть основания утверждать, что свои взгляды на проблему точности перевода Лу Синь сохранил буквально до конца своих дней. Так, в предисловие к переводу Цао Цзин-Хуа «Сборник семи советских авторов», написанном 16 октября 1936 г., Лу Синь выражает полное пренебрежение к точности перевода: «Не стоит останавливаться на точности перевода и знании переводчиком языка оригинала, ибо у читателей уже составилось о нем определенное мнение». Лу Синь умер 19 октября 1936 г., то есть эти слова написаны за три дня до его кончины¹⁹¹.

Можно сделать вывод: при переводе произведений русского писателя для Лу Синя была прежде всего важна не столько доскональность воспроизведения содержания, сколько идеологический аспект – сила социального воздействия на китайское общество.

В послесловии ко второму тому четырехтомника произведений Лу Синя (1955) его переводчик Л.Д. Позднеева отмечает, что из всех сатириков, которых переводил Лу Синь, «наибольшим его вниманием пользовался Гоголь». Позднеева утверждает, что «Лу Синь создал китайского Плюшкина (фрагмент «Былое»), нашел в Китае «Ревизора» и установил живучесть чуть ли не всех типов «Мертвых душ» в старом Китае». В подтверждение она приводит такие слова Лу Синя: «Гоголь начал писать первый том «Мертвых душ» во второй половине 1835 г., то есть сто лет назад. К счастью или же к несчастью, многие типы его произведений еще живучи, и нашему читателю, родившемуся в другой стране, в другую эпоху, кажется, будто Гоголь писал его собственное окружение, и он не может не преклониться перед великим мастерством этого реалиста»¹⁹².

¹⁹¹ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 385.

¹⁹² Там же. Лу Синь. С. 403.

Однако надо отдать должное и той тщательности, с которой Лу Синь дорабатывал текст своего перевода, добиваясь точности. В статье Гэ Тао «Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ с немецкого языка» рассказывается об этой кропотливой работе¹⁹³.

Сообщается, что рукопись перевода первого тома «Мертвых душ», до сих пор не опубликованная и признанная китайским национальным культурным памятником первого уровня, хранится в Пекинском мемориальном музее Лу Синя¹⁹⁴. «Согласно записям из архива культурного наследия, в рукописи в общей сложности 495 страниц», однако, отмечает исследователь, «только 491 страница рукописи написана почерком Лу Синя»¹⁹⁵.

По его «грубым подсчётам», следы правки Лу Синя заметны почти в двух тысячах мест¹⁹⁶. В числе правок не только «исправление ошибочных или неподходящих иероглифов», восстановление или вычеркивание слов, но и «исправление неправильно переведенных оборотов речи» и «неправильно переведенных имен», «неудачно подобранных слов», а также «транскрибирование иностранных слов и фраз китайскими иероглифами»¹⁹⁷.

В качестве примера можно сравнить фразу из оригинала произведения Гоголя и её перевод у Лу Синя. В оригинале: «День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку»¹⁹⁸. В переводе Лу Синя эта фраза приняла такой вид: ««День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, стаканом лимонада и крепким сном». В этом случае видно, что Лу Синь так и не добился точного перевода одного из слов: вместо *бутылки кислых щей*

¹⁹³ Гэ Тао. Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ» с немецкого языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Востоковедение и Африканистика. СПб., 2017. Т. 9. № 4. С. 429–439.

¹⁹⁴ Там же. С. 430.

¹⁹⁵ Там же. С. 430.

¹⁹⁶ Там же. С. 430.

¹⁹⁷ Там же. С. 430–432.

¹⁹⁸ Там же. С. 433.

появился *стакан лимонада*. «После многократной правки слово по-прежнему оставалось неправильным»¹⁹⁹, – констатирует автор статьи.

Это пример сложностей, которые доставляло переводчику непонимание особенностей русской кухни 40-х гг. XIX вв.

Гэ Тао отмечает, что метод «прямого перевода» с немецкого, использованный Лу Синем, привел к появлению в тексте «множества шероховатых предложений». При этом Гэ Тао признаёт, какой огромный труд стоит за исправлениями, внесенными переводчиком: «Почти две тысячи исправлений, внесенных Лу Синем в рукопись, показывают, сколько тяжелого труда было вложено в эту работу, а также высокую степень его ответственности в переводческой работе»²⁰⁰.

При этом делается вывод, что всё-таки в переводе «Мертвых душ» неверно переведены названия некоторых блюд, праздников и должностей, а также некоторые обороты речи и пословицы²⁰¹.

Гэ Тао приводит строки из письма Лу Синя в письме Ху Фэну от 17 мая 1935 г.: «...сатира его прошла многие горнила и доведена до совершенства. В тексте пусть бы и не было модерновых слов (в то время не было даже телефона), но есть названия блюд и карточных игр XVIII в., крайне трудная задача. Перевод Уэда Сусума отнюдь не плох, но часто расходится с немецким, если вспомнить подробнее, то ошибок у него как будто больше, но и перевод – дело нелегкое»²⁰².

Оценивая степень сложности работы Лу Синя, Гэ Тао констатирует: «Хотя во время работы Лу Синь столкнулся с непредвиденными трудностями, он упорно продолжал переводить, и можно сказать, что фраза «словарь не

¹⁹⁹ Гэ Тао. Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ» с немецкого языка. С. 433.

²⁰⁰ Там же. С. 434.

²⁰¹ Там же. С. 435.

²⁰² Там же. С. 434–435.

покидал рук, а тело – холодный пот» очень точно иллюстрирует этот процесс»²⁰³.

Гэ Тао цитирует слова Лу Синя из его «Набросков без темы (1–3)»: «Если все же переводить, то наипервейшая цель – представляя иностранное произведение, нужно не только передать чувство, но и повышать знание, по меньшей мере о том, где и когда происходили события. Это подобно поездке за границу: необходимо передать экзотику, т. е. так называемый «заморский дух». Ведь поистине нет в мире полностью натурализованных переводов, а пусть бы были, то при внешнем согласии расходились бы с душой, если различать по строгости, то его никак нельзя было бы считать переводом. Всякий перевод должен одновременно учитывать две стороны: он, конечно же, должен быть понятным и сохранять «внешность» оригинала. Но это сохранение часто входит в противоречие с пониманием – выглядит для всех непривычно. Оригинал изначально является заморским чертом. Чтобы он выглядел приятно для глаза, нужно только поменять ему одежду, но не следует укорачивать ему нос и вырезать глаза. Я не сторонник укорачивания носа и вырезания глаз, поэтому в некоторых местах предпочитал переводить так, чтобы читать было нелегко. Разве что в структуре предложения нет нужды переводить так, чтобы читать было нелегко»²⁰⁴.

Лу Синь утверждал, что перевод должен быть понятным и сохранять «внешность оригинала», однако Гэ Тао в своей статье признаёт, что этот принцип был всего лишь желаемой целью переводчика: «... на практике, в переводе “Мертвых душ”, Лу Синь все же не смог его достичь»²⁰⁵. Хотя Лу Синь и «стремился к легкости понимания», однако «из-за своего ограниченного знания иностранных языков он все же не смог сделать текст «понятным»», – подытоживает исследователь.

²⁰³ Гэ Тао. Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ» с немецкого языка. С. 435.

²⁰⁴ Там же. С. 438.

²⁰⁵ Там же. С. 437.

Он также убеждён, что Лу Синю не удалось передать особенностей языка гоголевской прозы, «полностью раскрыть особенности языка Гоголя, его сатирические приемы и прочие тонкости литературной техники»²⁰⁶. В подтверждение сказанного приводятся строки из письма Лу Синя, которое он написал после перевода пятой главы в «Набросках без темы (1–3)» 10 июня 1935 г.: «Я был возмутительно чванлив, когда свысока смотрел на “Мертвые души”, полагая, что дело пустячное, но взявшись за дело – и впрямь надо переводить. За этим и начались трудности. Прочитал внимательно – неплохо, написано, правда, невыразительно, но повсюду колкости, одни из которых понятны, а другие скрыты, и нужно их угадывать чутьем. Хотя это и перевод с перевода, а всё же нужно стараться сохранить его остроту. В нем нет ни электричества, ни автомобилей, зато есть названия блюд, карточных игр и одежды первой половины XIX в., – всё какие-то незнакомые ребята. По ходу вещей дошло до того, что словарь не покидает рук, а тело – холодный пот, только и остается винить свою скованность во владении языком. Но эту штрафную чашу чванства надлежит осушить до дна и непреклонно переводить дальше»²⁰⁷.

Перевод «Мертвых душ» Лу Синем автор статьи оценивает в двух аспектах: во-первых, «он заложил содержательную базу в перевод шедевра Гоголя», и во-вторых, «в переводе Лу Синя сохранился уникальный колорит творчества самого Лу Синя»²⁰⁸.

Исследователь называет перевод «Мертвых душ» Лу Синя «прекрасным справочником для культурного обмена между Востоком и Западом» и делает важный вывод: «Его нельзя назвать успешным, тем не менее выдвинутый Лу Синем принцип: «Всякий перевод должен одновременно учитывать две

²⁰⁶ Гэ Тао. Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ» с немецкого языка. С. 438.

²⁰⁷ Лу Синь. Полное собрание сочинений и писем: В 18 т. Т. 6. С. 363. (鲁迅 鲁迅全集 • 第6卷. 第363页。); Гэ Тао. Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ» с немецкого языка. С. 438.

²⁰⁸ Там же. С. 438–439.

стороны: он должен быть понятным, но и сохранять внешность оригинала» – по-прежнему представляет собой эталонную ценность в культурном обмене между Востоком и Западом»²⁰⁹.

Подводя итог данного подраздела, можно констатировать следующее: перевод «Мертвых душ» оказался для Лу Синя сложной, практически непосильной задачей, потребовал предельного напряжения возможностей. Это было связано с двумя основными причинами. Во-первых, с избранным методом перевода (прямого, дословного), не учитывающего лингвистические особенности языковых систем, с которыми работал переводчик. Во-вторых, с недостаточной степенью владения переводчика иностранными языками.

Однако надо признать, что есть и другие оценки. Так, Суровцева утверждает, что «китайские критики и читатели единодушно признают высокие художественные качества лусиниевских переводов»²¹⁰.

В подтверждение этой оценки Суровцева приводит мнение известных литераторов: «Дин Лин и Цао Юй писали: «Перевод гоголевских “Мертвых душ”, выполненный классиком китайской литературы Лу Синем, выдержал пятнадцать изданий, и спрос на эту книгу далеко не легко удовлетворить. Этот факт яркое доказательство того, как любят Гоголя на нашей родине в Китае»²¹¹.

Несмотря на расхождения в оценке критиков, надо признать, что подвижнический труд Лу Синя имел не только важное социальное значение для китайского общества (что особенно было ценно в глазах самого Лу Синя), но и большое культурологическое значение в плане обмена между Востоком и Западом, которое исследователи отмечают и сегодня.

²⁰⁹ Гэ Тао. Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ» с немецкого языка. С. 439.

²¹⁰ Суровцева Е.В. О влиянии Н.В. Гоголя на Лу Синя. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 20.9.2020).

²¹¹ Там же.

3.3 Продолжение традиций русской классической литературы в творчестве Лу Синя

Воспринимая лучшие традиции мировой литературы, Лу Синь ставил задачу привнести всё самое ценное из неё в китайскую литературу с тем, чтобы улучшить китайское общество, пробудить его к новой жизни. Эта мысль доминантой звучит в его многочисленных публицистических произведениях. И особое место в этом благотворном, обновляющем и пробуждающем воздействии извне Лу Синь отводит именно русской литературе.

В статье «Краткое предисловие к переводу «9 января» М. Горького» (22 мая 1933 г.) он говорит о необходимости заимствования лучших образцов мировой литературы: «Нельзя преградить путь литературе, для неё не существует национальных границ. И мы можем брать образцы у тех, кто ушел вперед раньше нас»²¹².

Идею заимствования лучших образцов из мировой литературной сокровищницы Лу Синь очень образно высказывает в эссе «О том, как брать». Он сравнивает новый Китай с домом, который человек получил в наследство, предлагая избавиться от старого, ненужного, и привнести в дом всё новое и полезное: «Если мы не сумеем брать, то не сумеем и возродиться. И наша литература не обновится, пока мы не научимся брать»²¹³.

В послесловии ко второму тому собрания сочинений Лу Синя Л.Д. Позднеева поясняет, что именно привлекает его в русской литературе, каким её традициям он призывает он следовать: «Китаю нужен Салтыков-Щедрин, нужны Гоголь и Горький, – говорил Лу Синь в своих статьях и письмах. Лу Синь родственен русской литературе своим реализмом, как писал Фын Сюэ-фын, «наиболее близким к реализму русскому. Он близок

²¹² Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 397.

²¹³ Там же. С. 305.

русской литературе глубиной и остротой постановки общественных проблем»»²¹⁴.

Анализируя высказывания самого писателя и тексты его повестей и рассказов, можно сделать вывод: главная притягательная сила русской литературы для Лу Синя – глубина и острота её социального звучания. При этом он стремится не к слепому переносу идей и традиций русской литературы на национальную почву, а к их органичному вживлению в китайскую реальность: «Но как реалист, как писатель национальный, яркой индивидуальности, Лу Синь поднимал наиболее актуальные проблемы, создавал образы, наиболее типичные для Китая, на родном ему материале китайской действительности. Лу Синь был новатором, продолжателем лучших традиций демократического наследия китайской культуры. Он обладал огромным самобытным талантом, и хотя учился у Гоголя, Горького и других русских писателей, но не повторил ни одного из них»²¹⁵.

Л.Д. Позднеева приводит слова Лу Синя: «Будущее докажет, что мы явились не только хранителями литературного наследия, но и пионерами в новом и его созидателями»²¹⁶.

В чем же конкретно следует Лу Синь традициям русской литературы? Это не только идеи, выражающие стремление к оздоровлению общества в целом, но и интерес к судьбе маленького человека. До Лу Синя никто не писал в китайской литературе о простом человеке, о крестьянском быте, с его деталями, подробностями и живыми портретами персонажей обычных людей из класса «угнетенных».

«Пионером» для китайской литературы можно считать Лу Синя в его обращении к образам маленького, угнетенного человека. Открытие того, что общество делится на классы угнетаемых и угнетенных, почерпнутое из русской литературы, Лу Синь образно сравнивает с открытием огня

²¹⁴ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 305.

²¹⁵ Там же. С. 305.

²¹⁶ Там же. С. 403.

первобытными людьми. Откровением является, что угнетенный, обезличенный системой человек тоже личность. В предисловии к сборнику повестей переводчик Эйдлин обращает на это особое внимание: «И художник Лу Синь взял на себя право доказать, что индивидуальность в Китае существует, что Китай многолик и в жизни, и в смерти»²¹⁷.

Миры Лу Синя населены простыми крестьянами, обездоленными женщинами-труженицами. Эти люди страдают и любят, размышляют о жизни и смерти, как например, затравленная героиня повести «Моление о счастье» Сян-линь, которая с ужасом вопрошает, есть ли ад и пытается наивными усилиями спасти свою бессмертную душу: «А остаётся ли после смерти душа?»; «Значит, и ад существует?». И когда она погибает, на вопрос о причине её смерти, односельчане равнодушно отвечают: «Отчего? С голоду, конечно»²¹⁸.

«Воспитанию человека, сотворению личности посвятил Лу Синь свой дар художника», – констатирует Эйдлин²¹⁹.

А разве не об этом вся русская классическая литература? Пристальное внимание к духовному состоянию человека, точность детали, реалистичность описаний, ирония и сарказм – всё это Лу Синь встречает в произведениях Гоголя и принимает, обогащая свой дар писателя, о котором китаевед Л. Эйдлин говорит восторженно: «Мне очень жаль, что наш читатель не может насладиться полностью тяжелым изяществом лусиневской прозы, что перевод, как бы он ни был хорош, всегда стоит сам по себе, лишенный того длинного строя теней далёкого и близкого прошлого, какие откидывает за собою китайское слово Лу Синя»²²⁰.

Однако, очевидно, Лу Синь не осознает в полной мере своего писательского таланта. Да и если бы осознавал, ему было бы этого

²¹⁷ Лу Синь. Избранные произведения. С. 3.

²¹⁸ Там же. С. 135.

²¹⁹ Там же. С. 11.

²²⁰ Там же. С. 11.

недостаточно, он стремится объять всю ширь литературы мировой, и прежде всего русской, чтобы впитать и приблизить её к своим соотечественникам. В эссе «Как я начал писать» (5 марта 1933) Лу Синь так объясняет свою тягу к переводческой деятельности: «И я, не мечтая писать сам, стремился познакомить Китай с иностранной литературой. Большею частью я переводил рассказы писателей угнетенных народов»²²¹.

Наиболее ярко воплощён образ «маленького человека» в повести ««Подлинная история А-кью», которая была опубликована 4 декабря 1921 г. в приложении к пекинской газете «Утренние новости» под псевдонимом Ба Жень.

Её герой подчёркнуто обезличен: у него нет не только семьи, детей, собственного дома (он живёт в тесной камере при храме); никто из односельчан не помнит даже его имени и фамилии, их заменяет странное прозвище из двух «заморских» букв: А и Q. А поскольку нет фамилии, «поэтому и нельзя выяснить, где его родина» – то есть неизвестно, в какой провинции он родился.

Герой повести ниоткуда и отовсюду; это собирательный образ, считают некоторые исследователи: «В лице А-кью автор изображает весь народ Китая, с его раболепством, необразованностью, слепым доверием к власти и нежеланием хоть немного улучшить свою жизнь. В пользу собирательности образа А-кью говорит ещё один факт: автор не имеет представления о том, откуда его герой, об этом он также пишет во введении, стремясь таким образом донести, что подобный А-кью человек мог повстречаться в любом уголке тогдашнего Китая», – отмечает исследователь²²².

А-кью нищий, гонимый и унижаемый всеми сельский батрак. По ходу сюжета его постоянно оскорбляют и избивают, и всякий раз писатель представляет внутренний монолог А-кью, пытающегося восстановить своё

²²¹ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 122.

²²² Ручина А.В. Повесть Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921): проблематика и поэтика// Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5–1 (71). С. 25–29.

поруганное самолюбие, вообразить себя не побеждённым, а победителем в очередной стычке. При этом избитый А-кью находит довольно странные аргументы: например, внушает себе, что избил его не местный богач Чжао или нищий «бородатый Ван», а некий воображаемый невоспитанный отпрыск: «Будем считать, что меня побил мой недостойный сын».

После одного из случаев избиения А-кью отыгрывается на более слабом противнике: он оскорбляет и щипает за щеку встреченную на пути маленькую бритоголовую монашку. Эта горькая, пронзительная сцена отражает всю глубину духовной деградации несчастного А-кью, вызывая сострадание не только к маленькой монашке, но и к её обидчику.

Бедные люди, униженные и оскорбленные, эти герои напоминают о персонажах из повестей Достоевского, об обитателях ночлежки из пьесы Горького «На дне», об Акакии Акакиевиче из гоголевской «Шинели». Для китайской литературы это совершенно новые, нетипичные герои.

Ассоциации с внутренними монологами персонажей Достоевского возникают на протяжении всей повести: рассуждает ли А-кью о пощёчине, полученной от «почтенного Чжао», переживает ли «трагедии любви», воображает ли себя в смутных мечтах революционером. Эти мечты выглядят наивными и примитивными: с революцией А-кью связывает надежды, в частности, завладеть имуществом богача Чжао, давшего ему пощечину.

Описание событий наступающей революции, представленной в повести как нелепый фарс, отражает глубокое разочарование самого Лу Синя от Синьхайской революции 1911 г. Персонажи повести воспринимают революцию как возможность награть чужого добра, выслужиться на полученном посту, отомстить личным обидчикам. О высоких, социальных целях настоящей революции никто не говорит и не помышляет. Результаты этой «революции», о которой Лу Синь пишет с нескрываемым сарказмом, налицо: жители села Вэйчжуан в испуге закручивают на макушках косы, чтобы соответствовать новому стилю; дом «почтенного Чжао» ночью

ограблен; неповинного А-кью, который так и не успел прибиться к революционерам, арестовывают и казнят в назидание другим. Темные обыватели разочарованы отсутствием ярких зрелищ: революционеры не явились «в белых касках и белых доспехах», «мятежника» А-кью не обезглавливают, а всего лишь расстреливают. К тому же «его так долго возили по улицам, а он не спел ни одной песни!». Финальная фраза повести исполнена горькой иронии в духе Салтыкова-Щедрина и невидимых слез, сродни гоголевским. Жаждающие зрелищ горожане сетуют после казни А-кью: «Зря за ним ходили, только время потеряли»²²³.

Повесть Лу Синя была высоко оценена российскими (советскими) писателями и китаеведами. В статье «О Лу Сине» (1949), опубликованной в «Литературной газете» к тринадцатилетию со дня смерти Лу Синя, А.А. Фадеев отмечал её реалистичное начало, присущее Чехову и Горькому. А.А. Фадеев ставит его в один ряд с такими русскими писателями, как Чехов и Горький: «Он, подобно нашим классикам, был писателем – критическим реалистом, то есть писателем, разоблачавшим и бичевавшим силы старого общества, силы, угнетавшие народ и подавлявшие личность “маленького человека”»²²⁴.

В 1929 г. Б.А. Васильев в своей вступительной статье к сборнику «Правдивая история А-кея» писал: «По характеру своего творчества Лу Синь – бытописатель, причем один из первых начал брать, в качестве темы, китайскую деревню, до тех пор не находившую себе места в классической литературе Китая. Лу Синь – наблюдатель, и его основное качество – холодное спокойствие, соединенное с интуицией подлинного психолога»²²⁵. Возможно, именно это холодное, несколько отстранённое описание страшных подробностей жизни несчастных героев создаёт особую

²²³ Лу Синь. Избранные произведения. С. 84.

²²⁴ Фадеев А. О Лу Сине // Литературная газета. М., 1949. 29 октября. № 087(2574).

²²⁵ Лу Синь. Правдивая история А-Кея. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lusinx/text_pravdivaya_istorua-a-keya.shtm (дата обращения: 03.10.2021)

притягательность прозы Лу Синя, заставляет читателей переживать боль и сострадание.

По мнению Б.А. Васильева, в этой повести Лу Синь «направляет свою сатиру не только против китайской псевдореволюции 1911 г., но главным образом против старо-китайской культуры и старо-китайского общества. И если иногда, рисуя типы простых людей из народа, он смеется над их беспомощностью, то это только смех сквозь слезы, ибо сочувствие писателя всегда на стороне униженных и обездоленных»²²⁶.

Как отмечает в статье А.В. Ручина, значение повести выходит за рамки китайской литературы и имеет общечеловеческое культурное значение. Она цитирует строки, которые написал Лу Синь в предисловии к русскому изданию «Подлинной истории А-кью»: «Для меня будет иметь огромное значение, если русские читатели, не зараженные нашей "традиционной мыслью", увидят в моей повести нечто иное». По мнению Ручиной, тем самым Лу Синь акцентирует «философскую, общечеловеческую составляющую произведения», которое стало «событием не только китайской, но и мировой литературы»²²⁷.

Оценивая приверженность Лу Синя традициям русской литературы, отметим ещё одну черту его творчества, близкую особенностям прозы Гоголя. Подобно ему, Лу Синь не только использует метод критического реализма, но и активно задействует элементы мистики. Например, в эссе «Знание – это преступление», где повествование идёт от первого лица, Лу Синь представляет видения, якобы случившиеся с героем после его смерти. Повествование начинается так: «В полночь, когда я лежал на кровати в общежитии, за мной пришли черти – живой Учан и мертвый Сынофын»²²⁸.

²²⁶ Лу Синь. Правдивая история А-Кея. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lusinx/text_pravdivaya_istorua-a-keya.shtm (дата обращения: 03.10.2021).

²²⁷ Ручина А.В. Повесть Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921): проблематика и поэтика. С. 25–29.

²²⁸ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 12.

У Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» нечистая сила активно участвует в повествовании, обладая мягкой юмористической окраской. Черт портит погоду в рождественскую ночь, чтобы навредить главному герою повести «Ночь перед Рождеством», кузнецу Вакуле, но козни черта напрасны, Вакуле всё равно удаётся остаться наедине с возлюбленной Оксаной и поговорить с ней. Оседлав чёрта, Вакула летит в Санкт-Петербург, чтобы осуществить мечту – достать «черевички», которые носит царица, для Оксаны и добиться её согласия выйти за него замуж. Образ «ухватить чёрта за хвост» в русском фольклоре означает подчинить себе судьбу, и Вакуле это удаётся. Нечистая сила в конечном счёте работает в интересах героя.

В повести Лу Синя черти имеют более зловещую миссию: они работают против героя, обвиняя его в «преступлении», связанном с постижением знаний, с образованием. Гротескно-мистическая форма позволяет Лу Синю представить, как современное ему китайское общество противится просвещению, стремится держать народ в темноте и невежестве, встречает в штыки просвещение. В аду, представленном Лу Синем, обладателей знаний подвергают изощренным мучениям – заставляют ходить по полу, усеянному промасленными бобами: «Это наказание за знания, ибо знание – это преступление, грязь...» Использование элементов мистики позволяет Лу Синю создать едкий памфлет, в иносказательной форме подвергнуть критике социальные пороки. Черты у него олицетворяют противников просвещения и прогресса²²⁹.

Элементы мистики присутствуют, например, и в повести «Блеск». Её герой, пятидесятилетний Чэнь Шиэнь, шестнадцать лет подряд безуспешно пытается сдать государственный экзамен. Мечты о повышении статуса и лучшей жизни остаются неосуществленными. Найти клад, оставленный в доме богатыми предками, также не удаётся. С помутившимся от горя рассудком Чэнь среди ночи обнаруживает в доме мерцающий таинственный

²²⁹ Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. С. 11.

свет, начинает разбирать пол и раскапывает землю под ним. Обнаружив вместо клада лишь челюсть покойника, он слышит её издевательское хихиканье, затем неведомый голос советует ему: «Здесь нет... ступай в горы...». Наутро труп утонувшего Чэня находят в озере. Мистическая составляющая сюжета позволяет передать всю глубину отчаяния героя, который тщетно пытается преодолеть социальный барьер – государственный экзамен, олицетворяющий старую систему китайского образования и назначения на должности.

В Китае Лу Синя называли то «китайским Чеховым», то «китайским Горьким». При этом, как отмечает в статье Е.В. Суровцева, «подчёркивалось и значение Лу Синя для китайской литературы, сходное со значением Гоголя для русской». В источнике приводятся слова Тун Хуа, написанные через несколько дней после смерти писателя в «Сборнике памяти Лу Синя»: «Место Лу Синя в духовной жизни современного Китая сходно с ролью Гоголя в России XIX в. Гоголь первый русский писатель, который так обострённо ощущал ответственность перед обществом; у нас таким был Лу Синь. Лишь с появлением “Шинели” Гоголя утвердилась русская проза XIX в., лишь сборник рассказов “Клич” Лу Синя положил начало современной китайской литературе»²³⁰.

²³⁰ Суровцева Е.В. О влиянии Н.В. Гоголя на Лу Синя. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 09.9.2021).

3.4. Влияние русской литературы на китайских писателей

Современные источники исследуют историю влияния русской литературы на китайских писателей на протяжении более ста лет. В газете «Правда» (1 августа 2016 г.) в статье «Влияние русской литературы на китайских писателей» отмечается: «На протяжении более ста лет многие литературные гиганты Китая оказались под глубоким влиянием русской литературы. Известная трилогия “Любовь” Ба Цзиня унаследовала художественные приемы И. Тургенева, раскрыв человеческий характер, испытываемый любовью. Творчество И. Тургенева также оказало влияние на стихотворения в прозе Ба Цзиня с их философской лирикой и символикой. Считается, что роман Мао Дуня “Полночь” создан под воздействием “Войны и мира” Л. Толстого»²³¹.

В источнике отмечается влияние на китайскую литературу не только русской дореволюционной литературы, но и современной, военных и послевоенных лет: «В китайской “литературе шрамов” (литература воспоминаний о прошлом, в ней описываются “шрамы”, оставленные в сердцах людей “культурной революцией”), в “тюремной литературе” (произведения писателей, которые несправедливо были посажены в тюрьмы), а также в “литературе образованной молодежи” конца 1970-х гг., в которых звучат обвинения в адрес “культурной революции”, чувствуются глубокий гуманизм и критический дух советской и российской литературы. Эти особенности можно проследить в таких работах, как “Сегодня ночью будет выюга” Лян Сяошэна, “Годы, попусту прожитые” Е Синя, “Классный руководитель” Лю Синью, “Любовью забытый уголок” Чжан Цзе, “Шрам” Лу

²³¹ Без автора. Влияние русской литературы на китайский писателей // Правда. 2016. 29 июля – 1 августа. № 82 (30433). [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2016/82/article-55617/> (дата обращения 09.9.2021).

Синьхуа и др. А рассказ “Красная магнолия под высокой стеной” Цун Вэйси напоминает о повести А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”»²³².

Однако так было не всегда. Китай помнит и периоды полной, глухой изолированности от внешнего влияния, в том числе и языкового: «“Премудрое незнание иноземцев” – так характеризует китайскую культуру Грибоедов устами Чацкого. И в самом деле, в эпоху “Горя от ума” китайцы, уверенные в превосходстве своей традиции, всячески пытались закрыться от влияний извне. В 1721 и 1724 гг. императоры издали указы, карающие смертью любого, кто осмелится учить иностранца китайскому языку. Иностранцам купцам разрешалось находиться только на клочке китайской земли, и общаться с китайцами они могли лишь через особых, назначенных местными властями посредников, да и то строго в рамках необходимости»²³³.

Справедливости ради надо отметить, что не знали китайского языка и в России начала XVII в. В 1618 г. в Китае побывало первое русское посольство, которое возглавил «томский городской казак» Иван Петлин. Общение с местным населением и чиновниками шло на монгольском языке, китайского русские послы не знали. Посольство привезло в Россию царю грамоту от китайского императора о его согласии поддерживать торговые связи. Китайская грамота пролежала в Москве без перевода 57 лет и стала легендарной среди русских чиновников и дипломатов той эпохи, а со временем породила известную идиому «китайская грамота», обозначающую некие загадочные, недоступные пониманию русского человека записи²³⁴.

Однако ситуация постепенно менялась, и уже на рубеже XIX–XX вв. в Китае начали активно переводить не только естественно-научные и

²³² Без автора. Влияние русской литературы на китайских писателей. [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2016/82/article-55617/> (дата обращения: 09.10.2021).

²³³ Шапиро Р.Г. Варвары в Поднебесной. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2010/12/varvary-v-podnebesnoj.html> (дата обращения: 09.10.2021).

²³⁴ Волинец А.Н. Очерк «Как казак Иван ходил до китайского Крыма». [Электронный ресурс]. URL: <https://dv.land/spec/do-kitaiskovo-krymu> (дата обращения: 09.10.2021).

медицинские труды, но и западные книги по гуманитарным наукам, и литературные произведения: «Китайцы постепенно пришли к выводу, что страну невозможно обновить, заимствовав лишь европейские технологии, но оставив неизменным “китайский дух”, отмечается в упомянутой статье в «Иностранной литературе»²³⁵.

«Лян Цичао писал: “Перевод книг – начало перехода к новым нравам”, – и приводил в пример Россию. – “Петр Великий отправился учиться за границу, собрал там всевозможные книги и перевел их на русский язык для наставления народа. Россия до сих пор сохраняет свою силу”. (“О переводе книг”). С 1912 по 1940 гг. треть всех переводов составляют работы по истории, политике, философии, социологии, а четверть – литературные произведения. В полном соответствии с традиционным китайским принципом “словесность несет учение” (хотя новая китайская интеллигенция и отрицала его в своих декларациях) поэт (в том числе и западный) был в Китае больше, чем поэт – он воспринимался и как общественный деятель, и как наставник»²³⁶.

Упоминаются затем “романы о нигилистах” – «весьма вольные переработки преимущественно западноевропейских источников о русских революционерах (наиболее известное произведение – “Восточноевропейские героини”)²³⁷.

«Постепенно китайская интеллигенция обращается к более серьезной русской литературе (“Капитанская дочка”, 1903, – в китайском переводе “Русская любовная история Мэри Смит, или Сон бабочки среди цветов”, “Черный монах” 1907)», отмечается в статье.

Вспоминая об отношении Лу Синя к Гоголю, автор статьи приводит слова Лу Синя: “В молчании России таится крик. Россия – младенец, но не

²³⁵ Шапиро Р.Г. Варвары в Поднебесной. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2010/12/varvary-v-podnebesnoj.html> (дата обращения: 09.10.2021).

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же.

глупец; подземная река, но не высохший колодец. В первой половине XIX в. здесь появился Гоголь. Он не мог видеть ее скорбь и слезы. Он пробуждал своих соотечественников — именно этим восхищался в Шекспире Карлейль»²³⁸.

Этим же восхищался и сам Лу Синь в Гоголе. Его новаторство, вдохновленное влиянием русской литературы, восприняли и другие известные писатели Китая, создавшие в первой половине XX в. ряд произведений, в которых исследователи отмечают влияние прозы Лу Синя. В этом заключается несомненная заслуга Лу Синя в распространении влияния русской литературы на китайских писателей. По сути, воздействие традиций критического реализма русской литературы позволило ему создать новый жанр в литературе Китая, стать основоположником «деревенской прозы». Это происходило на фоне меняющегося социального уклада страны, пробуждения общества к новой жизни. Лу Синь, горячо стремившийся к этому, нашёл достойных последователей.

Так, Чжао Шу-ли (1906–1970), произведения которого переведены в сорока странах, включая Россию, Германию, Италию, Японию, Францию и США, создал образы маленького человека, описывая быт и нравы китайской деревни. Его первый рассказ «Железный бык возвращается на работу» был опубликован в 1930 г.

«Надо быть большим знатоком китайской деревни, иметь очень острый глаз и строгий вкус, чтобы так убедительно и доходчиво писать о жизни китайского крестьянства, его труде, его революционной борьбе за освобождение», — отмечает Н.Т. Федоренко²³⁹.

Действие повестей и рассказов Чжао Шу-ли происходит в сельской местности Северного Китая, в условиях социальных перемен на территориях,

²³⁸Шапиро Р.Г. Варвары в Поднебесной. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2010/12/varvary-v-podnebesnoj.html> (дата обращения: 09.10.2021).

²³⁹ Федоренко Н.Т. Китайская литература: Очерки по истории китайской литературы. М.: Гослитиздат, 1956. С. 616.

занятых коммунистами. В Китае Чжао Шу-ли называют “крестьянином-писателем”. Его рассказы “Женитьба Маленького Эр-хэя” (1943), “Песенки Ли Ю-цзя” (1943), повесть “Перемены в Лицзячжуане” (1946 г.) и роман “Деревня Саньливань” (1955) пользовались большой популярностью среди китайских и зарубежных читателей, отмечалось в публикации информационного агентства Синьхуа²⁴⁰.

Очевидно влияние русской литературы и на творчество Чэня Бай-чэня (1908–1994), который наряду с Лу Синем стоял у истоков новой китайской литературы. Его называют «китайским Гоголем», поскольку в его творчестве явно ощущается это влияние писателя, основоположника натуралистического направления в русской литературе 40-х гг. XIX в., автора знаменитой комедии «Ревизор», созданной в 1835 г. Считается, что пьеса была написана по сюжету, подсказанному Пушкиным, на основе реальных событий. Комедия, завоевавшая популярность во всём мире, до сих пор ставится на сценах театров разных стран.

О популярности «Ревизора» и остроте её сатирического потенциала свидетельствует присутствие на премьере в Санкт-Петербурге Николая I. В статье В.А. Воропаева отмечается живая реакция государя на постановку, которую цензура пыталась запретить: «Во время представления он хлопал и много смеялся, а выходя из ложи, сказал: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне более всех!»²⁴¹. Таким образом, по милости монарха, острой сатирической пьесе Гоголя был дан «зеленый свет».

²⁴⁰ Агентство Синьхуа. Произведения китайского писателя Чжао Шули изданы более чем в 40 странах. [Электронный ресурс]. URL:<http://russian.people.com.cn/31515/4855240.html> (дата обращения: 09.10.2021).

²⁴¹ Воропаев В.А. Над чем смеялся Гоголь. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/nad-chem-smeyalsya-gogol/> (дата обращения: 09.10.2021).

Исследователи рассматривают влияние творчества Гоголя на китайскую литературу «в контексте использования его разоблачительной иронии в борьбе с явлениями капитализма»²⁴².

Уже в 30-е гг. XX в. «Ревизор» ставили в театрах Китая. Так, Е.В. Суровцева упоминает: «В дневнике Лу Синя сохранилась запись от 3 ноября 1935 г. о том, как он вместе с женой присутствовал на шанхайском спектакле постановке «Ревизора»»²⁴³.

Е.А. Серебряков обосновывает логику обращения китайских деятелей культуры к русской драматургии: «Размышляя над сценической судьбой «Ревизора» в Китае, крупный драматург Чэнь Байчэнь приходил к выводу, что шанхайская постановка способствовала росту числа зрителей китайской разговорной драмы, поскольку после гоголевского произведения пробудился интерес к такому театру. По утверждению китайского драматурга, в годы гонений на прогрессивных драматургов и театральные коллективы «работники китайского театра прибегли к новой тактике: они обращались к реалистическим произведениям России и Европы и придавали им большое общественное звучание. Стали искать пьесу о жизни, сходной с китайскими условиями, и с героями, которые были бы знакомы китайскому зрителю. Первый выбор пал на «Ревизора»». После шанхайской постановки гоголевской комедии такое обращение к русской драматургии в трудные периоды истории стало для китайских деятелей культуры хорошей традицией»²⁴⁴.

Чэнь Байчэнь признавался, что шанхайская постановка 1935 г. произвела на него сильное впечатление: «Я очень люблю Гоголя. Его “Ревизор”, поставленный в 1935 г. в Шанхае, оказал на меня огромное влияние, которое

²⁴² Чжоу Сяовэй. Исследование творчества Н.В. Гоголя в Китае // Гуманитарный вектор / Забайкальский гос. ун-т. Сер. Философия, культурология. Чита, 2016. Т. 11. № 2. С. 143–146.

²⁴³ Суровцева Е.В. О влиянии Н.В. Гоголя на Лу Синя. [Электронный ресурс] URL: <http://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 20.9.2020)

²⁴⁴ Серебряков. Е.А. Гоголь в Китае. С. 260.

проявилось во многих моих комедиях, но особенно заметно в пьесе «Картины карьеры чиновников»»²⁴⁵.

Пьеса «Картины карьеры чиновников» написана под явным влиянием «Ревизора», однако Чэнь Бай-чэнь перенес действие на китайскую почву: «Хотя для комедии “Картины карьеры чиновников” мною взяты события из жизни захолустного уездного городка Сычуани, я ощущал, что они необычайно близки к случившемуся в уездном городе старой России. И самое важное “Ревизор” оказал влияние на стиль моей пьесы»²⁴⁶.

Чэнь Бай-чэнь изменил не только место действия гоголевского «Ревизора». В пьесе Чэня Бай-чэня нет прямого заимствования сюжета; он подвергнут трансформации: «Как и Гоголь, Чэнь Бай-чэнь реализует комическую ситуацию *qui pro quo*: за важную особу принимается другой. Но китайский драматург выворачивает наизнанку гоголевский сюжет мнимого ревизора: в его пьесе действуют мнимые чиновники, а ревизор как раз-таки настоящий»²⁴⁷.

У Гоголя чиновники настоящие, а ревизор в лице Хлестакова – мнимый. У Чэня Байчэня всё наоборот: воры переодеты в чиновничьи платья и выдают себя за чиновников, а ревизор настоящий – это правитель провинции, приехавший в уезд.

Если сюжет является «перевертышем», то проекция идейного содержания «Ревизора» на «Картины карьеры чиновников» вполне прямая и очевидная: взяточничество процветает, хотя форма взяток в обеих пьесах разная. В «Ревизоре» чиновники якобы дают мнимому ревизору Хлестакову взаймы, а в китайской пьесе ревизор за бесценок покупает у чиновников дорогие вещи (ковёр стоимостью 58 тысяч юаней – всего за 58 юаней).

²⁴⁵ Колмакова О.А., Ван Чжуанчу. Мотивы комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в пьесе Чэня Байчэня «Картины карьеры чиновников» // Материалы VII Международной научной конференции «Русская литература XX-XXI вв. как единый процесс», Москва, 17–19 декабря 2020 г. С. 80.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же.

Гротескно изображается в китайской комедии лечение мигрени с помощью вдыхания паров золотых слитков, которыми «исцеляется» правитель провинции. Его помощник даёт рецепт: «Для лечения боли с левой стороны достаточно одного золотого слитка, боль справа требует двух, боль во лбу трех, боль в затылке четырех, но если болит вся голова, то необходимо пять слитков»²⁴⁸. Рецепт действует неукоснительно: как только проверяющий касается рукой головы, чиновники сразу подносят ему золотые слитки.

Злая ирония и комизм достигаются не только чисто китайскими штрихами повествования, но и некоторыми художественными приёмами, напрямую заимствованными у Гоголя: «Особое рвение проявляет лжена начальник уезда. В одной из ремарок автор уподобляет его усердно кланяющуюся голову головке чеснока, что перекликается с излюбленным гоголевским приемом сниженно-гастрономического сравнения, вытесняющего из персонажа его человеческое начало»²⁴⁹.

С гоголевским «Ревизором» пьесу Чэня Байчэня сближает социальная острота, которая не могла не отразиться на реакции цензуры. Однако и китайской комедии, как и русской, удалось пробиться сквозь цензурные барьеры: пьеса Чэня Байчэня была впервые поставлена в Чунцине в 1946 г., позже она с успехом шла во многих городах Китая, «несмотря на запреты со стороны официальных властей»²⁵⁰.

Оценивая значение пьесы Чэня Байчэня, Серебряков отмечает: «Некоторая упрощенность и прямолинейность в изображении характеров не помешала пьесе Чэнь Байчэня стать заметным явлением в театральной жизни страны»²⁵¹.

Цитируя Е. Дин-и, Серебряков подчёркивает важное политическое значение пьесы Чэня Байчэня в период с 1945 г. до образования КНР: «пьеса,

²⁴⁸ Колмакова О.А., Ван Чжуанчу. Мотивы комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в пьесе Чэня Байчэня «Картины карьеры чиновников». С. 80.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Серебряков Е.А. Гоголь в Китае. С. 266.

несмотря на серьезные препятствия со стороны гоминьдановских властей, пользовалась поддержкой широких масс и непрерывно исполнялась. Она помогла людям избавляться от лежащей на сердце тяжести, обретать силу в очистительном смехе. Новизна формы, доступный широким массам язык способствовали ее горячему приему зрителем. Пьеса оказала очень большое политическое влияние. Следует признать, что в тот период это была одна из самых сильных в политическом отношении пьес»²⁵².

В наше время интерес к творчеству русских писателей не ослабевает. Так, в 2007 г. «Независимая газета» сообщала о гастролях Кукольного театра из Цюаньчжоу на Фестивале китайской культуры. В рамках Года Китая в России был показан спектакль по пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор», в котором действие перенесено на китайскую почву и удалено в Древний Китай. Как отмечала «Независимая газета», режиссер Люй Чжун-вань «увидел в пьесе Гоголя общечеловеческий сюжет»²⁵³.

В кукольной версии «Ревизора» гоголевские персонажи поменяли имена на китайские: городничего звали не Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, а Цянь Сань, Хлестакова Цзы Сы, мелкого чиновника не Добчинский или Бобчинский, а Ян Дяньши и т.п. «Перенос действия в Китай драматургом Ваном Цзинсянем сделан с учетом китайского контекста и в историческом, и в эстетическом отношении», – отмечалось в публикации.

По мнению её автора, «эффект «кукольности» персонажей комедии Гоголя вполне соответствует типу кукольного театра»²⁵⁴. Комический эффект достигается за счёт того, что «китайские чиновники превращаются режиссером в смешных персонажей с большими деревянными головами с застывшими выражениями лиц и нарочито подчеркнутыми движениями тел».

²⁵² Е. Дин-и. Очерки истории современной китайской литературы. Пекин, 1957. С. 384.

²⁵³ Даминова Ю. Гоголь по-китайски // Независимая газета. 01.11.2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/archivematerials/2007-11-01/13_gogol.html (дата обращения: 09.9.2021).

²⁵⁴ Там же.

В кукольном спектакле, как и в обычном «человеческом» показано, как герои берут и дают взятки. «Это нас сближает со средневековым Китаем, а Гоголь оказывается посредником для обозначения старой, как мир, проблемы», – утверждает источник²⁵⁵.

Китайский кукольный театр является уникальным явлением культуры и имеет тысячелетние традиции. Постановка пьесы «Гоголя» в наши дни именно в таком жанре, с одной стороны, показывает преемственность традиций в китайском театральном искусстве, а с другой стороны – силу влияния русской литературы на китайскую драматургию, сохранение актуальности гоголевской пьесы даже в таком необычном прочтении²⁵⁶.

Один из российских телеканалов сообщал, что в Китае этот спектакль получил Госпремию, а в России «его встретили громкими аплодисментами»²⁵⁷.

Влияние российской литературы на китайских драматургов сохраняется и развивается. «Зрителям Поднебесной гоголевский “Ревизор” оказался настолько близким и понятным, что в кукольном театре решили поставить произведение другого русского классика. Как будут в китайской версии выглядеть герои романа Достоевского “Игрок”, режиссер пока держит в секрете», – отмечалось в сообщении телеканала²⁵⁸.

Опыт культурного российско-китайского обмена в сфере драматургии имел место и раньше: «первое знакомство передовых деятелей уникального

²⁵⁵ Даминова Ю. Гоголь по-китайски // Независимая газета. 01.11.2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/archivmaterials/2007-11-01/13_gogol.html(дата обращения: 09.9.2021).

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Филоненко Р.Г. Китайскую постановку гоголевского «Ревизора» московские зрители встретили овациями. 2007. 4 ноября. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2007-11-04/197961-kitayskuyu_postanovku_gogolevskogo_revizora_moskovskie_zriteli_vstretili_ovatsiyami (дата обращения: 09.10.2021).

²⁵⁸ Там же.

тысячелетнего театрального искусства Китая с русским театром состоялось еще в начале XX в.»²⁵⁹.

В числе постановок на театральных сценах Китая тех лет упоминается и «Ревизор» Гоголя. Так, автор научной статьи отмечает: «К 1930-м годам русский, советский театр уже завоевал здесь серьезный авторитет. В частности, после разгрома второго наступления чанкайшистских войск на Центральный советский район в городе Жуйцзинь (провинция Цзянси) зимой 1932 г. были созданы Центральная театральная труппа и драматическая школа имени Горького. Их пьесы «Вооружайтесь!» (Ша Кэ-фу), «Красный разведчик» (Ху Ди), «Победим во что бы то ни стало!» (Ли Бо-чжао) и т.д. имели большой успех, а подготовленные здесь кадры артистов в годы Великого похода организовали в Жуйцзине под руководством Цюй Цю-бо три драматических коллектива, выступавших в деревнях и на фронтах. В конце 1930-х гг. театральные труппы учрежденной в Яньани Академии искусств имени Лу Синя (1937) ставили, в частности, «Ревизора» Н.В. Гоголя, «Грозу» А.Н. Островского, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Человек с ружьем» Н.Ф. Погодина и т.д.»²⁶⁰.

Даже Китайский художественный театр молодежи, основанный в 1949 г. и находившийся в поиске новой драматургии, сохранял в своём репертуаре произведения русских классиков – комедию Н.В. Гоголя «Ревизор», драму А.П. Чехова «Дядя Ваня»²⁶¹.

Подводя итог третьей главы, необходимо отметить, что интерес китайских писателей к русской литературе и её влияние на развитие литературы Китая – это процесс, который продолжается и в наши дни, в русле развития культурного сотрудничества между обеими странами. «Многотысячелетняя китайская цивилизация и уникальная культура России

²⁵⁹ Савельева О.В. Советский театр в Китае: из истории гастролей середины 1950-х гг. [Электронный ресурс]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-teatr-v-kitae-iz-istorii-gastroley-serediny-1950-h-gg>(дата обращения: 09.10.2021).

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же.

притягательны для народов двух этих стран, и этот интерес передается из поколения в поколение», – отмечает И. Ряснов в научной статье по данной теме²⁶².

²⁶² Ряснов И.А. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI в. // Власть. М., 2013. № 9. С. 79–81.

Заключение

Проблемы творчества и биографии Лу Синя остаются одними из наиболее актуальных в китайском литературоведении по сей день. Именно Лу Синь впервые в своих произведениях поднял важнейшие для китайской новой культуры нравственные и социальные вопросы, благодаря чему его произведения до сих пор имеют огромное значение как для литературной, так и для научной среды Китая. Чтение произведений Лу Синя позволяет лучше понять Китай, его культуру и историю.

Как и Н.В. Гоголь в России, Лу Синь обращался к наиболее болезненным и актуальным проблемам общества и подвергал социальные пороки беспощадной сатире. Сходство между творчеством Лу Синя и Гоголя отмечалось многими китайскими, российскими, советскими, западноевропейскими и даже американскими исследователями-филологами; этот феномен продолжают изучать и в наши дни.

Русская литература оказала большое влияние на современную китайскую литературу. В начале XX в. наиболее популярными в Китае становились такие русские писатели, как Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Андреев, М. Горький и т.д. Русская литература сыграла важную роль в становлении творческого мастерства Лу Синя. Русские исследователи, изучая тему “Русская литература в Китае”, уделяют наибольшее внимание изучению творчества Лу Синя и сопоставлению его произведений с произведениями Н.В. Гоголя.

Западноевропейские и американские исследователи впервые обратились к изучению творчества и биографии Лу Синя после окончания Первой мировой войны, оказавшей губительное влияние на Европу. Европейские и американские учёные задумывались о недостатках западной цивилизации; западная интеллигенция стала чаще обращать взгляд на восточную культуру.

Европейские учёные обратились к исследованию китайской культуры, в частности, творчества Лу Синя.

Изучая влияние Гоголя на творчество Лу Синя, китайские исследователи сопоставляли социально-исторический и культурный фон создания их произведений, названия, жанр, форму, сюжет и т.д. В центре внимания исследователей оказалось создание Лу Синем повести “Записки сумасшедшего” и сопоставление её с одноименным произведением Гоголя. Исследователь Е.А. Серебряков отмечал, что Лу Синь опирался на духовную поддержку русского классика. Лу Синь воспринял наследие Гоголя как высокое искусство. По мнению В.В. Петрова, у Гоголя Лу Синем «заимствованы форма повествования (дневник) и приём критики общественного зла (восприятие мира глазами душевнобольного)». Е.В. Суровцева подчёркивала различие формы дневниковых записей главных героев «Записок сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя.

Немногие европейские и американские исследователи изучали влияние творчества Гоголя на произведения Лу Синя. Авторитетный ученый Dr. Jon Tugene von Kowallis обращал внимание на различие между гоголевским и лусиневским произведениями, анализируя вопрос о рецепции творчества Гоголя в произведениях Лу Синя.

Таким образом, вопрос о влиянии творчества Н.В. Гоголя поднимался в литературоведении всего мира, он остается актуальным и сейчас. Аспекты изучения данного феномена, методы и взгляды ученых разнились и в зависимости от разницы в научно-культурной среде, и в рамках одной литературоведческой школы. Среди основных параметров, по которым сопоставляется творчество Н.В. Гоголя и Лу Синя, можно выделить мотивно-образное содержание произведений, художественный стиль и направление, связь с культурным и социально-историческим фоном, идейное, и реже – религиозно-философское содержание.

Подводя итог настоящей работе, необходимо также отметить анализ переводческой деятельности Лу Синя, представившего китайским читателям «Мертвые души» Гоголя; его роль в распространении русской литературы в Китае, а также её влияние на творчество китайских писателей.

Как нам представляется, тема настоящего исследования является частью процесса развития российско-китайского культурного сотрудничества, особенно актуального в последнее десятилетие и имеющего широкие перспективы.

Библиография

Источники

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской патриархии, 2009–2010.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души / Пер с русского Лу Синя. Пекин: Литературное издательство народа, 1952. 389 с. (果戈里 《死魂灵》，鲁迅译。北京：人民文学出版社，1952 年版，共 389 页。)
3. Лу Синь. Повести и Рассказы. Библиотека всемирной литературы / Пер. с кит., сост., вступ. ст. Л.З. Эйдлина. М.: Изд-во Художественная литература, 1971. 496 с
4. Лу Синь. Правдивая история А-Кея. Пер. с китайского. / Под ред. Б.А. Васильева; [обл. худож. Л. Хижинского]. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
5. Лу Синь. Собрание сочинений: В 4 т. Пер. с китайского / Под общ. ред. В.С. Колоколова; сост. Л. Д. Позднеева. М.: Гослитиздат, 1955–1956.
6. Лу Синь. Избранные произведения. Перевод с китайского / Сост. С. Хохловой. Вступ. статья Л.З. Эйдлина. М.: Изд-во Художественная литература, 1981. 422 с.
7. Лу Синь. Полное собрание сочинений и писем: В 18 т. / отв. ред. Ван Хай-бо. Пекин: Литературное издательство народа, 2005. (鲁迅 《鲁迅全集·18 卷》。王海波编，北京：人民文学出版社，2005 年。)

Исследования

I

8. Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания: К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 2000. 445 с.
9. Воропаев В.А. Н.В. Гоголь и святоотеческое наследие (к постановке проблемы) // Вестник Московского ун-та. М., 2017. № 5. С. 9–20.

10. Гэ Бао-цюан. Гоголь в Китае // Огонек. М.: 1952. № 10. С. 17.
11. Гольденберг А.Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте: Учебное пособие. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. 108 с.
12. Гэ Тао. Исследование рукописи перевода Лу Синя первого тома «Мертвых душ» с немецкого языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Востоковедение и Африканистика. СПб, 2017. Т. 9. № 4. С. 429–439.
13. Кара-Мурза Г. Китайская литература // Литературная энциклопедия (1929–1939): В 11 т. Т. 5 / Отв. ред. А.В. Луначарский. М.: Изд-во Коммунистической академии., 1931. С. 227–253.
13. Колмакова О.А., Ван Чжуанчу. Мотивы комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в пьесе Чэня Байчэня «Картины карьеры чиновников» // Материалы VII Международной научной конференции «Русская литература XX–XXI вв. как единый процесс», Москва, 17–19 декабря 2020. С. 80–83.
14. Конфуций. Лунь Юй. Юн Е (Что касается юна...) / Пер. с китайского Л.С. Переломова М.: Восточная литература, 2001. 424 с.
15. Ли Аньци. История изучения повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя в Китае в контексте влияния одноименного произведения Н.В. Гоголя // Litera. М., 2019. № 4. С. 26–34.
16. Ли Аньци. Лу Синь как переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Казанская наука. Казань, 2019. № 9. С. 11–15.
17. Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия Русская филология. М., 2020. № 3. С. 85–93.
18. Ли Аньци. Лу Синь и Н.В. Гоголь: неисследованная область поэзии // Litera. М., 2021. № 11. С. 19–28.
19. Лукьянов А.Е. Передаю... / Суждения и беседы «Лунь Юй» / Конфуций. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2019. 152 с.
20. Михайлова М.В., Шэ Сяо-лин. Лу Синь в России // Известия

Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, № 4. С. 85–90.

21. Петров В.В. Лу Синь: Очерк жизни и творчества. М.: Гослитиздат, 1960. 383 с.

22. Позднеева Л.Д. Лу Синь: Очерк жизни и творчества. М.: Молодая гвардия, 1957. 287 с.

23. Позднеева Л.Д. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881–1936). М.: Изд-во Московского ун-та, 1959. 572 с.

24. Ручина А.В. Повесть Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921): проблематика и поэтика // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5–1 (71). С. 25–29.

25. Ряснов И.А. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI в. // Власть. М., 2013. № 9. С. 79–81.

26. Сорокин В.Ф. Формирование мировоззрения Лу Синя: (Ранняя публицистика и сборник «Клич») / Академия наук СССР. Ин-т китаеведения. М.: Изд-во «Восточная литература», 1958. 196 с.

27. Семанов В.И. К новой классике // Вопросы литературы. М., 1962. № 8. С. 143–152.

28. Семанов В.И. Иностранная литература в Китае на рубеже XIX–XX веков // Из истории литературных связей XIX века / Академия наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького; [Введ. И.Г. Неупокоева]; [Редколлегия: У.А. Гуральник и др.]. М., 1962. С. 267–311.

29. Семанов В.И. Лу Синь и его предшественники / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1967. 148 с.

30. Серебряков. Е.А. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: Н.К. Гей, Ю.В. Манн (отв. ред.), К. Рехо. М.: Наука, 1988. С. 225–274.

31. Сун Инънань. Исследование творчества Н.В. Гоголя в Китае: литературоведческие школы и их методологические проблемы // Вестник

Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. СПб., 2017. № 2. С. 65–68.

32. Суровцева Е.В. Лу Синь и Н.В. Гоголь // Материалы XIV международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Серия Филология (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 11–14 апреля 2007 г.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. С. 323–326.

33. Суровцева Е.В. Творчество Лу Синя и русская классическая проза XIX века // Сравнительное и общее литературоведение: сб. статей молодых ученых. Вып. 2 / Под ред. проф. Л.В. Чернец (отв. ред.), проф. Н.А. Соловьёвой, доц. Н.З. Кольцовой. М.: МАКС-Пресс, 2008. С. 56–64.

34. Фадеев А.А. О Лу Сине // Литературная газета. М., 1949. 29 октября. № 087(2574).

35. Федоренко Н.Т. Великий китайский писатель Лу Синь. М.: Знание, 1953. 32 с.

36. Федоренко Н.Т. Китайская литература: Очерки по истории китайской литературы. М.: Гослитиздат, 1956. 731 с.

37. Чжан Цзиньцуй. Образ Башмачкина и русское общество гоголевского времени // Исследования Сибири. 2014. № 1. С. 70–72.

38. Чжоу Сяовэй. Исследование творчества Н.В. Гоголя в Китае // Гуманитарный вектор / Забайкальский гос. ун-т. Сер. Философия, культурология. Чита, 2016. Т. 11. № 2. С. 143–146.

39. Чэнь Бай-чэнь. Театральная энциклопедия. Том 5 / Глав. ред. П. Марков. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1136 с.

40. Эйдлих Л.З. О сюжетной прозе Лу Синя // Лу Синь. Повести. Рассказы. М.: Изд-во Художественная литература. С. 5–30.

II

41. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 3 / Пер с русского Мань Тао. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1980. 745 с. (别林斯基 别林斯基选集。满涛译, 第3卷, 上海: 译文出版社, 1980)

年，745 页。)

42. Ван Вэньцзинь. Разъяснение «Ли цзи». Пекин: Китайское книгоиздательство, 2001. 955 с. (王文锦 礼记译解。北京: 中华书局, 2001 年, 955 页。)

43. Ван Имэй. Сравнение повестей «Записки сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Собрание исследований (журнал первой трети месяца). Хэфэй, 2006. № 3. С. 95–96. (王一玫 鲁迅与果戈理《狂人日记》之比较。科教文汇(上旬刊), 合肥, 2006 年, 第 03 期第 95–96 页。)

44. Ван Фужэнь. История и современное состояние исследований творчества Лу Синя в Китае. Фучжоу: Фуцзяньское образовательное издательство, 2006. 278 с. (王富仁 中国鲁迅研究的历史与现状。福州: 福建教育出版社, 2006 年。278 页。)

45. Ван Фужэнь. Ранние повести Лу Синя и русская литература. Тяньцзинь: Тяньцзиньское педагогическое издательство, 1983. 181 с. (王富仁 鲁迅前期小说与俄罗斯文学。天津: 天津教育出版社, 1983 年。181 页。)

46. Ван Хай-ся. В путь с крестом на спине: творчество позднего Гоголя и его идеологические поиски: дис. д-ра. филол. наук. Шанхай, 2004. 153 с. (汪海霞 身背十字架的道路 – 果戈理的晚期作品及其思想探索。上海: 上海外国语大学, 2004 年, 153 页。)

47. Ван Хун-янь. Краткий анализ одноименных повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Молодой литературовед. Цицикар, 2009. № 19. С. 41. (王洪艳 浅谈鲁迅与果戈理同名小说《狂人日记》。青年文学家, 齐齐哈尔, 2009 年, 第 19 期第 41 页。)

48. Ван Цзи-пэн. Поиск всемирности Лу Синя: сравнительная история исследований Лу Синя и иностранных культур. Шэньян: Ляонинское народное издательство, 1999. 527 с. (王吉鹏 鲁迅的世界性探寻: 鲁迅与外国文化比较史。沈阳: 辽宁人民出版社, 1999 年。527 页。)

49. Ван Цзяпин. Основные направления исследований Лу Синя в 1990-е гг. XX в. // Вестник капитального педагогического университета. Пекин, 2007. № 2. С. 84–90. (王家平 20 世纪 90 年代西方鲁迅研究的基本走向。北京，首都师范大学学报，2007 年，第 2 期第 84–90 页。)

50. Ван Цзяпин. Перевод и исследование в Европе и Америке начала XX века // Ежемесячный журнал исследования Лу Синя. Пекин, 2005. № 4. С. 48–57. (王家平 20 世纪前期欧美的鲁迅翻译和研究。鲁迅研究月刊，北京，2005 年，第 4 期第 48–57 页。)

51. Ван Цзяпин. Распространение исследования произведений Лу Синя в зарубежных странах (1909–2008). Пекин: Издательство Пекинского ун-та, 2009. 449 с. (王家平 鲁迅域外百年传播史 (1909–2008)。北京：北京大学出版社，2009 年。449 页)

52. Ван Хань. Сравнительное исследование Лу Синя и Гоголя (Записки сумасшедшего): дис. маги. филол. наук. Лиаонин, 2017. 91 с. (王晗：《鲁迅与果戈里的比较研究》，辽宁大学，研究生论文，2017 年。91 页。)

53. Ван Чжигэн. Гоголь в Китае в течение 80 лет // Исследование зарубежной литературы. Ухань, 1990. № 2. С. 94–99. (王志耕 果戈里在中国的八十年历程。外国文学研究，武汉，1990 年，第 2 期，第 94–99 页。)

54. Гао Цзе. Сравнительный анализ одноимённой повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Вестник Уаньаньского ун-та. Серия социальных наук. Уаньань, 1988. № 4. С. 52–59. (高杰 果戈理、鲁迅两篇《狂人日记》之比较。延安大学学报 (社会科学版)，延安，1988 年，第 04 期，第 52–59 页。)

55. Гао Чан-шань. Перевод «Сюнь цзи» с примечаниями. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2000. С. 372. (高长山 荀子译注。北京：中华书局，2000 年，第 372 页。)

56. Гу Гочжу. Отличный пример принципа “О том, как брать” – сравнение между двумя «Записками сумасшедшего» // Форум Наньду.

Гуанчжоу, 1990. № 2. С. 40–43. (顾国柱 “拿来主义” 的光辉范例 – 鲁迅与果戈理同名小说《狂人日记》之比较。南都学坛, 广州, 1990 年, 第 10 卷第 02 期第 40–43 页。)

57. Гэ Бао-цюань. Место Лу Синя в мировой литературе // Журнал «Жэньвэнь». Сиань, 1981. № 4. С. 13–15. (戈宝权 鲁迅在世界文学史上的地位。人文杂志, 西安, 1981 年, 第 04 期第 13–15 页。)

58. Гэ Бао-цюань. Положение Лу Синя в истории мировой литературы. Сиань: Шаньси народное издательство, 1981. 59 с. (戈宝权: 《鲁迅在世界文学史上的地位》, 西安: 陕西人民出版社, 1981 年。共 59 页。)

59. Джон Евгений фон Коваллис (Jon Eugene von Kowallis). Пер с англ. Цзян И-синь. Перевод и творческая индивидуальность – Переоценка Лу Синя как переводчик // Ежемесячный журнал исследования Лу Синя. Пекин, 2011. № 8. С. 26–33. (寇志明著, 姜异新译 翻译与独创性 – 重估作为翻译家的鲁迅。鲁迅研究月刊, 北京, 2011 年, 第 8 期第 26–33 页。)

60. Ду Вэй, Сюй Цзя-фан. Моё мнение о «Записках сумасшедшего» Лу Синя – сравнительный анализ с одноименной повестью Гоголя // Ученые записки Бохайского ун-та. Серия социальных наук. Цзиньчжоу, 1986. № 3. С. 29–34, 50. (杜卫, 徐加方 鲁迅《狂人日记》之我见试 – 与果戈里同名小说之比较。渤海大学学报社会科学版, 锦州, 1986 年, 第 03 期第 29–34, 50 页。)

61. Дуань Ши-сю. Улыбка «сквозь слезы» в творчестве Н.В. Гоголя // Писатель. Цзилинь, 2020. № 8. С. 77–78. (段士秀 “含泪的笑” 在果戈里创作中的体现。作家, 吉林, 2010, 第 77–78 页。)

62. Е Дин-и. Очерки истории современной китайской литературы. Пекин: Изд-во «Писатель», 1957. 456 с. (叶丁易 中国现代文学史略。北京: 作家出版社, 1957 年, 456 页。)

63. Жэнь Гуан-суань. Анализ религиозного мировоззрения в творчестве Гоголя // Критика зарубежной литературы. Пекин, 1993. № 4.

C.105–111. (任光宣 论果戈里创作中的宗教观念, 外国文学评论, 1993 年, 第 4 期, 第 105–111 页。)

64. Ли Чунь-линь. Исследование связей между Лу Синем с иностранной литературой. Чанчунь: Гириное народное издательство, 2003. 975 с. (李春林 鲁迅与外国文学关系研究。长春: 吉林人民出版社, 2003 年。975 页。)

65. Ли Юй-хуй. Различия между «Записками сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Горные цветы. Гуйян, 2013. № 24. С. 133–134. (李宇辉 果戈理与鲁迅《狂人日记》的差异性比较。山花, 贵阳, 2013 年, 第 24 期第 133–134 页。)

66. Ли Юн. Наивный романтический цвет и тяжёлая «жизненнизм» – сравнительный анализ «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Горные цветы. Гуйян, 2010. № 14. С. 126–128. (李勇 天真的浪漫色彩沉重的生命主义 – 比较果戈理、鲁迅同名作《狂人日记》。山花, 贵阳, 2010 年, 第 14 期第 126–128 页。)

67. Линь Фэй. Как понимать образа сумасшедшего // Преподавание китайского языка в средней школе. Пекин, 1980. № 2. (林非 怎样认识狂人形象。中学语文教学, 北京, 1980 年, 第 02 期。)

68. Лин Цзин-хуа. Как процесс современной китайской литературы сталкивается с проблемой православной церкви в русской литературе // Литературная критика. Пекин, 2015. № 6. С. 42–53. (林精华 中国现代文学进程如何面对俄罗斯文学中的东正教问题。文学评论, 北京, 2015 年第 6 期, 第 42–53 页。)

69. Лин Юй-шэн. Кризис китайского сознания: Сложность сознания Лу Синя. Гуйян: Гуйчжоуское издательство народной литературы, 1988. 437 с. (林毓生 中国意识的危机 • 鲁迅意识的复杂性。贵阳: 贵州人民出版社, 1988 年。437 页。)

70. Ло Жун-цзюй. Начало пути пионеров – сравнительный анализ одноименных повестей «Записки сумасшедшего» // Литература этого времени. Цзинань, 2014. № 2. С. 152–153. (罗荣菊 先驱征途的起点 – 同名小说《狂人日记》比较。时代文学, 济南, 2014 年, 2 月下半月刊第 152–153 页。)

71. Ло Сюань-минь. Переводы зарубежной литературы в Китае. Хэ Фэй: Аньуйское литературное и художественное издательство, 2003. 365 с. (罗选民 外国文学翻译在中国。合肥: 安徽文艺出版社, 2003 年。365 页。)

72. Лю Гун. Памятник реалистической литературы – исторические особенности литературных и искусственных эстетических мыслей Лу Синя и Гоголя // Ганьсусские общественные науки. Ланьчжоу, 1992. № 2. С. 54–57. (刘珙 现实主义的文学丰碑 – 鲁迅与果戈理文艺美学思想的历史特征。甘肃社会科学, 兰州, 1998 年, 第 02 期第 54–56 页。)

73. Лю Хун-бо. Анализ «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: дис. док. филол. наук. Пекин, 2002. 142 с. (刘洪波 果戈里的《与友人书简选》分析。北京: 北京大学出版社, 2002 年。142 页。)

74. Лян Ци-чао. Классические произведения Ляна Цичао. Под ред. Тэн Хао. Пекин: Изд-во Современный мир, 2016. 251 с. (梁启超 梁启超经典。滕浩主编, 北京: 当代世界出版社, 2016 年 251 页。)

75. Музей Лу Синя. Воспоминания Лу Синя / Сборник статей «Ежемесячного журнала исследований Лу Синя». Пекин: Пекинское издательство, 1999. (鲁迅博物馆 鲁迅回忆录。北京: 北京出版社, 1999 年。)

76. Мын Ши-хуан. К вопросу о Гоголе // Литературная газета. 1934. Т. 1. № 5. (孟十还 果戈里论。文学报, 1934 年第 1 卷第 5 号。)

77. Оу-янь Фань-хэй. Книги Лу Синя. Гуйлин: Гуйлинское библиографическое издательство, 1942. 379 с. (欧阳凡海 鲁迅的书。桂林: 桂林文献出版社, 1942 年。379 页。)

78. Пэн Ди-нань. «Записки сумасшедшего» Лу Синя и одноимённая

повесть Гоголя // Фронт в области общественных наук. Чанчунь, 1982. № 1. С. 293–301. (彭定安 鲁迅的《狂人日记》与果戈里的同名小说。社会科学战线, 长春, 1982 年, 第 01 期第 293–301 页。)

79. Сао Цзин-хуа. Гогольский столетний фестиваль // Жэньминь жибао. Газ. 1952. 3 марта. (曹靖华 果戈里百年祭。人民日报, 1952 年三月三日。)

80. Современное исследование о Лу Сине в мире говорящего по-английски. под ред. Лэ Дайюнь. Наньчан: Цзянсиское народное издательство, 1993. 464 с. (当代英语世界的鲁迅研究, 乐黛云主编。南昌: 江西人民出版社, 1993 年。464 页。)

81. Сун Цзя. Сравнительный анализ «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Цзяньнань литература (классические произведения). Мянъян, 2012. № 3. С. 65–67. (宋佳 果戈理与鲁迅两种版本《狂人日记》之比较分析。剑南文学 (经典教苑), 绵阳, 2012 年, 第 03 期第 65–67 页。)

82. Сунь Гуй-фан. Одинаковая форма и различные сущности, выражение глубокой печали и гнева – сравнительный анализ «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Гэньсуские социальные науки. Ланьчжоу, 2009. № 4. С. 123–125. (孙桂芳 形同质异, 忧愤深广 – 两篇《狂人日记》比较。甘肃社会科学, 兰州, 2009 年, 第 4 期第 123–125 页。)

83. Сы Я-пин. Изучение гоголевского повествовательного искусства: дис. маги. филол. наук. Накин, 2014. 59 с. (司亚萍 果戈里的叙事艺术研究。南京师范大学, 研究生论文, 2014 年, 59 页)

84. Сюй Цзинь. Влияние иностранных писателей на Лу Синя на материале «Записок Сумасшедшего» // Вестник Цзямусянского ун-та. Серия социальных наук. Цзямусы, 2001. Т. 19. № 1. С. 61–63. (徐瑾 从《狂人日记》看外国作家对鲁迅的影响。佳木斯大学社会科学学报, 佳木斯, 2001 年, 第 19 卷第 01 期第 61 – 63 页。)

85. Сюй Шоу-шан. Впечатления от мертвого друга Лу Синя. Пекин:

Издательство народной литературы, 1981. 227 с. (许寿裳 亡友鲁迅印象记。北京：人民文学出版社，1981 年 227 页。)

86. Ся Тянь. Сравнительное исследование повестей «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Северная литература. Харбин, 2014. № 3. С. 88–89. (夏天 鲁迅与果戈理《狂人日记》的比较研究。北方文学，哈尔滨，2014 年，第 03 期第 88–89 页。)

87. У Юй. Людоед и нравственные нормы // Синь Цин-нянь. Шанхай, 1919. Т. 6. № 6. (吴虞 吃人和礼教。新青年，上海，1919 年第 6 卷第 6 号。)

88. Фадеев А.А. «Разгром». Пер с русского. Лу Синь. Пекин: жизнь-чтение-знание книгоиздательство «Санлянь», 2018. 245 с. (法捷耶夫：《毁灭》，鲁迅译，北京：生活·读书·新知 三联书店，2018 年，245 页。)

89. Фу Сы-нянь. О реформе драмы со всех сторон // Новая молодёжь. Пекин, 1918. Т. 5. № 4. С. 15–41. (傅斯年 戏剧改良各面观，北京，1918 年，第 5 卷第 4 号第 15–41 页。)

90. Фу Фэй. Сравнение повестей «записок сумасшедшего» // Молодежное время. Шицзячжуан, 2011. № 16. С. 25. (付飞 《狂人日记》之比较。青春岁月，石家庄，2011 年，第 16 期第 25 页。)

91. Фэн Сюе-фэн. Литературная путь Лу Синя. Чанша: Хунаньское народное издательство, 1980. 272 с. (冯雪峰 鲁迅的文学道路。长沙：湖南人民出版社，1980，272 页。)

92. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2015. 660 с. (冯友兰 中国哲学简史。北京：外语教育与研究出版社，2015 年，660 页。)

93. Ха Ин-фэй. 4 мая Писатели и буддийская культура. Шанхай: Совместная издательская компания СДХ, 2002. 311 с. (哈迎飞 五四作家与佛教文化。上海：三联文化书店，2002 年 311 页。)

94. Хуан Синь-фэн. О сатирических приемах Гоголя в повести

«Шинель» // Изучение русского языка. 2011. № 5. С. 52–54. (黄新峰 论果戈理《外套》的讽刺艺术手法。俄语学习, 2011 年第 5 期, 第 52–54 页。)

95. Хэ Гань-чжи. Исследование о мысли Лу Синя. Чанчунь: Книжный дом северо-восточного Китая. 162 с. (何干之 鲁迅思想研究。长春: 东北书店出版社, 1948 年。162 页。)

96. Цуй Цзань-вэнь. Умение заимствования и смелость в инновации – чтение одноименных повестей Лусиня и Гоголя «Записки сумасшедшего» // Вестник Гуансиского ун-та. Серия философии и социальных наук. Наннин, 1988. № 2. С. 49–52. (崔赞文 善于借鉴勇于创新 – 读鲁迅和果戈理的同名小说《狂人日记》。广西大学学报(哲学社会科学版), 南宁, 1988 年, 第 01 期第 49–52 页。)

97. Чжан Сюе-хуа. Сравнительное исследование «Записок сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Развитие экономики и общества. Наннин, 2005, № 2. С. 162–164. (张雪花。鲁迅与果戈理同名小说《狂人日记》比较研究。经济与社会发展, 南宁, 2005 年, 第 02 期第 162–164 页。)

98. Чжоу Ся-шоу. Герои рассказов Лу Синя. Пекин: Литературное издательство народа, 1959. 326 с. (周遐寿。《鲁迅小说里的人物》, 北京: 人民文学出版社, 1959 年。共 326 页。)

99. Чжоу Ци, Ло Ливэнь. Сравнение между одноимёнными повестями «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Журнал Кэцзяо Вэньхуй. Хэфэй, 2010. № 6. С. 59–60. (周琦, 罗丽文。鲁迅和果戈理的同名小说《狂人日记》之比较。科教文汇, 合肥, 2010 年, 6 月中旬刊第 59–60 页。)

100. Чжоу Ци-чао. Между эстетической утопией и религиозной утопией – анализ орбиты художественной мысли Гоголя// Критика зарубежной литературы. Пекин, 2004. № 4. С. 81–88. (周启超 徘徊于审美乌托邦与宗教乌托邦之间 – 果戈理的文学思想轨迹刍议。外国文学评论, 北京, 2004 年, 第 4 期, 第 81–88 页。)

101. Чжу Вэй-чжи. Христианство и литература. Шанхай: Шанхайский книжный магазин, 1992. 323 с. (朱维之:《基督教与文学》,上海:上海书店,1992年,323页。)

102. Чэн Сян-ян. Заимствование и инновации – чтение одноименных повестей Лусиня и Гоголя «Записки сумасшедшего» // Литературные и педагогические материалы. Нанкин, 2008. № 6. С. 13–15. (陈向阳 拿来和创新 – 读鲁迅和果戈理的同名小说《狂人日记》。文教资料,南京,2008年,第06期第13–15页。)

103. Чэнь Цзянь-хуа. С «Русской притчи» до творчества И.А. Крылова – о ранних переводах русской литературы в Китае // Сравнительная литература в Китае. Шанхай. №. 4. 1996. С. 90–100. (陈建华 从《俄人寓言》到克雷洛夫寓言 – 谈谈中国早期的俄国文学译介。中国比较文学,上海,1996年,第04期第90–100页。)

104. Чэн И-вэй, Ли Чуньлинь. Лу Синь и «Мертвые души» Н.В. Гоголя // Весник Шаньдунского педагогического университета. Цзинань. 2004. № 06. С. 28–31. (程义伟,李春林 鲁迅与果戈里的《死魂灵》。山东师范大学学报,济南,2004年第6期,第28–31页。)

105. Чэн Юн. Чему учиться у Гоголя // Жэньминь вэньсюе. Пекин, 1952. № 3/4. С. 64. (陈涌 向果戈里学习什么。北京,人民文学,1952年第3/4期,第64页。)

106. Шао Бо-чжоу. Три тематик о посести «Записки сумасшедшего» // Вестник Шанхайского пед. ун-та. Серия философских и гуманитарных наук. Шанхай, 1983. № 2. С. 16–24. (邵伯周 《狂人日记》研究三题。上海师范大学学报·哲学社会科学版,上海,1983年,第2期第16–24页。)

107. Шэнь Юй-ли. Типичный пример заимствования и новаторства – сравнительный анализ одноименных повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Вестник Хэбэйского пед. ун-та. Шицзячжуан, 1982. № 2. С. 19–25. (沈渝丽 借鉴、创新的光辉范例 – 鲁迅与果戈理的同名小说《狂人日

记》之比较。河北师范大学学报，石家庄，1982年，第02期第19-25页。)

108. Ян И. Связь между повестей Лу Синя с иностранными произведениями. Шанхай: Шанхайское искусственное издательство, 1987. (杨义 论鲁迅小说及其与外国文学的关系。上海：上海文艺出版社，1987年。)

109. Ян Ли. Сравнение между «Записками сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя // Академические обмены. Харбин, 2003. № 6. С. 149–150. (杨莉 鲁迅、果戈理《狂人日记》之比较。学术交流，哈尔滨，2003年，第06期第149-150页。)

110. Яо Итин. Психологическая реальность позади изображения – сравнительный анализ одноименных повестей «Записки сумасшедшего» Лу Синя и Гоголя // Северная литература. Харбин, 2011. № 3. С. 15. (姚怡婷 “意象背后的心理真实” – 鲁迅、果戈理同名小说《狂人日记》比较。北方文学，哈尔滨，2011年，第03期第15页。)

III

111. Fokkema, Douwe, ‘Lu Xun: The Impact of Russian Literature.’ In Modern Chinese Literature in the May Fourth Era. Merle Goldman, ed. Massachusetts and London: Harvard University Press. 1977. P. 90–91.

112. Lee, Leo Ou-fan. Voices from the Iron House: A Study of Lu Xun. Studies in Chinese literature and society. Theories of Representation and Difference. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 2002. 254 p.

113. Lyell, William A. Lu Hsun's Vision of Reality. Berkeley: University of California Press. 1976. 355 p.

114. Medvedeva O. Lu Xun in the Rhetoric of the Sino-Soviet Split: A View from Contemporary Russia // Frontiers of Literary Studies in China. 2013, Vol. 7. Issue (3). P. 483–493.

115. Semanov V.I. Lu Hsun and His Predecessors. Translated and edited by Charles J. Albert. New York, 1980. 175 p.

116. Snow E.P., Smedly A. Living China: Modern Chinese Short Stories.

Harrap, London, 1936. 96 p.

117. Tai, Yu-Fen, La traducción literal del escritor Lu Xun (1881–1936) como impulso a la lengua vernácula (baihua) y a la nueva literatura en China, Estudios de Traducción. 2012. Vol 2. P. 157–166.

118. Tang Xiaobing. Lu Xun's "Diary of a Madman" and a Chinese Modernism // PMLA. 1992. Vol. 107. No. 5. P. 1222–1232.

119. Terry Yip. World Literature and Cultural Transformation in Modern Chinese Literature // Interlitteraria. 2012/ Vol. 17. P. 50–64.

120. Tina Ilgo, The Significance of Symbolic Elements in Lu Xun's Short Stories // Asian and African Studies XIV. 2020. Vol. 3. P. 19–28.

121. Wong Yoon Wah. Essays on Chinese Literature: A Comparative Approach, Published by Singapore University Press, 1988. 170 p.

Интернет-ресурсы

122. Агентство Синьхуа. Произведения китайского писателя Чжао Шули изданы более чем в 40 странах. [Электронный ресурс]. URL:<http://russian.people.com.cn/31515/4855240.html> (дата обращения: 01.10.2021)

123. Без автора. Влияние русской литературы на китайских писателей // Правда. 2016. 29 июля – 1 августа. №82 (30433). [Электронный ресурс].

URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2016/82/article-55617/> (дата обращения: 01.10.2021)

124. Волынец А.Н. очерк «Как казак Иван ходил «до китайского Крыму». [Электронный ресурс].

URL: <https://dv.land/spec/do-kitaiskovo-krymu> (дата обращения: 01.10.2021)

125. Воропаев В.А. Над чем смеялся Гоголь. [Электронный ресурс].

URL: <https://azbyka.ru/fiction/nad-chem-smeyalsya-gogol/> (дата обращения: 01.10.2021)

126. Гу Цзюнь. Прусек и Лу Синь. (顾钧 普实克与鲁迅) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.luxunhome.com/image/xgbd/xgbd0040.htm> (дата обращения: 15.09.2021)

127. Gamsa Mark. Русская литература в Китае. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/russkaya-literatura-v-kitae.html> (дата обращения: 01.10.2020)

128. Даминова Юрия. Гоголь по-китайски // Независимая газета. М., 2007. 1 ноября. [Электронный ресурс].

URL: https://www.ng.ru/archivmaterials/2007-11-01/13_gogol.html (дата обращения: 03.9.2020).

129. Китайская драма. [Электронный ресурс]. URL: <https://shansbooks.ru/spravochnik-kitaista/kitayskaya-drama/> (дата обращения: 25.10.2021).

130. Китайскую постановку гоголевского «Ревизора» московские зрители встретили овациями. 2007. 4 ноября. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2007-11-04/197961-kitayskuyu_postanovku_gogolevskogo_revizora_moskovskie_zriteli_vstretili_ovatsiyami (дата обращения: 03.9.2020)

131. Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. [Электронный ресурс].

URL: https://informaxinc.ru/anarchy/kropotkin_idealy/#CO23 (дата обращения: 20.9.2020)

132. Лу Синь. Повести и рассказы. Переводчик: Н.Т. Федоренко. М.: Художественная литература, 1971. [Электронный ресурс].

URL: <https://www.rulit.me/books/povesti-rassказы-read-243093-80.html> (дата обращения: 03.9.2020)

133. Лу Синь. Правдивая история А-Кея. Пер с рус. Борис Александрович Васильев. Л.: Издательство "Прибой", 1929. [Электронный ресурс].

URL: http://az.lib.ru/l/lusinx/text_pravdivaya_istorua-a-keya.shtm (дата обращения: 03.10.2020)

134. Савельева О.В. Советский театр в Китае: из истории гастролей середины 1950-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-teatr-v-kitae-iz-istorii-gastroley-serediny-1950-h-gg> (дата обращения: 30.09.2021).

135. Сартаков Е.В. «Просвещенный верою»: проблема сути истинного просвещения в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и русской консервативной журналистике первой половины 1840 гг. // Медиаскоп. М., 2013. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1420> (дата обращения: 24.10.2021).

136. Суровцева Е.В. О влиянии Н.В. Гоголя на Лу Синя // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 20.9.2020).

137. Цюй Цю-бо. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/12557/12653.html> (дата обращения: 24.10.2021).

138. Цюй Цю-бо. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D1%8E%D0%B9_%D0%A6%D1%8E%D0%B1%D0%BE (дата обращения: 25.10.2021).

139. Чао Шу-ли. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%B0%D0%BE_%D0%A8%D1%83%D0%BB%D0%B8 (дата обращения: 24.10.2021).

140. Чжоу Цзо-жэнь. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%BE%D1%83_%D0%A6%D0%B7%D0%BE%D0%B6%D1%8D%D0%BD%D1%8C (дата обращения: 25.10.2021).

141. Чжоу Цзо-жэня. Свободные ноги. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazeta.com/translate-zhouzuoren-3> (дата обращения: 25.10.2021).

142. Чэнь Бай-чэнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://hkcinema.ru/actor/18125> (дата обращения: 25.10.2021).

143. Шапиро Р.Г. Варвары в Поднебесной // Иностранная литература. 2010. № 12. [Электронный ресурс].

URL:<https://magazines.gorky.media/inostran/2010/12/varvary-v-podnebesnoj.html> (дата обращения: 01.10.2020)

Приложение. Краткие биографические справки о китайских литературоведах и писателях, упоминаемых в диссертации

С целью приблизить настоящую диссертационную работу российской аудитории представляем краткие биографические сведения о некоторых наиболее известных китайских литературоведах и писателях, упоминаемые в тексте настоящей работы.

Чжоу Цзо-жэнь

Чжоу Цзо-жэнь (1885–1967) – литературный критик и переводчик, младший брат Лу Синя, в течение сорока лет работавший в творческом содружестве с ним. Черты биографии братьев во многом схожи. Оба они родились в уезде Куайцзи Шаосинской управы провинции Чжэцзян; получили классическое образование и обучались в Цзяннаньской морской академии. В 1906 г. братья отправились в Японию, изучали там японскую литературу и древнегреческий язык. Там же Чжоу Цзо-жэнь начал переводить тексты с древнегреческого на китайский. После возвращения в Китай в 1911 г. стал преподавать в Пекинском университете²⁶³.

Чжоу Цзо-жэнь писал статьи для китайского журнала «Синь циннянь», который играл важную роль в Движении за новую культуру, развернувшемся вслед за движением «Четвёртое мая». Чжоу Цзо-жэнь выступал за гуманистическую литературу, в которой «отрицается всякий миропорядок, противоречащий человеческой природе». Он осуждал традиционные элитарные виды китайского искусства – например, Пекинскую оперу, называя ее «отвратительной и претенциозной»²⁶⁴. Отрицая «варварские стандарты» старого Китая, Чжоу Цзо-жэнь выступал, в частности, с критикой древней

²⁶³ Чжоу Цзо-жэнь. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%BE%D1%83_%D0%A6%D0%B7%D0%BE%D0%B6%D1%8D%D0%BD%D1%8C (дата обращения: 25.10.2021).

²⁶⁴ Там же.

традиции бинтования ног женщин (с целью остановить рост стопы), высказав свои взгляды на эту проблему в эссе «Свободные ноги»²⁶⁵.

С именем Чжоу Цзо-жэня связан начальный этап восприятия творчества Ф.М. Достоевского в Китае, отмечается в научной статье Чжан Жуньмэй «Особенности восприятия идей Ф.М. Достоевского в Китае»²⁶⁶.

Вместе с Лу Синем Чжоу Цзо-жэнь входил в «Литературный кружок» (созданный в 1921 г. в Пекине), члены которого внесли «важный вклад в перевод и рецензирование произведений Достоевского»²⁶⁷.

Во время Японо-китайской войны (1937–1945) Чжоу Цзо-жэнь оставался в Пекине и работал в ведомстве образования и просвещения, подчинявшемся японским оккупационным властям, за это после войны был осужден как коллаборационист и приговорен к смерти. Позже приговор заменили длительным тюремным заключением. Однако уже в 1949 Чжоу Цзо-жэнь был отпущен на свободу. Он продолжил работать в Пекине, писал эссе, переводил художественные произведения с древнегреческого и японского. В числе его переводов – трагедии Еврипида, стихотворения Сапфо, «Кодзики» (памятник древнеяпонской литературы)²⁶⁸.

Чжоу Цзо-жэня интересовали мифология и фольклор. Он первым перевёл на китайский с английского сказку «Али-Баба и сорок разбойников». Чжоу Цзо-жэнь умер в Пекине в возрасте 82 лет²⁶⁹.

²⁶⁵ Чжоу Цзо-жэня. Свободные ноги. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazeta.com/translate-zhouzuoren-3> (дата обращения: 25.10.2021).

²⁶⁶ Чжан Жуньмэй. Особенности восприятия идей Ф.М. Достоевского в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. М., 2017. Т. 21. № 3. С. 411–418.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Чжоу Цзо-жэнь. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%BE%D1%83_%D0%A6%D0%B7%D0%BE%D0%B6%D1%8D%D0%BD%D1%8C (дата обращения: 25.10.2021).

²⁶⁹ Там же.

Чэнь Байчэнь

Чэнь Байчэнь (1908–1994) – драматург и театральный деятель. Первую пьесу написал в 1935 г. В период национально-освободительной войны (1937–1945) руководил театральным коллективом “Инжэнь”, преподавал в Государственном театральном училище в Чунцине.

Чэнь Байчэнь – один из представителей новой китайской драмы, возникшей в начале XX в. В 1930 г. была учреждена Лига левых драматургов Китая. Появился ряд новых драматургов, в их числе – Ся Янь, Юй Лин, Чэнь Байчэнь, Сун Чжиди²⁷⁰.

Из двадцати написанных Чэнем Бай-чэнем пьес наиболее известны «Люди смутного времени», «Марш Мендельсона» («Свадебный марш»), «Когда приходят холода», «Картины карьеры чиновников». Эти пьесы сатирически обличали гоминьдановский режим, рассказывали о тяготах жизни народа.

Чэнь Байчэнь является автором серии исторических пьес из эпохи восстания тайпинов, в том числе "Деревня Цзиньтянь" (1937), "Дадухэ" (1942) и других. В 1959 г. опубликовал сатирическую комедию "Явление бумажного тигра", обличающую американский империализм²⁷¹.

Чэнь Байчэнь – автор сценариев нескольких фильмов. В их числе – «Вороны и воробьи» (1949), «Сун Цзинши» (1955), «Правдивая история А-кью» (1981) по повести Лу Синя²⁷².

²⁷⁰ Китайская драма. [Электронный ресурс]. URL: <https://shansbooks.ru/spravochnik-kitaista/kitayskaya-drama/> (дата обращения: 25.10.2021).

²⁷¹ Чэнь Бай-чэнь. Театральная энциклопедия. Том 5. / Глав. ред. П. А. Марков. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 1136.

²⁷² Чэнь Бай-чэнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://hkcinema.ru/actor/18125> (дата обращения: 25.10.2021).

Цюй Цюбо (Цюй Цюбай)

Цюй Цю-бо (1899–1935; настоящее имя Цюй Шуан) – публицист, поэт, литературный критик, переводчик, политический деятель. Один из основателей и руководителей Компартии Китая²⁷³.

Родился в городе Чантин провинции Фуцзянь. Его отец Цюй Шивэй происходил из аристократического рода, к моменту рождения Цюя пришедшего в упадок. В 1916 г. Цюй Цю-бо поступил в Учанскую школу иностранных языков в Ханькоу, где изучал английский. В 1917 г. пытался найти работу на госслужбе в Пекине, но провалил вступительный экзамен. Поступил в Колледж русского языка (при Министерстве иностранных дел Китая), где обучение было бесплатным. Окончив его в 1919 г., остался работать в нём. Участвовал в «Движении 4 мая» и создании радикального журнала «Синь шэхуэй» («Новое общество»), в деятельности «Общества изучения марксизма»²⁷⁴.

В 1920 г. как спецкор пекинской газеты «Чэньбао» («Утро Китая») и шанхайской «Шиши синьбао» («Вести сегодня») уехал работать в Москву. Встречался с В. И. Лениным и А. В. Луначарским, посетил дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне; написал книги «Путевые записки о новой России» (1922) и «Впечатления о Красной столице» (1924). В 1922 г., находясь в России, вступил в компартию Китая.

В 1923 г. вернулся в Китай и руководил пропагандистской работой КПК. Летом 1923 г. был назначен деканом факультета социологии Шанхайского университета. В 1924 г. стал кандидатом в члены Исполнительного комитета Гоминьдана, участвовал в создании союза Гоминьдана и КПК. В 1927 г. был избран членом Политбюро ЦК КПК и фактически стал лидером партии.

²⁷³ Цюй Цю-бо. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D1%8E%D0%B9_%D0%A6%D1%8E%D0%B1%D0%BE (дата обращения: 25.10.2021).

²⁷⁴ Там же.

Участвовал в деятельности Коминтерна. После разрыва союза с Гоминьданом руководил подготовкой массовых акций. В 1928 г. Цюй в качестве главы делегации КПК уехал в Москву, где провёл два года. В 1930 г. был отозван в Китай. По возвращении в Шанхай подвергся критике за идеи «левацкого путчизма».

В 1931 г. на IV пленуме ЦК КПК был снят со всех руководящих постов в партии; занимался писательством и переводами. Вместе с Лу Синем и Мао Дунем возглавлял движение деятелей «левой культуры».

Внёс заметный вклад в популяризацию в Китае русской и советской литературы; переводил произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, А. В. Луначарского, Д. Бедного, Ф. В. Гладкова, П. А. Павленко и других.

В 1934 г. конфликт с Гоминьданом достиг пика. Он участвовал в партизанском движении китайской Красной армии. В феврале 1935 г. был арестован гоминьдановцами и 18 июня этого же года казнён. После смерти Цюй Цю-бо был возведён в ранг героев коммунистического движения. На родине политика в Чанчжоу построен его мавзолей. Перевод «Интернационала», сделанный Цюем, до сих пор используется как гимн КПК. Цюй Цю-бо входит в официальный список «100 величайших деятелей нового Китая» (2009)²⁷⁵.

²⁷⁵ Цюй Цю-бо. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/12557/12653.html> (дата обращения: 24.10.2021).

Чжао Шули

Чжао Шу-ли (1906–1970) – китайский писатель, литератор и политик. Член Союза китайских писателей. Депутат Всекитайского собрания народных представителей I, II и III созывов²⁷⁶.

Родился в провинции Шаньси в семье бедного крестьянина. Грамоте учился у своего деда, потом поступил в учительскую семинарию²⁷⁷.

Во время учёбы в семинарии примкнул к антифеодальному и антиимпериалистическому движению студентов. В 1926 г. участвовал в революционных выступлениях в провинции Шаньси против милитаристов. В этот же период вступил в Компартию Китая. Был арестован за коммунистические убеждения и нелегальную деятельность.

Выйдя из тюрьмы, работал сельским учителем в родной деревне, затем актёром в передвижном театре. Позже переехал в главный город провинции Шаньси – Тайюань. В годы антияпонской войны находился на партийной работе как редактор коммунистических газет.

В 1940 г. начал работать в крупнейшем издательстве освобожденных районов «Синьхуа шудянь»²⁷⁸.

С середины 1930-х гг. занимал партийные должности на территориях, контролируемых маоистами в Северном Китае. В 1949 и 1958 гг. посещал СССР. Был членом Исполнительного комитета Союза китайских писателей; занимал должности директора Общества китайских авторов, председателя

²⁷⁶ Чжао Шу-ли. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%B0%D0%BE_%D0%A8%D1%83%D0%BB%D0%B8 (дата обращения: 24.10.2021).

²⁷⁷ Федоренко Н.Т. Китайская литература: Очерки по истории китайской литературы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 617.

²⁷⁸ Там же. С. 618.

Общества китайских поэтов, редактора журналов «Народное искусство» и «Народная литература»²⁷⁹.

В 1964 г. был подвергнут публичной критике, с 1967 г. находился под домашним арестом (в советских источниках с этого времени считался погибшим).

Умер в 1970 г. (оставаясь под домашним арестом) в результате преследований против интеллигенции и других «неудобных» во время китайской Культурной революции²⁸⁰.

²⁷⁹ Чао Шу-ли. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%B0%D0%BE_%D0%A8%D1%83%D0%BB%D0%B8 (дата обращения: 24.10.2021).

²⁸⁰ Там же.